

Regional Non-Governmental Organisation for the protection and development of national culture and identity of the people of the Republic of North Ossetia and the Republic of South Ossetia «VOZROZHDENIE»
- «SANDIDZAN» Profsoyuznaya str., 75-3-174, 117342, Moscow, Russia
tel.: +7 (495) 642-3553, e-mail: sandidzan@gmail.com , www.sandidzan.org

СОВЕЩАНИЕ 2011 ГОДА

ПО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ В ВАРШАВЕ

Рабочее заседание №11

«Беженцы и перемещенные лица»

Инга Кочиева, Алексей Маргиев

Грузия: Этнические чистки в отношении осетин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если представить себе, что в будущем не будет Интернета (что вполне возможно, и не обязательно как результат злокозненных действий антиглобалистов – пара-тройка хороших ураганов Катрина вкупе с несколькими катастрофическими землетрясениями могут привести человечество и не к таким лишениям), то изучать нашу с вами современность потомки, как это делалось и встарь, будут в библиотеках, по книгам. И уже к нашему, ныне живущих великому сожалению, подавляющее большинство важнейших событий периода «глобальной геополитической катастрофы» (Владимир Путин), то есть распада Союза Советских Социалистических Республик, предстанут в лучшем случае малозначимыми, а возможно, и вовсе не станут известны. Хорошо, что не для всех исследователей виртуал стал важнейшим, а то и единственным полем приложения своих сил, и книги все еще пишутся. Иногда – хорошие книги, информативные книги, эмоциональные книги, свидетельские книги. Объективные книги. Все вышеприведенные эпитеты в полной мере применимы к работе Инги Кочиевой и Алексея Маргиева плюс еще одно обстоятельство.

Эта книга лишь в небольшой степени заполняет огромную лакуну, которая уже есть и становится все больше даже в памяти участников ныне активно продолжающихся развивающихся драматических событий, связанных с современной историей одного из древнейших народов Евразии, а вернее, и Европы, и Азии – осетин.

Собственно говоря, одним из феноменов, явившихся миру в драматичнейшем XX веке, феноменом, не только не получившим пока объяснения, но даже толком и не подмеченным исследователями, является странная избирательность истории в отношении судьбы наиболее древних народов. Геноциду, понимаемому как проведение целенаправленной государственной политики физического уничтожения целого народа на исторической территории его проживания, последовательно в прошлом веке подверглись: армяне в Османской империи, евреи в Германии и на оккупированных ею территориях, цыгане там же, камбоджийцы в Камбодже, осетины в Грузии... Причисление осетин к печальному и общеизвестному списку может кого-то удивить. Но знакомство с материалами, опубликованными в настоящей книге, подобное удивление несомненно рассеет или по крайней мере серьезно поколеблет.

Вообще говоря, кропотливо собранные и приведенные авторами статистические материалы и человеческие свидетельства не носят всеобъемлющего характера. Да они и не могут быть таковыми: для составления более или менее полного свода преступлений в отношении мирного населения Южной Осетии, совершенных по этническому признаку, требуются полномасштабные усилия не только со стороны представителей осетинского народа, но в первую очередь со стороны международных организаций, в изобилии представленных как в мире в принципе, так и на территории Южного Кавказа, в непосредственной близости от мест, где разворачивалась осетинская трагедия. Однако ни ООН в лице своей программы развития, ни ОБСЕ, ни Евросоюз вопросами справедливости, к сожалению, не занимаются. Это все организации чисто политического свойства, и мандат их деятельности в регионе определен в рамках решения чисто политических задач, которые не содержат в себе в данном случае необходимости учитывать страдания населения.

Кто-то из будущих читателей может задаться вопросом: а не следует ли отнести эти самые страдания населения к прошлому, закрыть черные страницы и начать строить взаимоотношения двух народов, грузинского и осетинского, с чистого листа? Хорошо бы, да не получается. Грузия не осудила абсолютно фашистские как по сути, так и по форме и приведшие к геноциду осетин в Грузии политику, идеологию и деятельность режима Звиада Гамсахурдиа. Более того, в правление «демократа» Михаила Саакашвили как имя, так и дело Гамсахурдиа переживают видимый ренессанс. Ни одна из заинтересованных стран также не высказалась определенно в смысле квалификации грузинской политики в период 1989–1992 годов, и Российская Федерация в том числе. Ни

одна из международных организаций не сделала того же самого, хотя апелляция осетин к примерам и аналогиям Нюрнберга и Гааги как минимум небезосновательна. В итоге мы все имеем возможность видеть отсутствие самого главного в нынешних взаимоотношениях грузинского и осетинского народов. А именно взаимного доверия и, следовательно, перспективы полноценного урегулирования конфликта. Пока что без российских миротворцев, которые вот уже на протяжении 13 лет гарантируют мир на территории Южной Осетии, представить себе гарантированное невозобновление военных действий трудно. И описываемые авторами попытки силового реванша со стороны Грузии, предпринятые летом 2004 года, вполне доказательно свидетельствуют об этом.

К величайшему сожалению (и материалы настоящего труда доказывают это), те десятки тысяч осетин, которые жили за пределами Южной Осетии, в собственно Грузии, и вынуждены были, спасая свою жизнь, покинуть родные места, имеют мало шансов туда вернуться. Пока что в этом некоторая (хотя и не вполне уникальная) особенность постконфликтной ситуации между грузинами и осетинами. Никому и в голову не придет чинить препятствия евреям в возвращении на родину в Германию. Более того, этот процесс усиленно стимулируется немецким народом и правительством. Осетины же в Грузию полноценно вернуться не могут – нет ни политической воли тбилисского руководства, ни, естественно, соответствующих шагов законодательного порядка с его стороны. Аргумент гамсахурдиевского происхождения и вполне фашистского свойства типа «родина осетин это Северная Осетия, пусть там и живут» до сих пор имеет хождение в Грузии, причем как на бытовом, так и на политическом уровне. Интересно, что в российской части Осетии, где веками проживают многие тысячи этнических грузин, никогда и никому не приходило в голову объявлять их родиной Грузию. Родина каждого там, где он живет, там, где он родился, там, где жили его предки. В конце концов каждый сам определяет, где его родина, и заставлять его силой оружия думать иначе – не геноцид разве?

Ни в коем случае нельзя бросать камень в сторону многонационального и многокультурного народа Грузии. Несмотря ни на что, в стране, столько лет находящейся под мощным идеологическим прессом моноэтнической пропаганды, есть очень большое число людей, готовых на покаяние и на компромисс. И это вселяет надежду. В конце концов, как справедливо написал один из крупнейших специалистов по исследованию природы и последствий этноцида Норман Неймарк, «этнические чистки не являются производной особенностей культурного развития турок, немцев, сербов или каких-то других народов. Ни армянский, ни еврейский геноцид не были неизбежными. Они вызрели в конкретных обстоятельствах, порожденных мировыми войнами, а детонатором послужили амбиции современных политиков».

Родившейся на рубеже XIX-XX веков современной – расовой – форме национализма вкупе с империалистическим стремлением больших наций к

подавлению интересов наций малых давно пришло время отправляться на свалку истории.

Алан Касаев, кандидат исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

В результате вооруженного грузино-осетинского конфликта в 1989–1992 годах огромная часть осетинского населения как в Южной Осетии, так и в Грузии стали беженцами или вынужденно перемещенными лицами. Значительное количество беженцев было вынуждено переселиться в Северную Осетию, остальные же расселились в Цхинвале и осетинских селах Южной Осетии. Проблемой беженцев с тех пор занимается множество государственных структур и неправительственных организаций. Однако нельзя сказать, что в этой деятельности достигнут результат, адекватный масштабу трагедии их исхода с мест постоянного проживания, несмотря на усилия, прилагаемые государством и соответствующими организациями. Как складывается дальнейшая жизнь этих людей там, где они получили приют, какие этапы проходит судьба беженца, кто виноват в том, что человек в одночасье теряет все, что нажито годами труда, теряет родину и, самое главное, статус полноценного члена общества там, куда забрасывают его обстоятельства?

Все эти вопросы можно осветить на примере разрастания национал-экстремизма в Грузии в конце 1980-х годов прошлого столетия, когда жертвой политики абсолютизации всего грузинского в ущерб интересам национальных меньшинств стало осетинское население. Около 115 тысяч человек за два года конфликта пересекли границу Северной Осетии, спасая свои жизни, оставив свои дома и налаженную жизнь со всеми планами на будущее и прочной привязанностью к земле, в которой покоились предки. Историческая память подсказывала, что только бегством можно спастись от будто внезапно заболевших тяжелым недугом соседей. И стали вспоминаться почти забытые за годы советской дружбы народов и интернационализма события далеких 20-х годов, когда еще более жестоким образом выжгли дотла огромную часть населенных пунктов Южной Осетии грузинские меньшевики.

Когда Осетия в 1774 году вошла в состав России, через четверть века, в 1801 году, к России присоединилась и Грузия. Не было никаких «Самачабло» и «Шида Картли» («Самачабло» – владения грузинских князей Мачабели, «Шида Картли» – Внутренняя Грузия), когда соседние грузинские феодалы заявили о свои правах на эти территории. В 1830 году российское правительство дало на эти претензии окончательный и однозначный ответ: грузины не обладают никакими правами на Южную Осетию.

В 1918 году Грузия провозгласила независимость, и Южная Осетия, с 1774 года входившая в состав России, оказалась в опасном положении. Тогда, как и в 1989 году, Южная Осетия сделала выбор в пользу России, этим и объяснялась

ориентация на большевиков – только так можно было добиться объединения с Северной Осетией в составе России. Как и в 1989-м, Южная Осетия стала для России рычагом воздействия на грузинский сепаратизм, а меньшевистское грузинское руководство гораздо меньше, чем сейчас, собиралось искать мирный способ договориться с южными осетинами. В 1920 году, после провозглашения советской власти в Южной Осетии, грузинское меньшевистское правительство направило против осетин всю свою регулярную армию. Десятки тысяч людей были изгнаны из своих домов, села превращены в пепел, тысячи мирных людей были убиты, более 5 тысяч осетин погибли во время бегства от карателей при переходе через перевалы в Северную Осетию от холода, голода, тифа и туберкулеза. Более трех тысяч крестьянских хозяйств было сожжено. После установления советской власти в Грузии специально образованная комиссия на правительственном уровне определила общий материальный ущерб, нанесенный Южной Осетии грузинской карательной экспедицией, в денежном выражении он составлял 3 317 516 рублей золотом. Тысячи изгнанных осели в Северной Осетии.

«Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она хочет», – сказал Наркоминдел РСФСР Г. Чичерин в ноте меньшевистскому правительству Грузии в ответ на события в Южной Осетии. Увы, дело было совсем не в том, что совершен геноцид против народа, стремившегося в состав России. «...Ту власть, которую она хочет» означало власть, которую хочет Россия и которую поддержал народ, верный России при любой власти. После установления советской власти в Грузии юг Осетии был искусственно, волевым путем передан в состав Советской Грузии, той Грузии, которая два года истребляла осетин под лозунгом «В Грузии есть осетины, но нет Осетии!» В 1922 году была создана Юго-Осетинская автономная область в составе Грузии. Север Осетии остался в РСФСР. Осетия оказалась рассеченной на две автономии в составе двух союзных республик. Почва для следующего геноцида была заложена.

Часть I. Прошло 68 лет...

Ницше сказал, что северный ветер создал викингов. Возможно, десятилетия сопротивления политике ассимиляции, проводимой грузинским руководством, выработали своеобразный иммунитет у южных осетин, не желавших растворяться в чуждой среде. Мысль о воссоединении с Северной Осетией не оставляла южан, несмотря на то что «крамольные» требования жестоко карались советской властью. Дважды в 1925 году этот вопрос ставился перед Сталиным представителями Юго-Осетинской и Северо-Осетинской автономных областей. Ответом Сталина на просьбу соотечественников были жестокие репрессии – члены этих делегаций были в конечном итоге расстреляны. Тем не менее вопрос о воссоединении с Северной Осетией и позднее, в 40-е годы во время войны, и

в 50-60-е годы во время хрущевской оттепели, неоднократно поднимался южными осетинами. Изменить иерархическую структуру подчинения одних народов другим малочисленным осетинам было не под силу. Эта фраза об иерархическом устройстве Советского государства была ключевой в выступлениях Алана Чочиева, лидера движения «Адамон ныхас» («Народное вече»), возникшего в Цхинвале в 1988 году, после того как Грузия заявила о своем выходе из состава Союза.

Центр делегировал народам лимитированное количество прав в зависимости от их численности в Союзе. Это обрекало малые народы на постоянную роль младших братьев, что непосредственно отражалось на их уровне жизни – экономической и культурной. Численность населения Южной Осетии сокращалась: миграция росла, рождаемость снижалась. С довоенных 107 тысяч человек население сократилось до 98 тысяч в 1989 году. При этом доля осетин в общей численности населения Грузинской ССР снижалась, а доля грузин увеличивалась. Уровень жизни в автономной области оказался в 2–2,5 раза ниже среднереспубликанского.

Данные из книги известнейших югоосетинских историков Гаглойты Ю. С., Джиева М. К., Джусойты Н. Г., Пухаева К.П., Техова Б. В., Чибирова Л. А. «Из истории осетино-грузинских взаимоотношений», вышедшей в Цхинвале в 1995 году, говорят о том, что Юго-Осетинская автономная область стала аграрно-сырьевым придатком Грузии. На промышленное строительство в Южной Осетии республика отпускала мизерные средства. В 1947 году решением союзных властей в Цхинвал из Вены было завезено оборудование репарационного авторемонтного завода. В 1948 году завод дал солидную прибыль народному хозяйству области, выполнив задание на 315 % (!), но в 1950 году завод был передислоцирован в Кутаиси. В отдельные годы под различными предлогами были закрыты Джалабетский и Чуришевский лесопильные заводы, прекращены разработки месторождения нефти в Громе. На десять лет растягивалось предусмотренное решением Совета Министров СССР строительство мясокомбината и хлебозавода, в то время как в Грузии подобные заводы строились в течение года. Та же политика проводилась в аграрном секторе, где руководством Грузинской ССР назначался план сбора урожая с площадей, превышающих площади имеющихся пахотных земель. Колхозы были вынуждены распахивать сельские пастбища, чтобы выполнить план. Нехватка кормов вызывала падеж и сокращение количества скота. Многие регионы с богатыми животноводческими традициями стали бескоровными. Приходилось закупать скот на стороне, чтобы выполнять плановые задания по сдаче мяса. Горным районам Южной Осетии, где никогда не росла пшеница, устанавливался план по сдаче зерна. О недостатках советского планового хозяйства говорить не приходится, однако для соседних с Южной Осетией районов Грузии устанавливались вполне достижимые требования в области сельского хозяйства – с показателями в 3–4 раза меньше. Экономическая дискриминация

крестьянства вела к нищете сельских жителей и полному разорению аграрного сектора области.

Такая же политика в отношении Южной Осетии проводилась и в культурной сфере. В 1938 году осетинский алфавит переведен на грузинскую графику.

С 1949 года весь учебный процесс в школах, включая и начальные классы, был переведен на грузинский язык. В школах Джавского района, где грузинского населения не было совсем и грузинского языка почти никто не знал, дети так и не смогли окончить школы, оставшись неграмотными. В 1951 году переведено на грузинский и все делопроизводство в области, в течение дня сняты со стен зданий все вывески на осетинском языке. Районная газета в Ленингорском районе выходила только на грузинском языке, несмотря на то что более 70 % населения района составляли осетины.

Подобные же меры в новой Грузии, заявившей о своем выходе из СССР, вызвали в 1989 году открытое противостояние осетинского населения Южной Осетии. Все возвращалось – и грузинский язык, и делопроизводство, все то, чем столько лет Советская Грузия пыталась окончательно устранить само основание для наличия Юго-Осетинской автономии в ее составе – осетинское население. Разумеется, и тогда, в 50-е годы, общественность протестовала против антиосетинской политики властей Грузии. Выступившие с протестом представители осетинской интеллигенции и студенчества были осуждены на разные сроки каторги.

Что ж, Советский Союз по крайней мере гарантировал осетинскому народу невозможность физического истребления.

* * *

В конце 1980-х годов Советский Союз уже не так уверенно мог что-то гарантировать, а вернее, СССР просто пытался хоть немного еще продержаться на плаву. Начался «парад суверенитетов».

Грузинские радикалы, знавшие об убежденной просоветской ориентации в автономиях, легко определили платформу, на которой можно справиться с подобной ориентацией – это был национализм, который одновременно был и хорошим трамплином для прихода к власти. С 1988 года в Грузии начинается националистический психоз, что привело к всплеску насилия на этнической почве. Лозунг «Грузия – для грузин!», недалеко ушедший от «Deutschland uber

alles!», был в той или иной степени поддержан всеми грузинскими политическими партиями и движениями. Фаворитом новой Грузии очень скоро стал лидер Хельсинкского союза (который, кстати, не входил в авторитетную Международную хельсинкскую федерацию) Звиад Гамсахурдиа. Даже те национальные меньшинства, которых не коснулась открытая дискриминация, чувствовали себя неуверенно, ожидая своей очереди. Пресса развернула кампанию против национальных меньшинств, увидев в них угрозу благополучию грузинского народа. Национализм потрясал откровенностью, цинизмом и агрессивностью. Речь шла уже не о каких-то программах по созданию преимущественных условий для развития грузинской нации. Звучали призывы «вымести этот мусор», «регулировать их рождаемость» и т. д. Согласно новым теориям, теперь для русских стали характерны «биологическая неполноценность, пьянство и каннибализм»; азербайджанцы «слишком быстро размножились»; турки-месхетинцы – пришельцы, их родина – Турция; осетины – просто «гости, нагло захватившие территорию приютившей их Грузии», а абхазы – «племя, спустившееся с гор в прошлом веке». В Грузии взяли курс на «процентную норму» проживания лиц негрузинской национальности.

Это всем известные и документально зафиксированные факты, повторять которые не очень хочется. Относительно прогрессивные современные грузинские общественные деятели уже осудили эти проявления фашизма и готовы даже признать, что были не правы. Но это произошло только после того, как им стало ясно, что без признания этих «перегибов» в недавнем прошлом независимой Грузии не добиться репутации порядочной страны и не получить формального официального включения в евроструктуры, хотя и без этого Грузия пользуется благосклонностью Запада в полной мере. А в те времена националисты пользовались почти полной поддержкой грузинского народа, пережившего недавно 9 апреля и готового к борьбе с кем угодно, кто выступает за советский строй.

Звиад Гамсахурдиа стал активно проводить митинги уже в 1989 году, знакомя народ с собой и новыми задачами, решение которых должно было возвеличить Грузию. Первые публичные явления Звиада были не всегда удачными, да и Хельсинкскую группу не очень знали, тогда еще грузинам непривычно было бросать работу и среди бела дня бежать на митинг. «Этот черт отравит нас своим ядом! Откуда он взялся? Не слушайте его, люди!» – раздавалось на первых митингах. Но тех, кто не верил и свистел в ответ на призывы, обещали запомнить и наказать. А потом уже люди втянулись и поддерживали его, твердо веря, что это и есть мессия. «Еще скажу: грузинские мужья покупают своим женам дорогую одежду и бриллианты, тогда как осетинские мужчины покупают оружие и думают о завтрашнем дне», – согласно утверждениям Звиада, оружие закупалось на русские деньги в Северной Осетии и завозилось не через Рокский тоннель, а горными тропами, на лошадях. На митинге в Гори (родина Сталина) в ноябре 1989 года в нужный момент к нему

пробрались из толпы два молодых парня и пошушукались с ним, после чего Гамсахурдиа объявил, что ему только что сообщили, что «сегодня ночью осетины собираются напасть на Гори», и поэтому он призвал создать отряды и охранять дороги, ведущие из Цхинвала. Выступление он закончил вдохновившими жителей Гори словами: «Да здравствует завтрашний Сталин Грузии!» Ночью на Гори никто не напал, и жители ругали Звиада последними словами. Но установка на национальное превосходство грузин работала всегда и безошибочно оставляла след в их душах.

В Южной Осетии также проходили митинги протеста, связанные с принятием закона Грузии о государственном языке – грузинском, о требованиях вести делопроизводство на грузинском языке и ввести обязательный экзамен по грузинскому языку при поступлении в вузы. Руководство Юго-Осетинской автономной области пыталось удержать ситуацию и поддерживать стабильность, обещая, что сможет решить эти вопросы, но без поддержки Центра, который страдал комплексом 9 апреля (против митингующих на проспекте Руставели тбилисцев были выдвинуты БТРы Советской армии) и ничего не предпринимал, рассчитывать на успех этих обещаний не приходилось.

Антиосетинская кампания в новой Грузии, между тем, перешла уже к новому витку.

Националистическим лидерам удалось создать устойчивый образ врага в лице осетин.

Общества Иванэ Мачабели и святого Ильи Праведного проводили колоссальную работу, чтобы убедить в приоритетности задачи упразднения автономной области, закрытия Рокского тоннеля и изгнания осетин. Эмиссары грузинских обществ и движений наведывались и в Чечено-Ингушетию на антиосетинские сборища ингушей, рассчитывая на их помощь и обещая свою поддержку. Начался сбор подписей по всей Грузии за упразднение автономии Южной Осетии. Впрочем, позже, при принятии решения об упразднении автономии, собранные подписи совсем не понадобились. Кульминацией подготовительного к войне периода явился известный поход 23 ноября 1989 года в Южную Осетию. На предыдущих митингах в Гори и Ередви Гамсахурдиа обещал привести в центр Цхинвала 200 тысяч грузин и провести там митинг. Собрать 200 тысяч человек все же не удалось, несмотря на то что собирали по всей Грузии, но тысяч 40 в этой колонне было определено. Многие были вооружены. Водителей, которые не соглашались ехать в Цхинвал, просто выкидывали из собственных автомобилей, и на их место садились «патриоты», которые ехали в сторону Цхинвала, с воодушевлением размахивая кизилковыми флагами.

На следующий день, 24 ноября, как рассказывает очевидец, в 4 часа дня

народ собрался перед Домом правительства в Гори в ожидании вестей из Цхинвала, куда уехала из города практически вся молодежь. «Вернувшиеся оттуда „неформалы“ сообщили, что все, кто поехал в Цхинвал, живы и здоровы, что сейчас подъедет господин Гамсахурдиа и сам все расскажет. Пока его не было, кое-кто из собравшихся кидал яйца в огромный памятник Сталину, ругая его за то, что он дал осетинам автономию. Появившийся Звиад был мрачен, говорил зло: „Мои дорогие соотечественники хотели провести в Цхинвале мирный митинг. Но запланированное не удалось. По какой причине? Осетинские женщины вывели своих малолетних детей, поставили их перед собой, за ними стояли молодые люди, держась друг за друга. По правде говоря, они были безоружными. За ними подошли российские войска на БТРах. Осетинские парни стояли также в кузовах автомашин, держа в руках большой портрет кровопийцы Ленина, а некоторые держали свой национальный трехцветный флаг“. Многие стали спрашивать Звиада: „Какие цвета имеет их флаг?“ Он отвечал: „Спросите тех ребят, которые там были“. А „ребята“ кричали: „Похож на женский фартук“. Все стали смеяться.

Чем дальше Звиад Гамсахурдиа рассказывал о неудачном походе на Цхинвал, куда его не впустили безоружные парни, тем сильнее он распалялся. „Освобождайте с работы осетин, которые работают на ответственных постах, первым долгом милиционеров и учителей. Разрешаю вам обыскивать их дома, отбирать оружие, кинжалы, большие ножи, топоры. Не будет Южной Осетии, будет закрыт Рокский тоннель!“ В этом месте Звиад вдруг начал топтать ногами, размахивать руками, слов было не разобрать, потому что иногда у него рот оставался открытым, он не мог сомкнуть челюсти. Народ стал шушукаться: „Звиад сошел с ума от злости“, „Надо его связать, как умалишенного“, „Топает ногами, конечно: к осетинам поехал с рогами, вернулся безрогим“, „К осетинам поехал в шерсти, а вернулся стриженным“ и т. д. Вслух ничего не говорили, боялись, да и жалко его было – очень он устал» («Кровожадный Звиад Гамсахурдиа», том составитель А. Маргиев).

Призыв вождя был услышан. Он уже давно считал себя вождем нации: «За короткое время я стал вождем грузинского народа, народ клянется моим именем. Вот слышите, как они кричат „Звиад, Звиад!“»

В дальнейшем дискриминация осетинского населения приняла масштабный характер и выразилась в еще более неожиданных формах. Так, стали привычны требования к осетинам сменить национальность с приданием фамилиям грузинских окончаний: Абайта – Абашидзе, Хетагката – Хетагури, Дзапарта – Джапаридзе.

Один из осетин, принуждаемый к смене национальности, обратился с

запросом в Институт истории, археологии и этнографии им. академика Джавахишвили Академии наук Грузии. И даже получил ответ: «На запрос гражданина Хачирашвили расследовать историю, происхождение и национальную принадлежность его фамилии мы отвечаем: Хачирашвили вышли из Внутренней Картли (территория Центральной Грузии. – И. К.). Там есть село Хачираанткари. Отсюда они переселились в Междутскую равнину. Представители этой грузинской фамилии отнесены к осетинской нации. Все Хачирашвили происхождением грузины. Их старинная фамилия звучала так – Хачиури. В переписи XIX века фамилия Хачирашвили стала считаться осетинской». Подписано директором института академиком Г. Меликишвили.

Впрочем, к моменту, когда это требование прозвучало открыто, уже огромное количество осетин, особенно в Карельском, Горийском районах и в Кахетии, носили фамилии хоть и осетинские, но с грузинским окончанием «швили». Многие из них сменили и национальность на грузинскую за долгие годы проживания в этой среде. Так, в селах Душетского района Дриаевы стали Меладзе, а Кисиевы – Арчвадзе.

А исполком райсовета народных депутатов Хашурского района Грузии вынес в середине 1990 года решение по поводу исправления осетинских и армянских фамилий. Был приведен перечень таких фамилий, затем – ссылка на «историко-архивные изыскания». Далее сказано: «В метрических выписках перечисленным лицам обозначить национальность: грузин. Фамилии Кулумбежовы – Кулумбежашвили, Микоян – Микашвили и т. д. Цховребашвили вернуть по желанию форму Цховребули, Шавердян – Шавердашвили».

После провозглашения 20 сентября 1990 года Республики Южная Осетия к антиосетинскому движению примкнули и те грузины, которые не поддерживали идеи национализма прежде. Лидер грузинского оппозиционного национального движения Мераб Костава странным образом погиб в 1990 году. Блок «Круглый стол – свободная Грузия» возглавил «вождь».

* * *

Почва для упразднения автономии осетин готовилась не только митингами и публикациями в прессе. Официальный Тбилиси приступил к «ползучей» ликвидации Юго-Осетинской АО заранее, устраняя сначала ее юридическую базу. Были отменены все советские законы, в том числе и Союзный договор, подаривший Южной Осетии автономию во вражеской республике. Шедший к власти «Круглый стол» собирался ввести по всей Грузии институт префектов, назначаемых из Тбилиси для каждого региона. В августе осетинское руководство дважды запросило в Тбилиси разрешение на проведение выборов в областной совет, полномочия которого истекли еще в марте. Ответом был отказ, и это справедливо было воспринято как фактическая отмена автономии. Грузии оставалось оформить решение юридически. Дальнейшие события последовали быстро и логично.

20 сентября 1990 года – декларация о суверенитете и провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР;

28 октября – победа на выборах в Верховный Совет Грузии блока «Круглый стол – свободная Грузия», З. Гамсахурдиа стал председателем парламента;

9 декабря – выборы в Верховный Совет Юго-Осетинской Советской Демократической Республики, избрание Тореза Кулумбегова его председателем;

11 декабря – парламент Грузии принял Закон об упразднении автономии Южной Осетии;

12 декабря – введение чрезвычайного положения в Цхинвале и Джавском районе силами грузинской милиции и подразделений МВД СССР. В этот же день в Цхинвале объявился «комендант города» – генерал Кванталиани;

5 января 1991 года – Кремль санкционировал ввод в Цхинвал 3 тысяч грузинских милиционеров (решение принял министр МВД Б. Пуго по согласованию с М. Горбачевым);

в ночь с 5 на 6 января генерал Г. Малюшкин дал приказ отвести подразделения внутренних войск и открыть дорогу на Цхинвал.

* * *

Город проспал начало войны. Но все же это был целый город, полный народа. Часть городских грузин покинула Цхинвал накануне войны, зная о готовящемся наступлении, многие даже уволились с работы, забрав свои трудовые книжки. А многие остались, не веря, что это всерьез и надолго.

Они не воевали ни против своих, ни против осетин, но в Грузии таких сразу окрестили предателями. Многие из них перед отъездом честно предупредили своих соседей о готовящемся вторжении, некоторые же решили не уезжать вообще. В эти два года войны в Цхинвале оставались жить 719 грузин и 340 грузиноязычных армян.

Обрушившаяся в канун Рождества угроза сплотила все осетинское население города. Мужчины сгруппировались в отряды, соорудили баррикады и обозначили линию обороны. Они были вместе и, несмотря на острую нехватку оружия, могли что-то предпринимать, сопротивляться. Но в другом положении оказались осетины, жившие в близлежащих и отдаленных селах Южной Осетии. Им приходилось рассчитывать на свое мужское население, большей частью не имевшее никакого оружия. Многие из них пробрались в город, чтобы

поддержать своих в боях внутри города. Села остались открытыми для бандформирований, очень быстро сколоченных из местного грузинского населения. Безднаказанность вдохновляла их на любые преступления. Бандиты нападали на село, грабили дома, затем сжигали их, но все же уходили, опасаясь прихода осетинских отрядов или подразделений ВВ МВД СССР. Гораздо труднее пришлось осетинам во внутренних районах Грузии – в Карельском, Горийском, Каспском, Боржомском, Ахметском и других, где осетины жили на территории Грузии и не были ничем защищены. Что им оставалось делать? Ответ, простой и циничный, дал все тот же Звиад Гамсахурдиа журналисту итальянской газеты «Стампа»: «Так, значит, Вы считаете, что они должны уйти? – Это очевидно. Другого выхода нет. Или сидеть спокойно, не причиняя никому хлопот». На тот момент на территории Грузии проживало около 100 тысяч осетин.

Но даже «спокойно сидевшие», не имевшие отношения к событиям в Цхинвале осетины внутренней Грузии не были застрахованы от изгнания. Наблюдая происходящее, они все почувствовали себя временно проживающими на территории Грузии. И только те из них, кто успел сменить фамилию и национальность, или те, кто метнулся в лагерь карателей и присягнул им на верность, могли рассчитывать на неприкосновенность своей семьи, да и то не всегда. Вот образец бесцеремонности, с которой местные руководители брали на себя роль судей, «кого казнить, кого миловать», подменяя собой Кодекс законов о труде:

«Приказ № 4

Об увольнении с работы учителя истории Гаглюева Ивана Семеновича.

Згудерская средняя школа Карельского района 23.01.91 г.

9-10 января 1991 года Гаглюев И. С. во время добровольной акции сбора подписей под обращением к Президенту Советского Союза оказал сопротивление справедливому решению ВС Республики Грузии о ликвидации автономной области Южной Осетии и поддерживал указ Президента СССР от 7 января 1991 года, который сеет вражду между осетинами и грузинами, проживающими в Грузии, ведет к кровопролитию между двумя братскими народами. Отсюда вывод: как противник грузинского народа и других народов, проживающих в Грузии, преподаватель истории Гаглюев Иван Семенович с 17 января 1991 года увольняется с работы. Имеется согласие профкома, протокол заседания № 1 от 22 января 1991 года. Директор Згудерской средней школы А. Джабишвили».

Нетрудно предположить, что и сам А. Джабишвили, видимо когда-то носивший осетинскую фамилию Джабиев, недолго продержался в окраске среды обитания и вскоре был разоблачен представителями «чистой» нации.

Также поступили с семьей Габараевых из города Карели. Николай Самсонович работал в Карельском дорожном управлении, а Кодалаева Зоя Сергеевна – учительницей математики в Карельской средней школе № 1. Оба были уволены с работы в 1991 году из-за национальности «осетин».

Кодалаева З. получила такой приказ об освобождении:

«Освободить педагога Кодалаеву Зою Сергеевну с занимаемой должности в связи с осетинской национальностью и именем осетинской семьи с 4 марта 1991 года. Основание: протокол № 1 от 4 марта 1991 года общего собрания педколлектива и техперсонала Карельской школы № 1. Директор Карельской средней школы № 1 Ф. Сванидзе. Приказ № 111 от 5.03.91 Карельской средней школы № 1».

Брат Николая, Отар Габараев, работавший в Горийском отделении милиции, был уволен тогда же. Как бы «тихо» ни вели себя жители сел Цхинвальского и Знаурского районов, первые беженцы, появившиеся перед зданием Цхинвальского горисполкома в январе 1991 года, были именно оттуда. В Штабе по координации действий в чрезвычайном положении была создана Комиссия по беженцам, работа которой была поручена Ф. Ф. Джигкаеву. Понятно, что опыт работы с таким контингентом людей отсутствовал полностью не только в Южной Осетии, но и в Советском Союзе. Первые заявления в комиссию были коллективными. К примеру, жители села Ионча Знаурского района Южной Осетии сообщали, что подверглись нападению грузинских бандитов, были избиты и изгнаны из своих домов, в связи с чем просили оказать им помощь. И ставили в колонку свои подписи. Специального бланка для заполнения беженцами тоже пока не было. Текст беженцы писали самостоятельно, трогательно и подробно перечисляя все, что им пришлось пережить. Но почти в каждом заявлении присутствовали общие для всех моменты:

обстреливали дома;
издевались над нами, били, стреляли в воздух;
ограбили, отняли деньги;
увели людей в заложники;
выгнали, вынудили оставить дома;
убежали через окно в лес, в поле;
живем у родственников, тесно;
просим оказать помощь продуктами питания и жильем.

История № 1. Соседи

Феня Кокоева, которая по сегодняшний день с детьми, внуками и правнуком живет на турбазе «Осетия», до войны жила в селении Курта Цхинвальского района: «Работала я поваром здесь же, на турбазе, ездила сюда автобусом. С соседями в Курта жила очень дружно, но потом видела, что все, кто врывается к нам в дом, были наши соседи. Каждый раз мы думали, что утром обязательно уйдем в Цхинвал. Но утром приходила надежда, что теперь все кончилось, и мы опять оставались. Когда в селе узнали, что мы собираемся

бежать, в ту ночь отняли у нас все, что могли унести. Утром мы убежали. Некоторые соседи уговаривали нас не уходить, муж мой Кочиев, но по паспорту он был Кочишвили, и они считали его грузином, но мы их не слушали. Да они уже делили наше имущество. Мне только за одну корову удалось получить 100 рублей. Дом скоро сожгли. Мы пришли в Цхинвал пешком и направились прямо к турбазе, больше мне и пойти было некуда. Муж совершенно потерял самообладание, был в шоке и даже не разговаривал. На турбазе располагались тогда русские военные, но я выпросила комнату. Всю войну мы провели здесь, под обстрелами: грузины знали, что здесь находятся военные, и обстреливали здание особенно сильно. Через несколько лет после войны муж умер от инфаркта, он так и не пришел в себя, все эти годы сидел на балконе и молчал.

Документы я потеряла и не смогла оформить пенсию в Северной Осетии. Живем на гроши. В Курта я оставила двухэтажный дом, 8 коров, 18 овец, 14 пар постелей у меня было, а сейчас спим на матрасах из детского садика. Дети учатся в интернате.

Иногда сейчас мои бывшие соседи приглашают меня на похороны или какие-нибудь события в селе, обычно меня звали печь им хлеб и пироги в таких случаях. Но я не хочу больше никого из них видеть, хоть и прожила там 32 года. А иногда я встречаю кого-нибудь из куртинских мужчин, продающих фрукты возле большого универмага, они кричат мне и машут руками, чтобы я подошла, предлагают яблоки, но я не смотрю на них, стараюсь быстро уйти, как будто мне самой стыдно смотреть им в глаза».

Был момент, когда во внутренних районах Грузии требовался формальный повод для репрессий против осетинского населения. Все беженцы упоминают об анкетах и списках, о собираемых подписях и собраниях, на которых требовалось осудить «цхинвальских сепаратистов». Так называемая анкета, составленная, по сведениям СМИ, в парламенте Грузии, разносилась по предприятиям, организациям и учреждениям Грузии, где еще работали осетины, подбрасывалась в почтовые ящики осетинских домов и квартир. В ней говорилось: «Советским режимом в аннексированной им 1921 году Грузии была создана Юго-Осетинская автономная область, чтобы в нужный момент инспирировать кровопролитие между братьями – грузинами и осетинами. Об этом свидетельствует сегодняшний конфликт в Шида Картли (так грузины стали называть территорию упраздненной Юго-Осетинской автономии. – И. К.). Поэтому мы, проживающие в Грузии лица осетинской национальности, поддерживаем решение Верховного Совета Республики Грузия об упразднении Юго-Осетинской автономной области и требуем:

1. Вывести ВВ МВД СССР из этого региона.
2. Изъять оружие у осетинских экстремистов.
3. Создать комиссию на паритетных началах для изучения и оценки

процессов в Шида Картли».

Анкету должен был подписать каждый осетин, проживающий в Грузии, и здесь же написать свою фамилию, имя, отчество, подробный адрес. Осетины называли анкету «удавкой». Многие подписывали, считая, что анкета – формальность, но может спасти их от погромов и убийств. Некоторые отказывались, считая, что автономию дала советская власть, она ее и должна была отменить. Другие боялись считаться предателями осетинского народа. Так или иначе с пресловутыми анкетами связано огромное количество трагедий осетинского населения в Грузии.

История № 2. Подписи

Кабулова-Чибирова Заира Михайловна из поселка Агара Карельского района. Живет в г. Владикавказе: «Там 50 % населения бѣти осетины. Все часто ездили в Знаур, там почти у всех были родственники. Вся наша жизнь в Агара как-то была связана с сахарным заводом. Быт у нас большой двухэтажный дом, машина. Была еще 3-комнатная квартира. Была и дача в селе Келети Хашурского района. Сыновья вернулись из армии, дочь быша замужем в Знауре (райцентр Знаурского района Южной Осетии, граничит с Карельским районом Грузии). Мы все чисто говорим по-грузински, дети окончили грузинскую школу. Началось все со сбора подписей осетин под требованием закрыть Рокский тоннель и упразднить автономию. В Знаур мы уже боялись ехать, в автобусе заставляли осетин вставать, были пикеты на дорогах. Стали приходиться к нам по ночам, проводили обыски, требовали денег. Один из сыновей, Заур, жил в Тбилиси, другой, Давид, где-то всегда скрывался по ночам. Я попросила его в случае чего поставить подпись под этой проклятой бумагой, мол, это ничего не решает, формальные это списки. Но когда к нему пришли, он все равно отказался. В Доме культуры в Агара был штаб у них, там все время терлись разные женщины, которые разносили слухи. Они и сообщили им, что Кабулов отказался подписать. Ночью (именно в эту ночь он был дома) пришли его знакомые – осетины, попросили выйти. Он вышел, его посадили в машину и увезли. Мы боялись и искать его, и не искать, боялись самого страшного. Его нашли грузины через три дня в реке. В нем было шесть пуль. Сразу после похорон в тот же вечер наш дом обстреляли.

Мы с мужем бежали в Северную Осетию. За наш дом дочь смогла через знакомых получить 3700 рублей, а квартира и дача остались брошенными. К нам в Северную Осетию скоро приехал и другой сын из Тбилиси, жена-грузинка не захотела с ним ехать, а ему постоянно угрожали. Сначала мы жили в селе Нарт у родственников. Потом мы все работали в совхозе, в поле, и нам дали вагончик. Вернее, это была большая прямоугольная цистерна. Мы прожили в ней семь лет, прежде чем смогли заработать торговлей на маленькую квартирку

в общем дворе. С нами живет и внук Зураб, сын моего погибшего сына Давида. А Заур женился на северянке, у них двое детей, мальчика назвали Давидом. Слава Богу, мы больше не беженцы».

Что ж, расчет Кремля на то, что Грузия увязнет в этой войне, после чего останется заставить ее отказаться от сепаратизма и подписать Союзный договор, отчасти начал оправдываться. Запад не мог признать откровенно фашистскую страну. Известные в мире правозащитники осуждали действия сложившегося в Грузии режима, подчеркивая, что деятельность альянса, возглавляемого Гамсахурдиа, противоречит международным нормам по правам человека, сформулированным в Заключительном акте Хельсинкского совещания. Осуждали жестокие репрессии против осетин и здравомыслящие люди в Тбилиси. Философ М. Мамардашвили: «Каким образом человек, причисляющий себя к Хельсинкскому движению, может абсолютно не представлять, что такое права человека? Здесь налицо невежество и безграмотность, полный нравственный дальтонизм. Если об этом не будет сказано вслух, то беда очень скоро постучится в дверь Грузии. Согласно социологическим исследованиям, подавляющая часть грузинского народа желает избрать президентом Звиада Гамсахурдиа. Если это произойдет, мне придется пойти против собственного народа» («Московские новости», 16.09.1990).

Рассказ беженки свидетельствует о том, что далеко не все в Грузии были в восторге от национальной политики Звиада Гамсахурдиа.

Тараева-Кочиева Лиза, беженка из г. Рустави, живет в поселке Заводском около Владикавказа: «Родители мои жили в Кахетии, в селе Джугаани Телавского района, Дзугаевы – по-осетински, где обычно в декабре широко отмечался праздник Сталиноба (дни чествования Сталина. – И. К.). А мы с мужем жили в Рустави. Однажды я поехала к родителям в 1990 году и в дороге встретила неожиданно машину, в которой ехал Звиад Гамсахурдиа. Я узнала, что у него была назначена встреча с населением в г. Ахмета, на которой он собирался призвать очистить край от осетин. Но глава администрации района запретил ему въезжать в город, его вообще в район не впустили, и он возвращался через Телави, а там дорога оказалась закрытой, и он поехал через наше маленькое Джугаани. Может быть, он думал в это время, что когда-нибудь здесь будут отмечать „Звиадоба“ (праздники в честь Звиада Гамсахурдиа. – И. К.)? Не знаю. Теперь мне его даже жалко. Наш старый дом в Джугаани пропал. Родители умерли в Северной Осетии».

Весь январь 1991 года внутренние войска продолжали патрулировать улицы и охранять турбазу «Осетия», не вмешиваясь в события ни на той, ни на этой стороне. Военные утверждали, что, если бы они ушли на сутки, осетины сумели бы освободить город от грузинских милиционеров. При появлении бронемашин стрельба прекращалась. По признанию генерала Г. Малюшкина, войска могли применить силу только при угрозе масштабного кровопролития.

Дошло до того, что лидер грузинской неформальной военизированной организации «Мхедриони» Джаба Иоселиани предложил вывести из зоны конфликта грузинскую милицию и перевести на казарменное положение дислоцирующиеся здесь подразделения ВВ МВД СССР. Охрану же порядка возложить на отряды «Мхедриони», которые, по его мнению, пользовались большим авторитетом у осетинского населения. Возможно, многое объяснялось тем, что в Цхинвале был расквартирован 8-й «карательный» полк ВВ МВД СССР – тот, который сыграл неприглядную роль при разгоне с помощью оружия восставшего в 1981 году населения Владикавказа в ходе вспыхнувшего осетино-ингушского конфликта. Семьи этих офицеров жили в Тбилиси, поэтому они не могли проявлять какую-то человеческую позицию в вооруженном конфликте сторон.

Все эти факты действительно подтверждали подозрения, что...

...Москва сознательно не вмешивается в события в Южной Осетии. Чем больше здесь проливалось крови, тем сильнее в Кремле зрело недовольство политикой руководства Грузии, не пожелавшей остаться в составе Союза.

Это постепенно должно было подтолкнуть Центр к вмешательству, решить конфликт с помощью советского оружия, освежить политический имидж и вернуть блудную Грузию в советскую семью. Единственное, чего не знал никто, – сколько крови должно было пролиться, чтобы конфликт признали наконец кровопролитной войной и спасли оставшихся осетин от истребления. Торез Кулумбегов, председатель Верховного Совета РЮО, не исключал возможность торга между Грузией и Кремлем: в обмен на свободу рук по отношению к автономиям Грузию могли склонять к подписанию Союзного договора. Последующее странное похищение Т. Кулумбегова с территории той самой злополучной турбазы, где проходила его встреча с грузинской стороной в присутствии советских генералов, наводит на мысль о том, что Москва была не прочь убрать «на всякий случай» осетинского лидера, что должно было облегчить Грузии возможность разобратся со своей автономией.

Президент Горбачев был занят урегулированием конфликта в Персидском заливе. В Москву прибыл личный представитель Саддама Хусейна министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз. Оценив ситуацию в заливе, М. Горбачев в целях избежания дальнейшей эскалации конфликта предложил конкретный план действий. Это была «очень детальная, четкая, продуманная программа политического урегулирования». Как сообщают газеты, Тарик Азиз немедленно,

не теряя ни минуты, вернулся в Ирак, ему даже был предоставлен специальный самолет до Тегерана. У такого решительного президента не нашлось нескольких минут на подписание указа о введении чрезвычайного положения на всей территории Южной Осетии, где бесчинствовали грузинские бандформирования.

11 февраля 1991 года в открытом письме Президенту СССР депутаты Владикавказского Совета народных депутатов заявили, что «ситуация в Южной Осетии уже вышла за рамки локального межнационального конфликта и приобретает формы геноцида по отношению к осетинскому народу».

«...Весь мир, готовый протестовать после гораздо меньшей по масштабам трагедии в Прибалтике, воспринимает попытку лишить права на существование целый народ как третьеразрядное событие „где-то там на Востоке“. Гамсахурдия мог бы предложить всем народам, населяющим республику, идти в независимость вместе с грузинами. Вместо этого он требует от них оставить дома и землю и переселиться куда-нибудь в СССР, то есть превратиться в сотни тысяч беженцев. К этому же вынуждают осетин, применяя против них террор, голодную блокаду, убийства, захват заложников, поджоги, конфискацию любой их собственности... Москва имеет в этом регионе войска, но им приказано соблюдать нейтралитет. Очевидно, после предыдущего негативного опыта Горбачев опасается вводить здесь президентское правление. В результате такого опыта на Кавказе может вспыхнуть затяжная и кровавая война с Грузией. Но ясно одно: если новый Союзный договор не предоставит эффективные гарантии безопасности малочисленным народам, то осетинская трагедия станет прелюдией к новым погромам и насилию», – писала «Генераль-Анцайгер» в № 13 за 1991 год.

Грузия не собиралась подписывать Союзный договор. Позиции националистов еще больше укрепились после проведенного 31 марта в Грузии референдума о выходе из СССР, на котором население, конечно, единодушно высказалось за независимость. Южная Осетия не принимала участия в референдуме, впрочем, это так же не имело значения, как если бы она принимала участие. В том и другом случае результат был бы тот, который устраивал Грузию. Напротив, Южная Осетия, все еще веря в возможности Москвы спасти осетин от истребления, голосовала 17 марта 1991 года за сохранение Союза. Референдум проходил под сильнейшим обстрелом, но никто не пропустил голосование, даже старики-ветераны, которые все еще продолжали писать обращения в Москву министру обороны СССР Д. Язову: «...Наши предки верой и правдой служили России. Они снискали себе славу на полях сражений Отечественной войны 1812 года, Русско-турецкой, Русско-японской войн, Первой мировой войны и других военных кампаний Российской империи... Южная Осетия – это сейчас единственный регион на Кавказе, где не срывается военный призыв».

В середине апреля Л. Келехсаева, зам. главврача республиканской больницы Южной Осетии, сообщила прессе: с 5 января поступили 289 раненых,

умерли от ран в больнице 39, из которых 19 детей до 17 лет.

Но время вмешиваться еще не пришло, и кровь продолжала литься...

История № 3. Сколько крови?

Кортиева Анна Садуловна, беженка из города Карели, Карельский район Грузии. Ныне живет в Заводском поселке в г. Владикавказе: «Говорят, в Цхинвале в это время убили шесть грузин, и все от этого были просто взбесившиеся. Попросила в магазине хлеб, но мне не дали, сказали: убирайтесь, сегодня ночью, мол, мы истребим всех осетин. Я в тот же день отправила детей в поселок Сачхере, недалеко от Карели, к родственникам, а сама с мужем осталась, чтобы собраться в дорогу и попытаться продать хоть что-то из живности. Но через два дня детей привезли обратно – они не захотели там оставаться. Тогда в ту же ночь тайком мы всей семьей сели в сочинский поезд, прятались среди азербайджанцев и так молча приехали в Сухум. И только там очень многие ехавшие с нами заговорили по-осетински. Это были беженцы из сел Апниси и Летет Хашурского района. Муж через некоторое время вернулся в Карели, чтобы попытаться продать дом. Он попал туда в тот период, когда грузины напали на осетинское село Цинагар (Ленингорский район Южной Осетии. – И. К.) и убили семь осетин, при этом погибли и три грузина. Это было причиной новых зверств и в Карели. Ворвавшиеся ночью в наш дом грузины придрались к тому, как муж посмел продавать дом, разве не хватит того, что нам дали уйти живыми. Один из них сказал: „Надоело мне убивать осетин и кидать их в воду. Я уже три месяца не видел маму“. Дом продать нам не дали. Мужа сильно избили, но отпустили живым».

Что касается «кидать в воду» – это, к сожалению, была не выдумка пожилой женщины. Убитых действительно кидали в воду, в ближайшие реки.

Самой большой водной могилой осетин стала Кура. Очевидец даже утверждал, что в тот период местные жители не ловили рыбу в реке: о трупах, которые периодически вылавливали именно рыбаки, знали все.

Если о пропавшем без вести сообщали, что труп не найден, следовало предположить, что его бросили в Куру. Хабалов Георгий, с. Орташени Карельского района, Дряев Валико Георгиевич, 1951 г. р., и Кокоев Юрий Гаврилович, с. Рене, Каспского района – убиты и брошены в Куру. Кокоев Владимир Лаврентьевич, 1956 г. р., п. Агара, его убили, тело привязали к толстому колу, который воткнули в берег Куры. Тело убитого находилось в воде 18 суток. Габараев Зураб Константинович, 33 года, г. Карели, приехавший из России в день Пасхи помянуть отца. Его захватили на кладбище, убили после

пытках и бросили тело в Куру, привязав также к колу, воткнутому в землю. Кумаритов Николай Михайлович, 1931 г. р., с. Нацрети – расстрелян, тело сброшено в Куру. Хабалашвили Мураз Самсонович, 1961 г. р., и Хабалашвили Хуто Шакроевич из села Пицеси продавали мясо на рынке в Гори, на них напали члены «Общества Костава» (грузинское крайне реакционное политическое движение. – И. К.), расстреляли и бросили в Куру. Дудаев Гиви Кондратьевич, 1950 г. р., с. Цителубани, был связан, на него надели противогаз и живым сбросили в Куру.

Подобных зверств было совершено много, но гораздо обширнее список без вести пропавших. Оставаться далее в селах и населенных пунктах Грузии, доступных грузинским бандформированиям, было невозможно. Передвигаться по дорогам Южной Осетии было опасно для жизни, бандиты останавливали транспорт, брали людей в заложники, сопротивлявшихся убивали на месте. Так, 18 марта 1991 года в районе с. Ередви грузинская бандитская группировка задержала военную машину «Урал» с осетинами, направлявшимися из села Дменис в Цхинвал. 12 мужчин, взятых в заложники, пропали без вести.

Десятки тысяч осетин стали беженцами уже в первые месяцы войны, добираясь в Северную Осетию кто как мог. Участок автодороги в Северную Осетию, проходящий через грузинские села, был блокирован грузинскими бандформированиями. Выбраться из Южной Осетии можно было только по объездной Зарской дороге длиной около 25 километров, названной в народе и в прессе «Дорогой жизни». На самом деле дорогой можно было назвать лишь начальный отрезок этого пути, начинающегося у села Тбет. Далее дорога ныряла в лес и превращалась в тропу, ехать по которой на машине раньше, в благополучные времена, никому не приходило в голову, да и не было необходимости. Да и сейчас с января по апрель здесь нечего было делать автотранспорту, одолеть ее могли только гусеничные трактора. Старики, женщины с младенцами на руках, маленькие дети пробирались по снегу.

Повезло тем, кого сопровождали мужчины: они пробивали дорогу в снегу, помогали нести детей и легкую поклажу: много не возьмешь, застрянешь – замерзнешь. Иногда навстречу беженцам также пешком, опираясь на колья, пробирались журналисты, нагруженные фото– и телеаппаратурой, не каждый мог рискнуть ехать по нормальной дороге через грузинские села, были свидетельства задержания журналистов, особенно российских.

Мужчины, сопровождавшие беженцев, оправдывались: мы только отведем их и вернемся, мы не беженцы. Не было большего позора, чем мужчина-беженец. В одном из сюжетов, снятых советскими тележурналистами, были показаны кадры, где по заснеженной тропе прошли, крепко держа друг друга за

руки, старик и старуха, супруги. Перед крутым спуском старик постелил на снег большую клетчатую шаль и сказал жене, чтобы она села на нее. Старушка очень старалась, но все же не удержалась и стала падать, старик подхватил ее, они вместе уселись, подобрали ноги и, оттолкнувшись, заскользили вниз по склону. Только услышали в кадре: «Чтобы сдохнуть этим собакам!»

Светлана Цахилова, которую поселили в санатории «Нарт» в Северной Осетии, рассказывает: «Шли охотничьими тропами. Снегу по колени. Мужчины впереди пробивали дорогу, мы шли за ними. Трехлетнего сына толкала вперед, а сама цеплялась за деревья, иначе и не взобраться по склону, а другой рукой тащила дощечку, к которой привязала своего трехмесячного. Мороз был сильный. Как только мой сынок не замерз насмерть! Мне повезло, хоть ребенок сейчас и в больнице, а у одной женщины пятилетний сын умер по дороге». В санатории, рассчитанном на 100 мест, поселили 140 беженцев.

В середине февраля 1991 года «Дорога жизни» оборвалась. На Транскавказской автомагистрали сошли лавины, часть беженцев была вынуждена остаться на южной стороне хребта, в Джавском районе, часть оказалась отрезанной с двух сторон от Рокского тоннеля. Многие сидели в машинах, дожидаясь, пока будет пробит путь. Многие шли пешком с факелами через 4-километровый тоннель.

Позже начались дожди, таял снег, Зарская дорога стала непроходимой. Крутые подъемы и спуски были опасны. Сходили оползни. Дорогу время от времени расчищали тракторами. Машины застревали в густой грязи, наступала ночь. Приходилось ночевать в лесу. И все же в это время пеших беженцев на север Осетии стало меньше, зато росло их количество в Цхинвале. Был случай, когда на Транскаме лавина раздавила автобус с двумя владикавказскими электромонтажниками, пытавшимися восстановить подачу электроэнергии, – Казбеком Исаевым и Олегом Соловьевым. С ними погиб и Сергей Цховребов, ехавший из Челябинской области к родным.

Штаб размещения беженцев во Владикавказе находился по улице Димитрова. Сюда обращались те, кому некуда было пойти, не было родственников в Северной Осетии или невозможно было их найти, – замерзшие, измученные тяжелой дорогой беженцы, к тому же часто совершенно без денег. Часть людей поручали местным штабам, созданным при администрациях районов. К примеру, в начале февраля в поселке Ногир беженцев было уже 260 человек. Их разместили, дали по мешку муки и по 3–4 кг мяса на семью. Скоро детей определили в две местные школы, несколько человек взяли на работу в колхоз. Решили, что надо ставить вопрос о выделении некоторым семьям беженцев участков в селах Северной Осетии под строительство домов. «Но те, которые из Цхинвала и сел Южной Осетии, должны вернуться в свои дома», – считали в штабах. Большинство беженцев так и было настроено.

Грузинские беженцы из Цхинвала и близлежащих грузинских сел двигались в другом направлении – на юг, в Грузию. В Тбилиси на проспекте Костава был

открыт штаб по оказанию помощи беженцам из Южной Осетии. По данным грузинской прессы, несколько десятков грузинских домов были сожжены в Цхинвале. Около 7 тысяч грузинских беженцев покинули Южную Осетию. Беженцы были размещены в гостиницах Тбилиси и других городов Грузии. Для них были выделены места в лечебных учреждениях, санаториях, курортных зонах. Очень скоро остро встал вопрос о временном трудоустройстве людей, потерявших работу в результате конфликта. Грузинская пресса подчеркивала, что речь идет о временном трудоустройстве беженцев, не допуская и мысли о том, что они останутся в Грузии навсегда. Беженцы рассказывали свои истории, не называя имен. «Они боятся называть свои имена, надеясь, что огонь пожарищ минует их очаги. Они надеются вернуться обратно. А причина этого страха – около 80 сожженных грузинских домов, две сгоревшие грузинские школы», – писали грузинские газеты 1991 года.

Грузинские беженцы были активны. В гостинице «Иверия» в Тбилиси в марте 1991 года проходила акция протеста беженцев для привлечения внимания мировой общественности, «введенной в заблуждение проосетинской центральной прессой». Мужчин среди беженцев почти не было. «Они защищают свой дом и свою землю», – объясняли газеты. Многие поселились у родственников, в гостинице «Абхазия», в других местах. Нана А. из Цхинвала, которую поселили в гостиницу «Абхазия», рассказала журналисту, что бабушка у нее осетинка. «Когда начались погромы, соседка-осетинка позвала меня к себе на ночь. Но все равно было страшно, и на следующее утро я убежала в Тбилиси».

Большая часть грузинских беженцев из Цхинвала осталась в Гори. Там в безопасности, среди своих, они все же не были спокойны в ожидании победоносного завершения войны грузинскими военными силами. Основная масса людей, безмерно устав от войны и лишений, находилась на грани нервного срыва: «Чем жить в этом проклятом Гори, где на нас смотрят как на врагов, мы согласны терпеть любые лишения в своем родном Цхинвали» (газета «Вестник Южной Осетии», апрель 1992 года). Такое мнение не было редкостью среди беженцев. Для многих из них привязанность к Цхинвалу была настолько велика, что вернуться готовы были даже те, у кого сгорели дома. Как и осетинские беженцы, грузинские также терпели нужду.

В номере за 16 февраля 1991 года «Красная звезда» опубликовала письмо цхинвальских грузин, адресованное также газетам «Комсомольская правда», «Известия» и другим: «Мы возмущены оголтелой антиосетинской пропагандой СМИ Грузии. Откуда они берут эту лживую и клеветническую информацию, якобы нас, грузин, преследуют, избивают, не пускают в магазины, выгоняют из мест проживания. Да, есть грузины, которые выехали в Тбилиси и другие районы, но это из-за невыносимых условий, которые создали „неформалы“ Грузии. Мы жили мирно и в согласии и хотим и дальше так жить, но вооруженные банды грузинских экстремистов, у которых ничего нет общего с

простым грузинским народом, вторглись в нашу область, занимаются грабежом наших людей. Пусть оставят нас в покое пришедшие к власти горе-политики из Тбилиси, которые силой террора и насилия пытаются вынудить осетинский народ покинуть свою землю». Подписано А. Алборишвили, Ж. Кавтарадзе, Т. Касрадзе, К. Керашвили и др. (31 подпись). Такого мнения придерживалось гораздо большее количество грузин, но письма в газеты писали не все, и не все давали интервью тележурналистам. Они и так уже считались врагами грузинского народа за то, что остались в Южной Осетии и, более того, не принимали участия в боевых действиях против осетин. Впрочем, и доверяем осетин они также не пользовались. С оставшимися в городе грузинами грузинские бандиты не церемонились, если они попадали к ним в руки.

29 августа 1991 года Харебов Феликс Арчилович на автомашине «Скорой помощи» повез на похороны в с. Ксуис Цхинвальского района Одикадзе Владимира Степановича, 1930 г. р., и Одикадзе Ивана Михайловича, 1942 г. р., жителей Цхинвала. Владимир – бывший сотрудник центральной грузинской газеты «Заря Востока», был женат на осетинке. В селе Ередви все трое были захвачены грузинскими «неформалами» и убиты после истязаний. А жена Владимира Одикадзе, Джиеова Наталья Политовна, 1932 г. р., была одной из восьми убитых при обстреле Цхинвала в ночь на 13 июня 1992 года.

Бежавшие из Цхинвала грузины всячески старались показать свою лояльность и преданность властям, хотя страдали не меньше, потеряв родину, чем осетинские беженцы. Васил Сабанадзе, журналист бывшей «Сабчота Осети» («Советская Осетия»), обосновавшийся в Гори и позднее издававший там собственную газету, писал в «Сакартвелос республика» (газета «Республика Грузия») 28.05.1991 г.: «Все беженцы поддержали кандидатуру З. Гамсахурдиа на президентских выборах. Нам говорили, что жители Шида Картли, чьи дома сожжены, должны быть против него. Что это он виноват со своим указом об упразднении области, мол, это привело к тому, что мы были изгнаны. Я встретился со всеми беженцами, но они как один поддерживают З. Гамсахурдиа. Вот, например, Беглар Борцвадзе, отец 8 детей. Его жена на днях родила, и они поселены в Гори в гостинице. Он жил в с. Мамисаантубани Цхинвальского района. Осетинские экстремисты заставили его покинуть дом, но все же и он, и его жена, Груня Одикадзе, считают, что президентом Грузии должен быть именно З. Гамсахурдиа. Упразднение области было единственно правильным решением».

Грузинского вождя мало заботила судьба тех, кто неминуемо стал бы жертвой развязываемой им войны. Его волновал только успех военной операции. К примеру, за полгода до начала войны в грузинском селе Курта, в

четыре километра от Цхинвала, под надуманным предлогом был закрыт детский дом. Здание переоборудовали под лазарет, ведь он бы точно пригодился при боевых действиях, одну часть его питомцев раскидали по детдомам Грузии, другую вывезли в Цхинвал. Грузинским детям выделили помещение в детском саду, собрали одежду, постели, книги, наладили учебный процесс. Называли их 13-й школой, поскольку в городе было всего 12 школ. На зимние каникулы, прямо перед войной, детей отправили кого куда. Несколько детей так и остались там жить, в здании детского сада, их некуда было отправить, там и застала их война. Они ночевали в школе при обстрелах, потом пришлось пристраивать и их.

Между тем, с начала 1991 года Грузия стала исповедовать сильнейший культ личности Звиада Гамсахурдиа. Парламент принимал законы, заранее обеспечивавшие его избрание президентом. Был принят закон о защите чести и достоинства президента (до 6 лет лишения свободы), где отсутствовали критерии того, что может считаться оскорблением президента. Трижды менялся сам закон о выборах – спустя 5 дней после принятия и дважды в ходе самой 12-дневной кампании. Одна из причин – не допустить регистрации в качестве кандидата в президенты содержащегося под стражей Джабы Иоселиани, лидера военизированной организации, объявленной в Грузии вне закона. Вскоре к закону о выборах даже было принято специальное дополнение, согласно которому парламент Грузии имел возможность распустить Центризбирком, «если он нарушит закон». На все стадии предвыборной кампании закон отвел такие сроки, что кандидат, не имевший очень серьезной предвыборной поддержки, организационных структур, работавших на его известность и авторитет, то есть не будучи главой государства, возможности участвовать в выборах президента не имел. Законы Грузии обеспечили Гамсахурдиа не только его избрание подавляющим большинством, но и неограниченную власть и прочность престола. Президент сам издавал указы и утверждал принятые Верховным Советом Грузии законы. Он был вправе вернуть закон на голосование, а если парламент подтверждал прежнее решение, президент мог вынести вопрос на референдум. Он был вправе отменять любое решение правительства, министерств, распустить парламент по своему усмотрению. Он пользовался неприкосновенностью и мог быть смещен парламентом, только если три четверти его состава признали бы, что он изменил родине. А полностью подконтрольный парламент такого решения не принял бы никогда.

Избранный 26 мая 1991 года президентом Звиад Гамсахурдиа выступил с «Обращением к населению Самачабло» (один из грузинских вариантов нового названия территории Южной Осетии): «В результате землетрясения только в Гори и Горийском районе, разумеется, с присоединившимся Цхинвальским районом, разрушено более 4600 домов. В городах Грузии скопились большие группы беженцев. Конечно, вся Грузия помогает им, но все же трудно оставаться долго в чужом доме. Я не хочу, чтобы грузин привыкал к жалости,

иначе весь наш труд пропадет даром. Поэтому я думаю, что беженцами надо считать только жителей Цхинвали и села Гуджабаури (пригород Цхинвала), к тому же только детей и женщин. Остальным же время возвращаться в свои села. Соотечественники, беженцы из Самачабло! Присмотрите за своими корнями, иначе, как это не раз случалось, вновь придут из-за хребта и присвоят нашу собственность. Видит Бог, нам больше нечего терять и отдавать, поэтому каждый вернувшийся в Самачабло будет для Грузии крепостью. Цхинвальские мужчины, убедительно прошу вас принять участие в восстановлении грузинских сел, защите родной земли. Кто же этого не сделает, будет считаться предателем. Все должны помнить, что судьба Грузии сегодня решается в Шида Картли. Мы восстановили историческую справедливость в Шида Картли – вернули Цхинвали Горийскому району, Корниси – Карельскому району!»

Он говорил это грузинским беженцам, и они должны были при этом почувствовать, будто им что-то вернули...

Справедливости ради надо сказать, что югоосетинское руководство не делало даже таких обращений непосредственно к беженцам, и это молчание означало, что властям сейчас не до них. Может быть, действительно было не до них, были более важные задачи защиты отечества. Но одновременно следовало не упускать из виду, что в освобожденной Южной Осетии, когда наступит мир, надо будет кому-то жить. Поэтому югоосетинские лидеры неоднократно обращались к руководству Северной Осетии с просьбой содействовать возвращению трудоспособного населения домой для восстановления Джавского района после землетрясения и, конечно, для защиты отечества. С этой целью, например, осетинским беженцам из Грузии только в Цхинвальском районе было выделено 300 земельных участков. Однако желающих их обустроить там пока было мало.

В результате землетрясения 29 апреля силой 8 баллов в Джавском районе девять человек погибли, из них четверо – учащиеся школы-интерната, было разрушено 95 % домов. В Цхинвале сила толчка составила 7 баллов. Село Хахет Джавского района было похоронено оползнем вместе с жителями (около 60 человек), уцелели два парня, которых не было в селе в этот момент. Большие разрушения были и в Цхинвальском районе.

Землетрясение послужило причиной увеличения числа беженцев в Северной Осетии. В североосетинских газетах печатались обращения руководства и общественности Южной Осетии ко всем беженцам, чье пребывание в Северной Осетии не являлось острой необходимостью, с просьбой вернуться домой.

Учителя в Цхинвале на августовской конференции потребовали незамедлительного возвращения беженцев в Южную Осетию. Но

непосредственной работы с беженцами не проводилось, югоосетинские лидеры не могли взять на себя ответственность призвать дееспособных осетин, бежавших из Грузии, на защиту Южной Осетии.

Местных жителей в Северной Осетии раздражала необходимость оказывать помощь молодым здоровым людям. Но такие эмоции были характерны для более поздних этапов пребывания беженцев в Северной Осетии. Пока же основным инстинктом по отношению к обездоленным людям было желание принять их и помочь выдержать обрушившееся на них горе. А люди все прибывали, добираясь до Владикавказа разными, иногда совершенно неожиданными путями.

История № 4. Пешком в Армению

Бечир Битаров из с. Гинтур (Гуджаретское ущелье) Боржомского района Грузии, сейчас живет в поселке Ир Пригородного района Северной Осетии: «Они и раньше приходили, кружили по селам, особенно если подозревали, что у кого-то есть оружие. Но ничего не нашли, только несколько серебряных кинжалов. Охотничьих ружей было несколько, их отняли, забрали даже учебные автоматы из школ. Однажды вечером они остановили гуджаретский автобус, ехавший из Боржоми, взяли всех в заложники и увезли в Тбилиси. Только на второй день их отпустили, все были избиты. Обычно когда в Боржоми ловили кого-нибудь из осетин, то подкидывали ему патроны или еще что-нибудь и били „за оружие“. Мы боялись и уже не ездили в город на рынок. После случая с автобусом стало ясно, что надо уходить.

В то утро, 15 апреля, они ворвались к нам в села – на машинах, с оружием, стреляли в воздух. Люди разбегались от страха, они заходили в дома, переворачивали все вверх дном, выбирали, что получше. Наверное, поняли, что всего им не увезти на своих машинах. Сначала хотели посадить нас в автобусы и вывезти, но прошел слух, что нас собираются где-нибудь расстрелять. И мы ушли пешком на юг – кто через Цалку, кто через Ахалкалаки. Никого не осталось в Гуджарети. Многие плакали, но все же надеялись, что какая-нибудь власть должна восстановить справедливость, и думали только о том, на что будем жить, вернувшись в пустые дома. Мы дошли до озера Табацкури, когда увидели, что туда к нам на помощь пешком пришли армяне, они и помогли нам добраться до Ахалкалаки. Там мы остались в их домах на 11 суток, а потом они дали нам автобусы и отправили в Армению. Нас приняли в Лениакане, распределили в бараках, построенных после землетрясения, обеспечили бесплатным питанием. А оттуда двумя самолетами доставили нас в Беслан. У всех было так тяжело на душе, что мы не смогли даже как следует выразить всю нашу благодарность этим людям».

Эту историю продолжил Батыр Тиболов из с. Одет Гуджаретского района,

проживающий ныне в Заводском поселке г. Владикавказа: «Армяне привели нас в с. Бежано Ахалкалакского района. Через день туда прибыл префект г. Боржоми Валерий Сухиашвили, попросил армян позвать нас всех в клуб. С ним вместе были боржомские чиновники. Сухиашвили уговаривал нас вернуться обратно в ущелье, не уезжать из Грузии, обещал, что гарантирует нам безопасность. Ахалкалакские армяне не очень ему доверяли, кричали на него: „Посмотри, в каком виде люди бежали из своих домов!“ Вообще мы даже испугались, что они переругаются из-за нас и начнется грузино-армянский конфликт. Сухиашвили уехал ни с чем. Армяне дали нам четыре БТРа с военной базы, и вместе с русскими военными и армянами мы поехали обратно в Гуджарет, чтобы забрать оставшихся там лежащих больных и стариков. Мы ездили по селам и собирали оставшихся там осетин. В селе Сырхкау мы застали семью Маргиевых, которые остались, потому что их старейший член семьи – Ефим Маргиев был при смерти, он умер как раз в момент изгнания нашего населения. Близкие пытались похоронить его согласно традициям, но грузины не позволили даже сделать ему гроб. Так его и похоронили. Мы забрали всех и уехали. Я думаю, грузины узнали, что мы в начале войны собрали деньги для Цхинвала. Я сам их отвез и сдал в „Адамон ныхас“ (национальное политическое движение в Южной Осетии. – И. К.), там даже была встреча по этому поводу, которую провел писатель Мелитон Казиев, и потому так ополчились против нашего ущелья.

Но это была просто мизерная поддержка нашего народа, который оказался в блокаде в окруженном врагами городе. Когда в один из наших последних дней на родине хоронили Тамару Санакоеву, убитую грузинами в с. Гвердисубани, грузины даже расставили на подъездах к нему БТРы, ждали, что из Цхинвала на похороны приедет ее сын, Георгий Санакоев. Они старались всячески пресекать наши связи с Цхинвалом».

Всего из девяти сел Гуджаретского ущелья, по неполным данным, было изгнано 225 семей (около 820 человек). Жители ущелья хорошо знали друг друга, большей частью приходились друг другу родственниками. Поэтому весть об убийствах нескольких жителей Гуджаретского ущелья и Боржомского района посеяла панику среди сельчан. Грузинами были убиты не боевики, а простые, в основном пожилые люди. Вот этот список. Возможно, неполный.

Кумаритов Сулико Сергеевич, 1931 г. р., из Бакуриани, работал на ферме, когда к нему пришли грузины, вывели его во двор и насильно влили в него 16 литров воды. Он скончался в муках. Похоронили его в спешке, без гроба.

Гаглоев Борис Давидович, 1941 г. р., из Б. Митарби, пастух. Его забили до смерти, повесили на мосту, потом сняли, привязали к машине и так волокли до Боржоми.

Плиева-Санакоева Тамара Абазовна, 1925 г. р., с. Гвердисубани,

расстреляна в спину, когда убегала от бандитов по веранде своего дома.

Санакоев Георгий (Гигуца) Дмитриевич, 1932 г. р., житель Бакуриани. На него напали на пастбище, расстреляли, затем труп сожгли в печи котельной.

Убиты также: Маргиев Ефим Романович, Томаев Датико, Джагаев Лемон Киазоевич, Санакоев Георгий (Жора) Киазоевич, 1931 г. р., и Хубаев Тома Николаевич, 1926 г. р. – из Боржомы. Квезеров Анзор Голаевич, Гагиев Лонгиоз, Джейранов Джербин – из Бакуриани, Гаглоев Падо Давидович, Макиев Караман Сомоевич, 1933 г. р., Джигкаев Сулико Львович, 1958 г. р., Тадтаев Сослан Александрович, 1930 г. р., Битаров Анзор Балаевич, 1965 г. р. – из с. Б. Митарби.

Конечно, надо отметить, что сегодня, после всех конфликтов и войн на территории бывшего Советского Союза, жестокие убийства уже не так потрясают, не кажутся чем-то невероятным и неправдоподобным. Количество страха, ненависти и агрессии, усвоенное нами за эти годы, выработало способность сопротивляться негативу – чтобы не тронуться умом. Но тогда, в 1991-м, зло и насилие, санкционированные грузинским вождем в отношении осетин, имели еще и другую смысловую нагрузку. Мало было бить и грабить, даже недостаточно было просто «гуманно» расстреливать где-то за окраиной села. Нужно было сеять ужас и панику таких масштабов, чтобы у человека никогда больше не возникла мысль вернуться хотя бы через много лет, когда «какая-нибудь власть восстановит справедливость». Для этого применялась тактика «выжженной земли»: в осетинских населенных пунктах уничтожалось все, что могло вызывать привязанность к этой земле – выжигались дотла села (были даже случаи символического разравнивания сожженной территории бульдозером), угонялся или уничтожался скот, отнималось все имущество. Но и этого казалось недостаточно: в случае политического урегулирования конфликта люди могут вернуться даже и на пепелище, просто из любви к родной земле, где похоронены предки. Тогда возникли планы заселения освобожденных территорий грузинским населением. Официально такое предложение внес Автандил Маргиани, вице-премьер Грузии, последний глава компартии ГССР, на заседании Верховного Совета 11 декабря 1990 года, том самом, где успешно была упразднена югоосетинская автономия: «...Мы помним и то, что грузинское и осетинское население этого региона выразили готовность принять и расселить в районе Цхинвали 500 семей, пострадавших от стихийных бедствий в горной Сванетии в Грузии еще в советское время. Но эта инициатива осталась невыполненной. Теперь я предлагаю расселить в этом регионе около 2 тысяч сванов, пострадавших от стихии. И сегодня, когда принимаются меры по восстановлению справедливости в республике, осуществление этого замысла мне представляется вполне реальным».

Исторические факты свидетельствуют о том, что в 1920 году, после истребления и изгнания осетин, правительство грузинских меньшевиков также создало специальную комиссию по окончательному выселению оставшихся в

живых осетин из Южной Осетии и заселению этой территории переселенцами из других регионов Грузии.

Но геноцид определяется не только количеством пролитой крови. Очевидец рассказывает, что в церкви в с. Кинцвиси Горийского района была даже стерта древняя фреска с изображением царицы Тамар и Сослана Царзонты вместе (осетинский князь Давид-Сослан был мужем царицы Грузии Тамар во времена расцвета Грузинского государства в XII веке. – И. К.).

Иван Багаев, бывший журналист газеты «Советон Ирыстон» («Советская Осетия») рассказал о том, что его дом был сожжен уже второй раз. В первый раз это было в 1920 году и вот сейчас, в 1991-м. По его сведениям, из села Хеити Цхинвальского района в села Горийского района Шавшвеби, Цителубани, Вариан переехало жить более 30 грузинских семей. Им дали дома и земли осетин. Есть среди них и такие, кто занял там дома для своих родственников, а сам остался в Хеити.

«Пусть живут, но ведут себя тихо» уже было неактуально. Косвенно далекоидущие планы грузинского националистического руководства по очищению территории Грузии от «чужеродного элемента» подтверждались время от времени произносимыми там и сям речами, например, в выступлении Н. Натадзе (лидер «Народного фронта» Грузии, наиболее реакционное крыло националистического движения в Грузии. – И. К.) на пресс-конференции в Комитете защиты мира в Москве в начале февраля 1991 года: «В грузинских кругах с ярко выраженным национальным мышлением всегда существовало совершенно определенное отношение к осетинам в Грузии. А именно: осетин надо всячески лелеять, всячески содействовать им в культурном и политическом развитии. Почему? Конечно, не просто из гуманных соображений. Потому что мы должны хранить у себя резерв, который в случае необходимости – а такой случай непременно появится – восстановит осетинские позиции в настоящей Осетии, которая сегодня именуется Северной Осетией. Вы знаете, как там трудно приходится осетинам, вы знаете, какое там засилье русского элемента. Мы хотим, чтобы осетины там держались крепко, мы хотим, чтобы они восстановили свои позиции и не денационализировались там. Мы всячески пытаемся, чтобы у осетин была осетинская школа – не такая типовая школа, которая называется осетинской, а где в действительности обучение ведется на русском языке. Мы боремся за настоящую осетинскую школу. Поколения воспитаны в неведении, что это земля – не Осетия. Это какая-то часть Грузии, которая никогда не была отдельной единицей – ни экономически, ни политически, ни культурно. Почему должна быть эта территория переименована в Осетию? Там живет коренное грузинское население испокон веков, а осетинское население пришло туда в основном во второй половине XIX века».

Получалось, что 115 тысяч беженцев отправились из Южной Осетии и Грузии в Северную Осетию, терпящую бедствие денационализации на почве засилья русского элемента. Ведь, как считал Звиад Гамсахурдиа, «надо еще

доказать, что они беженцы. Они просто эмигранты». Грузины в странной степени обеспокоились уровнем национальной культуры в Северной Осетии. Даже Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II в дни, когда бои шли на улицах Цхинвала, писал об этом Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II: «Ваше Святейшество, мне хочется, чтобы Вы знали, что этнического конфликта в Грузии нет. Культурная автономия осетинского народа в Грузии весьма высока. Ведь ни для кого не секрет, что уровень национального просвещения и национальной культуры в СО АССР гораздо ниже, чем у осетин в Грузии». Снова приходят на ум известные слова про викингов и создавший их северный ветер.

А пока братская Северная Осетия «с низким уровнем национального просвещения и культуры» спасала бежавших от истребления высокоразвитыми грузинами стариков, женщин и детей из Южной Осетии. При этом Католикос-Патриарх всея Грузии не сказал ни слова протеста против десятков тысяч трагедий, сотворенных его соотечественниками. Зато издал более чем красноречивый указ, как нельзя больше подходивший политике Звиада Гамсахурдиа, которого он благословил (как потом благословил и свергнувшего его Шеварднадзе, и Саакашвили, свергнувшего этого последнего).

Чрезвычайный приказ Католикоса-Патриарха всея Грузии был зачитан 28 октября 1990 года после молебна в Сионском патриаршем соборе:

«Во имя Отца и сына и святого духа приказываю:

Отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину или невинность жертвы (убитого), объявить врагом грузинского народа. Занести фамилию и имя убийцы в специальную книгу патриаршества и передавать из поколения в поколение как постыдное и подлежащее осуждению. Чрезвычайный приказ этот принят, дабы в Грузии навеки был изжит тягчайший грех и преступление против Бога и нации – братоубийство».

Наказанию не подвергались даже те грузины, совершившие преступления против осетин, имена которых стали уже известны и были названы очевидцами.

Очень часто нападавшими были соседи, хотя некоторые из них все же скрывали свои лица. Беженец Гено Хабалов из с. Ксуиси Цхинвальского района, в котором из 200 домов было лишь 40 осетинских, рассказал, как 28 января в дом пришли грузины с оружием: «Лица их были закрыты шарфами, вели себя уверенно, стали избивать нас с женой, требовать деньги. В тумбочке было 1800 рублей, они требовали больше, но больше не было. Стали избивать прикладами, женщина потеряла сознание. Потом нас обоих связали и ушли, а мы через полтора часа сумели освободиться. У супруги исчезли вставные золотые зубы. Похоже, что нападавшие – соседи. Штаб боевиков находился на мельнице».

Осетинские беженцы из Знаурского района называли имена тех грузин, которые вторгались в села и творили бесчинства: Роберт Хараули, Тамаз Кобаладзе, Гия Гагнидзе и другие.

18 ноября 1991 года ворвавшись в с. Монастер Ленингорского района грузинскими бандитами были схвачены Валиев Тенгиз Ботоевич, 1938 г. р., Караев Арчил Арсенович, 1930 г. р., Хубаев Виктор Леванович, 1931 г. р., Караев Шалико Дианозович, 1944 г. р., и Валиев Джамболат Вахтангович, 1960 г. р. Их увезли в неизвестном направлении. Семьи пропавших собрали по 40 тысяч рублей для их выкупа. Но заложников не отпустили, денег тоже не вернули. Сельчане, потерявшие своих родных, хорошо знали бандитов. Это были жители поселка Ленингор Канчелашвили Малхаз, Миделашвили Джемал, работавшие позже в ленингорской полиции, и Экаладзе Гоги.

Дмитрий Валиев, беженец из села Цвери Горийского района Грузии, как и многие бывшие жители Карельского района, назвал имя некоего Пааты Гурджанидзе, безнаказанно совершившего немало кровавых преступлений против осетин: «В селе было 60 домов, все осетины, а рядом в Нижнем Цвери жили грузины. Жили мы с ними дружно, пока не начались антиосетинские события, и нам заявили, чтобы мы убирались из села. Руководил экстремистами Паата Гурджанидзе. Сначала у нас отбирали машины, потом имущество, потом уже избивали. Кто сопротивлялся, тех убивали. В тот период убили Вильгельма Валиева и Сосо Пухаева, хотя они были грузинскими зятьями. Их поймали и отвезли на грузинское кладбище. Заставили их сделать круг вокруг кладбища, затем отвезли на берег Куры и расстреляли. Похоронить не дали. К другим постоянно приходили требовать денег. 29 марта нам приказали идти в центр села, где якобы должен был состояться митинг. Там нас, 21 человека, поймали и загнали в кузов грузовой машины. Мы думали, что нас везут на расстрел. Но нас привезли в село Авневи Знаурского района, высадили там и передали другим вооруженным бандитам. Те избивали нас, потом опять посадили в машину и повезли в сторону села Бекмар. Там нас обменяли на грузин. С тех пор мы остались здесь. В наших домах живут грузины».

Не все бандиты были главарями экстремистских группировок (тогда это звучало даже как-то солидно), были и простые сельские грабители и мародеры, таскавшие из домов своих осетинских соседей даже то, что сейчас кажется смешным.

Но для небогатого сельского жителя значение имели не только деньги, которые он традиционно тщательно прятал дома. Вот пример классического грабежа образца 1991 года.

Рассказывают Кето и Мело Казиевы из с. Ногкау Отревского ущелья Грузии.

Мело: «Они ничего не оставили у людей. Все, что им могло понравиться, уносили и увозили. Все, что в их глазах не представляло ценности, они ломали, предавали огню. Только у меня они забрали постельные принадлежности,

пуховые подушки, ковер, десять стульев, два стола, телевизор, газовую плиту с тремя баллонами, много вина, водки, два мешка пшеницы, три мешка кукурузы. Грабителей знаю. К примеру, мой ковер забрали сын Мито Сабанашвили и сын Абела Еликашвили».

Кето (во время грабежа бандиты толкнули престарелую женщину, она упала и сломала руку): «Забрали пилу „Дружба“, постельные принадлежности, одежду, кур. Рассыпали мешки с кукурузой и мукой. Били и крушили все, что попадалось под руку. Одной рукой я еще успела кое-что припрятать в яме. И когда недавно БТРы привезли нас обратно, я выкопала остатки сохранившегося имущества. При этом меня снимал фотокорреспондент. Иосифу Казиеву было 80 лет, его забили до смерти. Убили Валико Казиева и его жену Олю Бибилову. А их тела сбросили в овраг. Герисо Пухаева, раненого (думали, что он умер), тоже сбросили туда же, однако ночью он кое-как выкарабкался оттуда и спрятался под мостом. Сожгли дома Володи Догужева, Митуши Кисиева, Кудза Пухаева. Все они жили в достатке, а сейчас остались ни с чем. Крепкое хозяйство было у Сенка, Сергея, Ефима, Георгия Казиевых и других. Угнали весь наш скот, даже цыпленка не оставили. Все, кто к нам приходил, задавали один и тот же вопрос: „А где же ваш экстремист-писатель Мелитон Казиев? Где вы его прячете?“ Все разграбили и разломали в его доме. Пусть у них отсохнут руки. Ночевали мы в лесу, а утром, когда они уходили, мы возвращались в село. Одни спали, другие охраняли, кто-то готовил еду, а кто-то рыл яму, чтобы хоть что-то спасти из своего добра. Вскоре у нас не осталось ни скота, ни пищи. Каждый день нас „навещали“ все новые и новые банды. Мы не могли больше выносить это и ушли в лес. По одному мы стали собираться в Саба, а оттуда отправились в Горет. Две недели жили у Сограта Хачирова. Дай Бог ему здоровья! А оттуда в Андорет проводил нас Валико Маргиев. Мы девять человек прожили у них девять дней. В каждом доме в Бендере, Ахалиса и Бикаре было по 4–6 человек из Отревского ущелья. Да благословит вас Бог, добрые люди!» Рассказ записала Ольга Бибилова, «Советская Осетия», 31.08.1991.

«Современная ситуация очень похожа на то, что было в 1921 году, правда?» – спросил Звиада Гамсахурдиа тележурналист Андрей Караулов.

«Да. Все это похоже на 1921 год: как тогда, так и теперь империя в лице Москвы пытается руками самих грузин сделать на нашей земле то, что им выгодно...» – таков был ответ.

* * *

А что на самом деле собиралась делать «империя в лице Москвы»?

Москва продолжала имитировать полный контроль над ситуацией и затягивала введение чрезвычайного положения на всей территории Южной Осетии. Формально для такого решения требовалось согласие самой союзной

республики, хотя конституция позволяла президенту страны внести в Верховный Совет СССР предложение о введении чрезвычайного положения в автономной области без согласия республиканского правительства. Для принятия решения требовалось большинство в две трети голосов. Но каждый раз, когда депутаты поднимали этот вопрос, решение упиралось в мнение Горбачева и руководства МВД. Так, на заседании ВС СССР 26 февраля 1991 года министр внутренних дел Б. Пуго сообщил о наращивании вооружений с обеих сторон, увеличении отрядов самообороны, о захвате заложников обеими сторонами, о нападении грузинских бандформирований под видом милиции на автоколонну, ехавшую в сопровождении войскового наряда. Сообщил, что с начала конфликта в Южной Осетии погибли 33 человека – 14 осетин и 19 грузин (ясно, что данных по сельским районам у министра не было). Но когда депутаты предложили ввести ЧП по всей области, он заявил, что все же стоит подождать итогов заседания парламента Грузии, проходившего в тот же день. А парламент – это Звиад Гамсахурдиа, впрочем, и государство – тоже он.

З. Гамсахурдиа изложил свою программу урегулирования «кризиса в Южной Осетии». Он обратился к осетинскому народу с требованием сдачи всеми незаконными военизированными формированиями оружия. Создания в Цхинвале «законной власти». При этом он подчеркнул, что прежние структуры упраздненной автономной области не будут допущены. Вместе с тем для осетин сохраняются все права культурной автономии, которыми они обладали во время существования области. Предусматривается проведение муниципальных выборов, создание префектур. «В Цхинвали должен быть назначен префект, которого будет поддерживать большинство как грузинского, так и осетинского населения. Все это дает возможность парламенту Грузии восстановить в регионе мир и стабильность». Интересно, много ли он знал примеров поддержки народом назначаемых префектов?

Ситуацию в России хорошо охарактеризовал Н. Назарбаев: «Несмотря на добрые намерения, положение блокировано борьбой за власть, идущей между двумя лагерями в лице Горбачева и Ельцина. Законы не работают из-за слабости Горбачева и его окружения».

Итак, Кремль тянул время по принципу «чем хуже, тем лучше», пытаясь склонить воевавшую с осетинами Грузию к подписанию Союзного договора. Это было очевидно. «Кремль решил с их помощью бороться с нами, помешать восстановлению нашей независимости. Кремль прямо заявил: „До тех пор пока вами не будет подписан Союзный договор, пока вы не примете участия в союзном референдуме, и в Южной Осетии, и в Абхазии у вас будут проблемы“». То есть продолжится кровопролитие. Об этом было сказано прямо. «События в Самачабло – карательная операция Кремля», – сказал Звиад Гамсахурдиа на пресс-конференции в Тбилиси 13 марта 1991 года. Неизвестно, было ли об этом действительно сказано прямо, но именно на такие мысли наводило бездействие центрального руководства.

А между тем, шедший к власти Ельцин стремился упрочить имидж демократа и сразу открестился от Гамсахурдиа, почему-то в одном интервью назвавшего его «своим другом». В конце февраля ожидалась их встреча в Тбилиси, но Ельцин не приехал, ничем другим не мотивировав решение, кроме того, что он болен. Гамсахурдиа был уязвлен: «Я подозреваю, что здесь вмешались центр, КГБ. Вы знаете, что на Ельцина дважды совершалось покушение. Один раз в Испании, другой – в Москве. Не исключено, что была вероятность третьего террористического акта, потому он и перенес свой визит». Ельцин много ездил по России и всячески демонстрировал, «кто в доме хозяин». Не забыл он и о Северной Осетии.

23 марта 1991 года он побывал в поселке Сунжа, где после геноцида 1920 года жили южные осетины. Председатель Верховного Совета России встретился с беженцами из Южной Осетии в профилактории «Нарт», поздоровавшись с ними по-осетински: «Уа бон хорз» (пожелание доброго дня. – И. К.). Он сразу заявил, что никогда не встречался с Гамсахурдиа и не является его другом, хотя центральные газеты муссировали то самое интервью, в котором З. Гамсахурдиа намекал на то, что с помощью Ельцина ограничит вмешательство руководства Северной Осетии во внутренние дела Грузии. Ельцин сообщил, что собирается встретиться с ним, чтобы обсудить подписание российско-грузинского договора, условием которого будет наведение порядка в Южной Осетии. Встреча в Казбеги состоялась в тот же день. Решено было создать смешанную комиссию из представителей МВД России и Грузии. Создать совместный отряд для разоружения всех незаконных вооруженных формирований, восстановления законной власти. Стороны обязались обеспечить возвращение беженцев и оказать им помощь в восстановлении разрушенного жилья. Добиться вывода частей Советской армии, которые находятся на территории Цхинвала (т. е. передислоцировать из Цхинвала саперный и вертолетный полки). Последнее означало, что армия мешает восстановлению мира в регионе, подразумевалась утечка оружия. Военные были оскорблены таким допущением.

На следующий день в селе Двани Карельского района Грузии была обстреляна группа спецназа ВВ МВД СССР, на месте преступления задержавшая пять грузинских боевиков, которые сожгли несколько домов в осетинском селе Велеби.

В подписанном протоколе встречи, в которой участвовало все руководство Северной Осетии, обе стороны использовали формулировку «бывшая автономная область» (Ельцин планомерно добивал Советский Союз).

Ахсарбек Галазов, председатель Верховного Совета СО АССР, участвовавший во встрече, объяснил это тем, что Гамсахурдиа настаивал на

«Шида Картли» и «Цхинвальском регионе».

Что ж, Северная Осетия была в ожидании собственных тяжелых перемен – готовился к принятию закон о реабилитации репрессированных народов, по которому депортированные в свое время ингуши могли предъявить территориальные претензии к Северной Осетии на Пригородный район, где уже с 20-х годов XX века проживали потомки осетин, изгнанных из Южной Осетии грузинскими карателями, и беженцы новой волны из внутренних районов Грузии. Только Ельцин мог исключить из него статью о возврате территорий. В Назрани в это самое время уже вторую неделю проходил многотысячный митинг, основным требованием которого было возвращение автономии ингушского народа и возврат территории, на которой он проживал до 1944 года, до выселения. Прибывший на митинг Б. Ельцин поддержал митингующих. «Каждый народ имеет право на самостоятельное самоуправление», – сказал он.

Именно в Пригородном районе была расселена большая часть беженцев из Южной Осетии и Грузии, количество которых в Северной Осетии в марте 1991 года уже перевалило за 50 тысяч человек. Здесь обосновались южане, бежавшие из Грузии в 1920 году. Так получилось, что именно здесь сейчас живут осетины, депортированные из Южной Осетии и насильственно поселенные на месте высланных в 1944 году ингушей.

После восстановления в 1957 году Чечено-Ингушской АССР ингуши вернулись в свои дома в Пригородном районе, где они жили с 1922 года. Большинство депортированных в 20-е и 40-е годы южан были вынуждены оставить там свои дома и селиться компактно в Северной Осетии целыми населенными пунктами.

Принимаемый закон о реабилитации не предусматривал восстановления и реабилитации прав этих людей. Никто не собирался возвращать их в родные места. Никто не думал и о реабилитации казачества, которое также в свое время населяло именно Пригородный район. Закон, разумеется, не предусматривал и восстановления территориально-политической целостности Осетии, которая в 20-х годах была насильственно расчленена на Северную и Южную.

Таким образом, события в Южной Осетии непосредственно влияли на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Требования высших законодательных органов России и СССР к парламенту Грузии и руководству Южной Осетии принять необходимые меры по созданию условий для возвращения беженцев на места их постоянного проживания заведомо были обречены на невыполнение. 1 апреля ВС СССР рекомендует Президенту СССР в соответствии с пунктом 15 статьи 127 Конституции СССР ввести чрезвычайное положение на всей территории Южной Осетии силами ВВ МВД. Но Горбачев все еще «не видел необходимости в чрезвычайщине».

После трехмесячного перерыва была снята блокада Южной Осетии и по дороге Джава – Цхинвал пошли наконец колонны с грузами из России и Северной Осетии. Завалы на дороге, взорванной грузинскими экстремистами, чтобы препятствовать прохождению колонн, были расчищены военными ВВ МВД СССР, они же обезвредили 10 мощных самодельных фугасов на дороге. В город прибыли 96 грузовиков, доставивших муку, продукты, медикаменты, сигареты, гуманитарную помощь из Германии. Продовольствие в первую очередь предназначалось беженцам, которых в Цхинвале было уже около 7 тысяч.

К этому времени в Северной Осетии стала крепнуть уверенность, что, пока Южная Осетия держится, будет сохраняться мир и на Северном Кавказе. Падет Южная Осетия – и вспыхнет война на севере. На митингах раздавались требования сформировать отряды добровольцев и идти в Южную Осетию. Чаще других жителей Северной Осетии митинги проводились выходцами из Южной Осетии еще той волны, 1920 года. Их в то время проживало в Северной Осетии более 80 тысяч. Приводились сравнения с 1920 годом, когда была сформирована Югоосетинская бригада, которая направилась в Южную Осетию и успешно участвовала в боях с регулярной грузинской армией Н. Жордания (главы меньшевистского правительства Грузии, в 1920 году организовавшего карательную экспедицию в Советскую Южную Осетию). На митингах требовали перекрыть газ, поступающий в Грузию через Северную Осетию, нарушить связь, отключить электроэнергию, установить ответную экономическую блокаду Грузии, применить дискриминационные санкции к 13 тысячам грузин, проживающих в Северной Осетии.

Тот самый генерал Г. Малюшкин, начальник войсковой оперативной группы МВД СССР в Южной Осетии, по поводу упреков в адрес центральной власти сказал: «А 28 тысяч грузин, проживавших в области, они спросили, когда провозглашали свою республику? Почему центральная власть не сказала веское слово в сентябре 1990 года при провозглашении в Южной Осетии республики?» Грузия, впрочем, тоже не спрашивала у 164 тысяч осетин, проживавших в Грузии, не возражают ли они против выхода республики из состава СССР.

Вскоре Союз остался в прошлом, хотя все еще пытался возродиться. Декларация прав человека, принятая Чрезвычайным съездом Советов после августовского переворота 1991 года, дала право каждой из суверенных республик устраивать свои внутренние дела без вмешательства со стороны. В том числе и тем республикам, которые отказывались подписать новый Союзный договор. Права национальных меньшинств в Грузии отдавались полностью в руки диктаторского режима. Принципы первенства прав человека не подходили для регулирования межнациональных отношений в республиках бывшей общей страны. Эффективнее были бы экономические санкции к Грузии, попиравшей права человека, но такие санкции должны были приниматься сообща всеми

суверенными теперь республиками.

В СССР к сентябрю 1991 года было около 500 тысяч внутренних беженцев и перемещенных лиц. Из них в России – 150 тысяч, более половины которых составляли беженцы из Южной Осетии и внутренних районов Грузии, принятые Северной Осетией. Часть беженцев подалась в Краснодарский край, в Ставрополье, в Кемерово, даже в Магаданскую область. В России были созданы новые организации: Комитет по правам человека ВС РСФСР, Комиссия по делам беженцев Моссовета, Министерство по труду и социальным вопросам, Комитет русских беженцев и т. д. Государство предоставляло и атрибуты некоей «временной жизни»: работу, жилье и гуманитарную помощь. Но без статуса беженца, прописки и гарантированных законом прав проблемы обездоленных людей невозможно было решить. Именно в таких условиях отсутствия законодательной базы и проходил прием беженцев Северной Осетией вплоть до 1993 года.

Заместитель руководителя Управления по делам миграции МВД РСО – Алания Доментий Кулумбегов рассказывает о тех днях: «Массовый приток мигрантов в Северную Осетию начался прямо с января 1991 года. Естественно, самым трудным был вопрос их размещения. Многие остановились у родственников и знакомых, но не у всех была такая возможность. Поэтому для их временного проживания использовались санатории, дома отдыха, общежития учебных заведений, бывшие пионерские лагеря, другие приспособленные помещения вплоть до складских и хозяйственных построек. Были и такие случаи, когда людей на время приютили совершенно незнакомые люди. В местах компактного расселения беженцев в начальный период было организовано питание. Регистрацией вынужденных мигрантов под руководством Комитета по делам национальностей при правительстве Северной Осетии занимались местные органы власти, специально выделившие для этого сотрудников. Трудности усугублялись тем, что это была практически первая волна массового притока мигрантов в Россию. Напомню и о том, что в то время в России не было нормативно-правовых актов, определяющих порядок их приема, регистрации и финансирования расходов на их содержание. В таких условиях Северная Осетия приняла около 115 тысяч беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии.

Для Северной Осетии это была колоссальная нагрузка во всех отношениях. Достаточно сказать, что беженцы составляли более 17 % от населения республики. По международным оценкам – это катастрофическое соотношение, и такого в то время не было ни в одном из регионов России. На начальном этапе всю тяжесть организации приема и оказания помощи взяла на себя республика при поддержке федерального центра. Гуманитарная же помощь со стороны международных организаций пришла позже и, естественно, не в таких формах и объемах, которые тогда требовались. Ни Россия в целом, ни Северная Осетия в отдельности самостоятельно не были в состоянии адекватно отреагировать на ту

огромную беду, которая случилась с этими людьми, и не могли оказать им в короткие сроки помощь в обустройстве на новом месте. Вспомним, какова была ситуация в начале 90-х годов в самой России, когда происходила ломка всех старых структур, а новых, эффективных на их месте еще не было. Когда из-за сложнейшего финансово-экономического положения не получали зарплату бюджетники, шахтеры, пенсионеры не получали пенсии, и практически вся страна была охвачена забастовками. Первые федеральные законы „О беженцах“ и „О вынужденных переселенцах“ были приняты лишь в 1993 году, поэтому процесс обустройства беженцев затягивался по всей России, а не только в Северной Осетии».

26 октября 1991 года А. Галазов, председатель ВС Северной Осетии, подписал обращение к Госсовету СССР, в котором говорилось о грубом попрании элементарных прав национальных меньшинств, о трагическом развитии событий в Грузии. Происходящее он назвал фактическим геноцидом осетинского народа. «Количество беженцев достигло 53 тысяч человек. Возобновление военных действий может вызвать новую волну мигрантов. Все это накладывается на проблемы в республике. Острая нехватка жилья, продовольствия и товаров первой необходимости создает значительные трудности. Существенно осложнилась демографическая ситуация, так как Северная Осетия и до нынешней волны мигрантов занимала второе место в России по плотности населения. Дестабилизирующий фактор – территориальные притязания со стороны Чечено-Ингушетии. Масштабы проблем таковы, что Северной Осетии не справиться. Обращаемся с просьбой специально рассмотреть вопрос о положении в Южной Осетии и мерах по урегулированию конфликта с целью создания реальных условий для возвращения беженцев в места их постоянного проживания», – говорилось в обращении.

При этом А. Галазов откровенно признавался, что рассчитывать на какую-то реальную помощь М. Горбачева, пребывавшего в глубоком трансе после августовского переворота, не приходилось. Дело осложнялось многочисленными «дворцовыми» интригами, основывавшимися на том, что Северная Осетия в основной массе поддержала в те дни ГКЧП. Трудно сказать, сделала она это раньше или позже Южной Осетии, откуда также направлялись телеграммы «поддержки от трудовых коллективов». Такая реакция была абсолютно закономерна в тех условиях, когда недопустимое, преступное бездействие Горбачева вело к ежедневным человеческим жертвам, за которые никто не нес ответственности в стране, которую он возглавлял. Прозрение для большинства и на Севере, и на Юге наступило уже в тот же вечер, 19 августа, после того как лица путчистов показали по телевизору. Надо сказать, что грузинские националистические власти серьезно встревожились в тот момент, ожидая репрессий, и вели себя очень тихо, выжидая момент, чтобы раньше всех направить телеграмму с поздравлениями тому, кто победит в этой возне. Впрочем, после начавшихся в Грузии в сентябре 1991 года беспорядков

националистам было уже не до этого.

Итак, говорить с Горбачевым уже не было никакого смысла. Проблема же общения с российским лидером заключалась в том, что именно он подготовил тот самый Закон о реабилитации, в который при усердной поддержке ингушского лобби в лице Г. Старовойтовой и Р. Хасбулатова протаскивались статьи по переделу территорий. Тем не менее Россия с самого начала оказывала наиболее действенную помощь Северной Осетии в приеме и обустройстве беженцев. Председатель правительства Северной Осетии С. Хетагуров в феврале 1991 года встретился с председателем СМ РСФСР И. Силаевым и подробно рассказал о положении в Южной Осетии. Ущерб, нанесенный автономной области, по его данным, уже составил 110 млн. рублей. Число беженцев в Северной Осетии превысило 10 тысяч. С. Хетагуров обратился к правительству России за помощью – о выделении Северной Осетии материально-технических, финансовых и продовольственных ресурсов, в том числе денежной помощи в размере 100 млн. рублей для проведения ремонтно-восстановительных работ в Южной Осетии и 10 млн. рублей для оказания помощи пострадавшим семьям. Ремонтно-восстановительные работы в Южной Осетии проводились в основном на линиях электропередачи, другие работы в условиях войны не имели никакого смысла, поэтому помощь оказывалась в виде гуманитарных продуктов и топлива. Если бы на эти деньги приобреталось оружие, как утверждали в Грузии, расклад сил в боевых действиях мог за это время существенно измениться. Но Союз оберегал Грузию.

Президиум Верховного Совета Северной Осетии принял в сентябре постановление «О первоочередных мерах по оказанию помощи беженцам из Грузии». В нем четко отражено, какое значение придавалось решению этих непростых задач в Северной Осетии: 1. Считать одной из первоочередных задач президиума ВС, СМ, министерств и т. д. оказание помощи беженцам из Грузии, особенно в осенне-зимний период 1991–1992 годов. 2. СМ совместно с рабочей группой ВС до 15 октября принять все необходимые меры по подготовке помещений к проживанию в осенне-зимний период и расселению в них беженцев.

3. Обязать Рессовпроф, Совет по управлению курортами профсоюзов Северной Осетии изыскать возможность временного размещения 900 беженцев в санаториях «Кармадон» и «Редант».

4. Просить СМ РСФСР выделить Северной Осетии на 1991–1992 годы дополнительные ресурсы продовольствия и других товаров первой необходимости для обеспечения беженцев.

5. Просить ВС СССР и РСФСР ускорить разработку и принятие Закона о беженцах.

Согласно разработанному тут же плану первоочередных мер по оказанию

помощи государственным структурам Северной Осетии предстояло:

1. Отремонтировать 4 жилых корпуса в пос. Бурон Алагирского района для размещения 600 беженцев.
2. Отремонтировать 30-квартирный жилой дом в поселке Мизур Алагирского района для размещения 120 человек.
3. Отремонтировать детский лагерь отдыха Алагирского завода сопротивлений на 200 человек.
4. Подготовить к приему беженцев детский санаторий в поселке Нузал на 150 человек.
5. Турбазу «Урсдон» на 320 беженцев.
6. Базу в Дигорском районе на 60 человек.
7. Корпус в детском оздоровительном лагере «Шахтер» на 200 человек.
8. Отремонтировать и подготовить к проживанию 100 беженцев здание бывшей школы в селе Тарском.
9. Обеспечить беженцев продовольствием и товарами, выдать им потребительские карточки.
10. Обеспечить детей беженцев бесплатно местами в детских садах.
11. Ректорам СОГУ, ГСХИ, СКГМИ, СОГМИ рассмотреть вопросы перевода студентов-беженцев в вузы Северной Осетии.
12. Решить все вопросы по выплате пенсий и пособий беженцам.
13. Временно трудоустроить беженцев на имеющиеся вакантные места.
14. Организовать медобслуживание по месту проживания.
15. Изучить возможность выделения беженцам земельных участков для жилищного строительства.
16. Провести перерегистрацию лиц, прибывших из Южной Осетии и внутренних районов Грузии, и выдать им регистрационные карточки.

Как видно из перечисленного, объем помощи был колоссальный. Приведенный перечень отражает только небольшую часть сделанного Северной Осетией для беженцев. Большой частью население и администрации на местах помогали людям стихийно, совершенно без всякого учета, постановлений и бумажной волокиты. Серьезную помощь беженцам оказывали также Дагестан, Карачаево-Черкесия, Ставрополье, Ростовская и Курская области, Магадан, Абхазия, ленинградская и московская осетинские диаспоры.

Между тем положение в Южной Осетии еще больше осложнилось после затишья, связанного с последствиями землетрясения в апреле 1991 года. Увеличивалось количество жертв, горели села. Миграция из Южной Осетии все это время была двусторонней. Мужчины, устроившие семьи где-нибудь у родственников в Северной Осетии, приезжали обратно. Старались вернуться в

Южную Осетию и женщины, беспокоясь за мужей и братьев. Оставаться в неведении было еще труднее тем, кто оставил на войне близких людей. Уезжая из Цхинвала, женщины и особенно школьники, договаривались встречаться, скажем, каждый понедельник на каком-нибудь известном всем месте во Владикавказе. Обычно это бывал проспект Мира. Но оказалось, что договариваться специально не было необходимости. Каждый день к так называемому кругу у въезда в город, туда, где на поляну регулярно садился военный вертолет, привозивший тяжелораненых из Южной Осетии, приходили женщины, в страхе разглядывая тех, кто лежал на носилках – боялись увидеть родных и знакомых. Бывало, что и южанки, и северянки бежали в республиканскую больницу, если раненым нужна была кровь. Здесь, на «круге», узнавали последние новости из Цхинвала, о том, кто убит, кто ранен, спрашивали у врачей, сопровождавших раненых, не видел ли кто их близких, как там дом, цел ли, не пострадал ли от ракет и снарядов.

О количестве раненых в Южной Осетии красноречиво говорило то, что в это время в аптеках Владикавказа невозможно было купить бинты и вату. На многих аптечных форточках висели таблички: «Перевязочного материала нет».

Все отправлялось на юг. Ожидалось, что к зиме количество беженцев возрастет до 100 тысяч.

26 апреля 1991 года парламент России принял закон «О реабилитации репрессированных народов». Прошло всего 10 лет после волнений 26–29 октября 1981 года в Орджоникидзе в связи с резко вспыхнувшим осетино-ингушским конфликтом. Уже в апреле 1991 года произошли первые вооруженные стычки, в результате которых в с. Куртат Северной Осетии погибло несколько человек, многие получили ранения и увечья. А 20 июня была провозглашена Республика Ингушетия в составе РСФСР. Почетным ее гражданином и почетным членом своего исполкома депутаты единогласно избрали Звиада Гамсахурдиа. Председатель Исполкома народных депутатов всех уровней Ингушетии И. Кодзоев при этом сказал: «Ингушский народ считает, что Республика Грузия не может оказаться безучастной к трагической судьбе Ингушетии».

Напряженность накапливалась с появлением каждой новой семьи беженцев из Грузии в Пригородном районе, который ингуши считали своим. Беженцы повлияли на демографическую ситуацию в Республике Северная Осетия, изменив на тот момент соотношение между частями населения и усилив удельный вес осетин. На 1 ноября 1992 года в Пригородном районе уже было расселено 6654 человек, бежавших из Грузии и Южной Осетии. Появились и экстремисты, готовые разыграть осетино-ингушскую карту с привлечением союзников.

В то же время правоохранительные органы Северной Осетии фиксировали всплеск преступности, связанный с появлением беженцев. Высокие милицейские чины сообщали, что «некоторые из них предпринимает антигрузинские акции, звонят им домой, посылают письма, угрожают похитить детей. Были попытки сформировать из местной молодежи боевые группы, остановить газоперекачивающие станции, отключить газопровод, идущий в Грузию. Совершен ряд серьезных преступлений. Так, несколько дней назад задержали двух несовершеннолетних: на их счету три грабежа. Отмечены вооруженные нападения на квартиры, много случаев хулиганства, дерзко ведут себя на улицах, в общественных местах». Для небольшой Северной Осетии с предельной плотностью населения на всем Северном Кавказе приток беженцев создал острые проблемы.

Беженцы получали во Владикавказе потребительские карточки заранее, за месяц вперед. В большинстве своем они были безработными, находясь на государственном обеспечении. У безработных было стандартное оправдание: «вот пропишусь и начну работать». Хотя прописку с них и не требовали, тем более что прописка во Владикавказе при устройстве на работу для беженцев не была обязательна, их в порядке исключения принимали на заводы и в учреждения без прописки, только на основе карточки беженца. Многие пошли работать в поле. Односельчане объединялись в отдельную бригаду, так легче было выдерживать свое новое положение. Но все же большая часть беженцев оставалась на попечении государства.

Характерна в этом смысле полемика во владикавказской газете «Слово», развернувшаяся в тот период между теми, кто призывал формировать отряды на помощь южанам, и теми, кто считал, что идти воевать должны беженцы-мужчины, прохлаждающиеся во Владикавказе. Вот один из таких комментариев. К. Дзатцеев: «...Р. Дзаттиаты предлагает Северной Осетии ввязаться в гражданскую войну с Грузией, утверждая, что только так мы сможем не допустить кровопролития на Кавказе. Крайне наивно полагать, что в гражданской войне вообще есть победители. Мысли, выраженные в этом письме, на языке у многих, на неофициальном уровне слышны призывы к молодежи Северной Осетии взяться за оружие и отправиться на освободительную войну за перевал. Между тем во Владикавказе уже находится не одна тысяча молодых здоровых парней, прибывших „оттуда“ и, мягко говоря, бесцельно слоняющихся по улицам города. Может, прежде чем звать в бой юность Северной Осетии, нужно было сначала обратиться к тем, кто с этого боя дезертировал? Газета „Слово“ первой открыто высказалась за создание республиканских вооруженных формирований, но эти отряды должны выполнять исключительно оборонительную функцию. Многие полагают, что любая попытка экстремизма с нашей стороны может привести только к резкому изменению общественного мнения, складывающегося пока не в пользу правительства Грузии. Как бы ни было тяжело, нужно отбросить эмоции и

рассуждать трезво. Война с правительством Грузии приведет к войне с народом Грузии. Нельзя допустить и того, чтобы здесь у нас происходили расправы над лицами грузинской национальности. Это позор – вымещать свою боль и обиду на ни в чем не повинных людях. Только за последний месяц в Южную Осетию отправилось несколько групп добровольцев для оказания различного рода помощи. А в это же самое время в Северной Осетии занимается ничегонеделанием многосотенный отряд беженцев, или, если хотите, бежавших с поля боя мужчин. Не в этом ли огромном отряде потенциальных защитников нуждается сегодня больше, чем в хлебе, население Цхинвали? Мы против, когда тысячи истинных мужчин, стоящих насмерть на баррикадах, но не пропускающих бандитов в город, отождествляются с кучкой зажавшихся подонков, бесчинствующих здесь».

Возможно, это был просто комплекс человека, считавшего, что он не обязан идти на эту проклятую войну, и в такой форме объяснявшего свое раздражение от призывов к чести и долгу. Видно, что совесть давила на К. Дзатцеева, но видно и то, что он неадекватно воспринимал масштаб трагедии, названной им «полосой неудач»: «У нас у всех сегодня подавленное настроение. Полоса неудач преследует нас. Даже такая, казалось бы, никак не относящаяся к событиям в Южной Осетии мелочь, как уход Валерия Газзаева в Московское „Динамо“, в конечном итоге вызывает подавленность духа, упаднические настроения. Мы верим, что полоса неудач, преследующая нас в последнее время, обязательно закончится. Не нужно упрекать друг друга, нужно добиться, чтобы за правду боролись и те, кто судьбой и долгом призван к этому».

Исследования, проведенные уже после завершения вооруженной фазы конфликта, показали, что хуже привыкали к новым условиям жизни беженца выходцы из внутренних районов Грузии, особенно те, кто в свое время для того, чтобы приспособиться к жизни в грузинской среде, сменил фамилии, говорил по-грузински, отдавал детей в грузинские школы. Эти люди, кроме всего, ощущали личную трагедию. Ведь все это не помогло им избежать репрессий, и они были вынуждены покинуть свои родные места. Распространялась даже неофициальная информация, что в Северную Осетию направлялись специальные провокаторы, чтобы разжигать вражду между тамошними грузинами и осетинами, сделать грузино-осетинский конфликт также и проблемой северян. В радикальной прессе публиковались материалы, обвиняющие североосетинское руководство в бездействии, в чрезмерной заботе о местных грузинах. Попадали такие статьи и в центральную прессу. В одной из таких статей в газете «Правда» того периода говорилось о насильственном выселении летом 1991 года из общежитий женщин, стариков и детей с такой мотивировкой: беженцы должны возвратиться в Южную Осетию. Насколько обоснованны были такие требования к ним, если совершенно точно было известно, что подавляющее большинство беженцев были из внутренних районов Грузии, куда они не могли

вернуться при всем желании. Имевшие место факты насильственного выселения («отселения») беженцев иногда с применением ОМОНа признал и зам. руководителя Управления по делам миграции РСО – Алания Д. Кулумбегов. Были даже случаи выселения стариков-беженцев из домов престарелых, куда их изначально определяли по прибытии из Грузии. Впрочем, дело могло быть и в том, что помещения действительно нуждались в срочном ремонте.

Беженцы из Южной Осетии все же психологически легче справлялись со своим положением: их рано или поздно ожидало возвращение на родную землю, хоть и на пепелище, но в среду своих соплеменников. У беженцев из Грузии такой надежды не было.

Они считали, что проблема южан заключается в том, быть или не быть независимой Республике Южная Осетия или хотя бы ее автономии в Грузии. Их же проблема была в том, что они являлись представителями другой, негрузинской нации.

Заместитель председателя парламента Северной Осетии Ю. Бирагов признавал, что самые серьезные трудности ожидаются с беженцами-осетинами, прибывшими в республику из внутренних районов Грузии: «В отличие от женщин (из Южной Осетии), которые намерены возвратиться в свои родные места, беженцы из внутренних областей Грузии приехали к нам навсегда. Сегодня они пока что молчат, но завтра мы должны будем вплотную заняться их трудоустройством, выделением им жилья. Если с работой у нас хоть как-то решается – на предприятиях республики ежегодно недоукомплектовано около 5 тысяч рабочих мест, кроме того, вновь организуемые малые предприятия дадут еще около 3 тысяч мест, – то с землей, с жильем все гораздо сложнее: в Северной Осетии чрезвычайно трудно с землей, слабы и мощности по строительству жилья. Здесь мы надеемся на помощь России, страны». Он назвал беженцев той неподконтрольной силой, которая могла повлиять на межнациональные отношения внутри самой Северной Осетии, где проживали 13 тысяч грузин. «Пока все делается для того, чтобы снять это напряжение: советские, партийные работники, депутаты, члены неформальных общественных организаций проводят большую разъяснительную работу с населением, квартиры и дома грузин обеспечены охраной. Но это пока. Что может произойти завтра, особенно с эскалацией событий в Южной Осетии и новыми потоками беженцев оттуда, предугадать трудно», – сказал он.

Трудно было ожидать полностью благопристойного поведения от людей, переживших такой шок. Родину они потеряли, здесь же были никем. Исследователь этой проблемы Г. Павловец в работе «Этнопсихологические особенности беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии» также

подтверждает, что на постконфликтном этапе готовность помогать беженцам переросла в безразличие. А тогда, в разгар конфликта, к ним пока только присматривались, различая их поговору, манерам, традициям. «Ясно одно: превращение благополучных людей в беженцев – это не только крах их материальной стабильности, но личностный кризис, который у каждого из беженцев протекает по-разному, – пишет Г. Павловец. – У беженцев высокий уровень эгозащитных реакций. Они не фиксируют свое внимание на препятствии или на удовлетворении потребностей. Они сосредоточены на защите собственного „я“. Причем это проявляется не в форме внешних обвинений, а в уходе в себя, высокой уязвимости, склонности воспринимать трудности и препятствия как непосредственную угрозу, а не как стимул к поиску выходов. Для перехода от пассивной психологической самозащиты к поискам реалистического разрешения ситуации им крайне необходима внешняя психологическая поддержка, психотерапевтическая коррекция. Каким может быть поведение большой массы людей, перенесших психический стресс в связи с тем, что за короткое время они из благополучных жителей Грузии превратились в униженных и обездоленных людей? Кардинально меняется структура идентичности – беженцы осознают себя выброшенными за пределы главных жизненных отношений в обществе. Результаты исследований показали, что половина опрошенных беженцев отнесла себя к категориям из ряда специфичных: бомж, безработный, нищий, человек второго сорта, лишний человек в России, бесправный, незащищенный».

Многие другие исследования отмечают высокую степень «культурной маргинальности» беженцев. Прожив много поколений в Грузии, осетины смогли адаптироваться к грузинской культурной среде, усвоили грузинские культурные обычаи и традиции, что не могло не отразиться на их мировоззрении. Они не стали жить иначе, оказавшись в Северной Осетии, потому что иной жизни они не знали. Это раздражало местных осетин, которые считали, что беженцы из Грузии должны теперь ненавидеть все грузинское. Действительно, у беженцев из внутренних районов Грузии «наблюдалось снижение этнической толерантности по отношению к грузинам», они называли их врагами, агрессорами, высокомерными и лицемерными. Но в силу приобретенных традиций продолжали «жить по-грузински». Это утверждение не относится к беженцам из тех районов, где осетины жили обособленно, большими массивами, скажем, из Гуджаретского ущелья Боржомского района Грузии и некоторых сел Кахетии, и оставались приверженцами осетинских традиций и культуры.

Конечно, совсем другую оценку следовало дать той категории беженцев, о которой рассказывает А. Галазов в книге «Пережитое»: «Среди беженцев оказались многие вчерашние партийные активисты, представители „интеллигенции“. Они находили себе покровителей и в Северной Осетии, и в Москве, и в Ленинграде. Они неплохо устроились сами и обеспечили будущее своих детей. Иногда они проявляли активность: проводили своеобразные

тусовки в Москве, звонили мне, Сергею Хетагурову, давали нам установки на решение вопросов Южной Осетии».

* * *

В октябре – ноябре 1991 года беженцами стали уже около 50 % осетинского населения Грузии и Южной Осетии. По официальной статистике, которую привела в своем репортаже от 4 октября тележурналист Ирина Таболова: «Более 220 человек убиты, в том числе женщины и дети, 480 ранены, 112 пропали без вести. В Цхинвале зарегистрировано беженцев из внутренних районов Грузии: детей до 6 лет – около 1000, от 6 до 16 – 1375, от 16 до 50 – 3000, старше 50 – 3000 человек. В Южной Осетии населения осталось около 50 тысяч человек. Осетины депортированы из 94 сел. Это оскал геноцида. Другого определения нет». В том же сюжете И. Таболова продолжает: «В Джаве, в пробке машин, едущих в Цхинвал, немало людей, которые решили расстаться с горьким статусом беженцев и возвращаются домой вместе с детьми. Машина, поехавшая без сопровождения, была захвачена, двое взяты в заложники. Автобус, ехавший из села Гром Южной Осетии в сопровождении солдат МВД СССР, был обстрелян и остановлен. Убили Аркадия Дудаева. Тяжело ранены Вадим Чочиев, Муртаз Хаматов и солдат из сопровождения. В автобусе сидят дети в шоковом состоянии, с окаменевшими взглядами. На вырубку с опозданием прибыл отряд МВД. В больнице мы увидели жительницу поселка Знаур Варди Табуеву. Ее садистски кололи ножами, а потом поднесли форсунку к голове и сожгли заживо».

Часто возвратившиеся беженцы заставляли только кучи золы и пепла там, где раньше стояли их дома. А многие знали, возвращаясь, что дома уже нет, но все же их тянуло туда с надеждой и беспокойством. Некоторые не выдерживали увиденной картины. Когда в сентябре 1991 года грузинские бандиты ворвались в Арцев, вместе с группой жителей Шалико Болатаеву, ветерану Великой Отечественной, удалось бежать. Когда он вернулся в Арцев после того, как обстановка немного успокоилась, и увидел результат пребывания бандитов в родном селе, его сердце не выдержало, он умер там же. Его похоронили 17 сентября.

Тот период, когда грузинские бандформирования, нападавшие на села, грабили колхозное добро с ферм, был пройден в самом начале. Уже скоро они перешли к частным домам, некоторые дома грабили по нескольку раз. А уже потом села после грабежа сжигались.

Чаще всего в небольших селах не было собственных защитников – они не могли сидеть каждый в своем селе в ожидании нападения. Рук с оружием не

хватало катастрофически. Жители даже стеснялись просить о какой-то охране. В селах Дидмуха и Мугут Знаурского района Южной Осетии, расположенных близко к грузинскому селу Авневи, все еще были жители, упорно не уходившие ни в Цхинвал, ни на Север. Там были дома, которые грабили по 6–7 раз, сопровождая грабежи издевательствами и избиением хозяев. Наконец жители попросили помощи, и в следующий раз, когда очередной отряд мародеров въехал в села, его встретила засада. Вскоре появились и внутренние войска. Когда все закончилось, местные жители собрали по улицам 14 трупов своих недавних противников, сложили в машины и вывезли за пределы сел. Грузинская пресса назвала потом это «нападением осетинских экстремистов на мирное село Авневи». Бандитам стало ясно, что только грабить села недостаточно. В Знаурском районе еще в апреле практически перестали существовать 18 сел: Балта, Калет, Велеби, Ионча и другие. Население в результате такого террора покинуло еще 36 сел района. Жители остались только в Знауре и Бекмаре. Другие села опустели.

Красноречивый факт: за два года вооруженного конфликта не было и до сих пор нет ни одного сожженного грузинского села.

Жители увозили свое имущество и скот даже из тех осетинских сел, куда еще не вошли грузинские вооруженные формирования. И вот по дороге Знаур – Цхинвал едут и едут груженные домашним скарбом машины, слышно мычание и бляние голодного скота. Скотину, которую угнать не удалось, грузины забивали на месте, чтобы и хозяевам ничего не досталось. Маленьких ягнят уносили на руках. Только с фермы с. Велит общественного скота было угнано более 500 голов, не считая скота жителей. Жители успели убежать до вторжения. Осетинские ополченцы, пришедшие на помощь селу, застали пожар в разгаре. Спасли щенка, унесли с собой и дали ему кличку Беженец. Из других сел, например из с. Принев, часть спасенного скота перегнали в Бекмар, где он находился под открытым небом, долгое время голодный, кормов не хватало.

Такая же картина наблюдалась в Цхинвальском районе, где наиболее тесно переплетены грузинские и осетинские села. Осетинское село Хелчуа опустело после нескольких дней самостоятельной обороны. 25 марта 1992 года измученные массированными обстрелами защитники отступили, забрав женщин и детей. Остались в селе старики, которые не смогли уйти и думали, что, дряхлые и немощные, они не представляют угрозы для грузин. Утром бандиты ворвались в село, не встретив сопротивления... 90-летний Нестор Гобозов рассказал, что «один раз село уже сжигали, это было в начале 20-х годов. Теперь вот опять». В селе было около 220 домов, их сожгли полностью. Убиты пожилые люди Сергей Хугаев, Нина Бестаева, Германоз Кисиев. С огнестрельными ранениями привезли в больницу стариков Владимира Хугаева, Сакино Кисиева, инвалида с переломом позвоночника, который и передвигаться-то мог только на костылях, 85-летнего Карго Бестаева, 75-летнего Тадиоза Кисиева, 80-летнюю Текле Казиеву, 90-летнюю Санет Кудзиеву-Кисиеву,

которую зверски избили и отрезали палец на руке. Вскоре она скончалась.

Три человека из села были взяты в заложники: Гоги Бестаев, Гигуца Кисиев и Бето Кисиев. Пожилых людей после пыток паяльной лампой (Г. Кисиеву отрезали правую руку) скинули в овраг. Военнослужащие внутренних войск вывезли их трупы только через несколько дней.

Сакино Кисиев: «Несколько человек вошли и велели мне выйти наружу. Я с большим трудом встал и с помощью костылей вышел на крыльцо. Увидев меня, они выстрелили, ранив в плечо. Я упал. Преступники начали избивать меня, топтать ногами. Я потерял сознание. Придя в себя, услышал различные приводящие в ужас звуки: рыдания, рев скотины, треск. Оглядевшись вокруг, я увидел полыхающие дом и хлев, а ревел находящийся в хлеву скот. Животные сгорели, но кто еще о них думал! Утром на второй день они вновь вернулись и продолжали грабить и жечь. В полдень в село приехали военные со „Скорой“ и отвезли нас в больницу».

Санет Кудзиева-Кисиева: «Они вывели меня во двор и спросили, где мой муж. Я сказала, что он погиб в Великой Отечественной. Услышав это, они неожиданно стали избивать меня, я падала, они ставили меня на ноги и вновь били, это продолжалось долго. Потом один из них заметил на моем пальце золотое кольцо, показал на него другим. Стали снимать его, но оно не снималось. Тогда начали резать пальцы, большой палец вообще отрезали. Утром вернулись и вновь избили, потом сожгли мой дом» («Советская Осетия», № 32, 1991 г.).

Убийство стариков в полуопустевших селах было обычным почерком нападавших бандитов, почувствовавших себя хозяевами и упивавшихся безнаказанностью, но все же чаще всего старики отказывались уходить из села, боясь быть обузой своим родным.

В селе Монастер Цхинвальского района были убиты братья Хугаевы Захар и Сергей 66 и 64 лет. Житель с. Ногкау 87-летний Иосиф Казиев был схвачен в селе Чере, куда приехал к дочери, его вывели на мороз, раздели и выстрелами загнали в реку. Он умер на третий день.

В с. Тлиакана напавшие на село 2 апреля грузинские бандиты садистски убили 82-летнего Георгия Кулумбегова, 70-летнюю Таисию Джабиеву, 70-летнюю Надю Цахилову и 80-летнюю Катю Кумсиеву. Их расстреляли, затем сожгли. Надя Цахилова была обезглавлена пулеметной очередью. Из всего села спасся лишь ее супруг, Илуша Кулумбегов, незадолго до этого ушедший в лес за дровами. Все село сожгли. Погибших похоронили жители соседнего села Буджитыкау на своем кладбище. В тот же день сожгли село Елтура.

15 мая 1992 года в с. Сарабук ворвались грузины, они вламывались в дома,

выводили стариков. Расстреляли Пепо Лолаеву, 81 года. Все деревянное в селе сгорело, досок не было, и ее похоронили без гроба. Там же расстреляли Егти и Навроза Кумаритовых, Кумаритову-Алборову Аничку, 80 лет. Через некоторое время они опять ворвались и убили Николая Цахилова, тоже старика. Оставшиеся в живых лесами ушли в Цхинвал.

Больным, немощным старикам не было смысла бежать из села – они бы все равно не вынесли дороги. И многие обрекали себя на верную смерть из чувства протеста: «Пусть убивают, это будет позор на их голову». Рассказывает 80-летняя Плион (Плиева) из с. Мамитыкау: «С начала декабря 1990 года мы почти каждую ночь ночевали в лесу. Врывались грузинские бандиты, устраивали погромы, угрожали перебить всех до одного. Среди прочих приходил даже учитель хейтской школы Зубашвили и грузин-ювелир, работавший в Цхинвале.

В деревне остались одни старики. Собирались мы на ночь в доме Шота Мамиева, одном из уцелевших домов. 23 января нас было 15 женщин и трое мужчин-стариков. Ворвались 15 человек, поставили нас к стене и стали стрелять над головой и в стену между нами. 96-летнего Лади Мамиева и инвалида Хазби Мамиева свалили с постелей и стали бить. Хазби засунули дуло автомата в рот и пугали, что сейчас выстрелят. Затем они заперли нас, подожгли помещение, в котором мы находились, и пошли дальше по селу. Мы кое-как потушили огонь, вылезли со второго этажа и убежали в лес. Остались в доме три старухи, девушка-инвалид и двое мужчин – Лади и Хазби. Через некоторое время бандиты вернулись, и когда увидели, что огонь потушен и старухи сбежали, они озверели. Выбросили на мороз избитых стариков и больную девушку и сожгли все вокруг. Мы слышали их крики и стоны, но чем могли помочь им? Всю ночь мы просидели в лесу на снегу.

В другой раз они зашли в дом Сараби Козаева и увидели в корыте свежую свиную тушу. Изгадили мясо, затем присыпали его битым стеклом. Часто при дележе награбленного они дрались и избивали друг друга, в ход пускали даже оружие. О Господи, я женщина набожная. Я проклиная всех тех, кто потерял все человеческое и не жалеет даже стариков, инвалидов, детей, женщин в своих злодеяниях. Пусть Бог им будет судьей!» Так закончила свой рассказ восьмидесятилетняя старуха Плион («Вестник Южной Осетии», № 10, 1991 г.).

На 15 апреля в Южной Осетии было 86 таких сел. В грузинских же селах и в Цхинвале вместе было сожжено 80 домов – это данные грузинской стороны. В самом Цхинвале в первые 10 дней войны в январе 1991 года в доме престарелых умерли от холода 33 старика. Грузинские энергетики отключили подачу электричества в Южную Осетию. Дом престарелых оказался не в той части города, которая была оккупирована грузинской милицией, но в суматохе первых шоковых дней войны о бесхозных стариках, возможно, некому было позаботиться.

Бандиты, нападавшие на села, не отвозили стариков в с. Мегврекиси

Горийского района, где у грузинских вооруженных формирований был штаб. С ними был разговор короткий. Историю о страшном убийстве Ерди Хубаева, крестьясь, от ужаса пересказывали шепотом. 90-летнему слепому старику из села Ередви Цхинвальского района отрубили голову. Поверить в этот кошмар было трудно. Но нашлись свидетели.

История № 5. Старик

Лейла Туаева, беженка из Ередви, ныне проживающая в коллективном центре проживания беженцев в СПТУ-131, была на похоронах убитого старика: «Жили в Ередви вчетвером – родители и мы с братом. Накануне войны родители уехали во Владикавказ и не смогли вернуться обратно, когда события начались. Брат еще раньше поехал в Ставрополь. Я осталась в доме одна. Мне было 16 лет, я очень боялась, ночевала по родственникам, иногда прибегая проведать дом и присмотреть за скотиной. Люди боялись выходить на улицу даже днем, а вечером женщины-осетинки старались собраться вместе, пересказывая услышанные новости. В тот вечер дочерей и невесток Ерди Хубаева позвала соседка, у которой собрались другие осетинки села. Старик уже спал. Женщины закрыли дверь и ушли. Сколько могло пройти времени, прежде чем они вернулись? Не больше двух часов, наверное. Вернувшись, они застали двери взломанными. Страшным образом убитый старик лежал на полу. Скорее всего это сделали соседи, узнавшие, что он один в доме. Что ж, других мужчин-осетин в Ередви почти не осталось, им первым угрожала опасность, и кто как мог, старались держаться подальше от села. Наверное, слепому Ерди пришлось ответить за всех, его руки были изрезаны – он хватался за топор! Он сопротивлялся!

Однажды, через несколько дней после его похорон, соседи-грузины посадили всех нас в машины и отвезли в Цхинвал, там еще стояла грузинская полиция. Нас, четырех женщин, возили в „Волге“ по городу и требовали, чтобы мы сказали осетинам, что „нам не нужна Советская армия в Южной Осетии“. Подвезли нас к МВД, там собралась огромная толпа осетин из Тбилиси, которых таким же образом привезли на автобусах сказать цхинвальцам, что „мы не хотим с Россией“. Потом нас отвезли обратно в Ередви. Через некоторое время за мной приехал двоюродный брат из Тбилиси и отправил через Баку во Владикавказ».

Лейла вернулась в Южную Осетию с родителями, им дали комнаты в общежитии СПТУ-131 в Цхинвале. Здесь, в общежитии, через четыре года она вышла замуж за беженца из Знаурского района, но вскоре они развелись. Муж уехал, она осталась одна с двумя детьми, младший из которых, Владик Гаглоев, страдает детским церебральным параличом. Мальчику нужно лечение, но на его пенсию в 1500 рублей это невозможно.

В Ленингорском районе Южной Осетии осетины были изгнаны также из

всех смешанных сел. Оторванность этого района от основной территории Южной Осетии делала осетинские села легкой добычей бандитских группировок. Селение Бершвети Горийского района граничит с селом Цинагар Ленингорского района. 28 апреля 1991 года несколько вооруженных грузин из Бершвети угнали скот с пастбища цинагарцев. Прибежавшие туда цинагарцы попали в засаду. Завязалась перестрелка, в которой были убиты Отар Хубулов, Тенгиз Дудаев, Темо Хубулов, Славик Чертковое, Гиви Бибилов, Заур Хубулов и Тотыр Маргиев. Десять человек получили ранения. Погибли также трое грузин.

В октябре беженцами стали даже сельские школы в полном составе. Новый учебный 1991 год начался 1 октября. В Цхинвале временно обосновались отрევская и арцевская средние школы, педагоги и учащиеся которых не могли вернуться в сгоревшие села. Часть детей из этих школ уже учились в североосетинских школах, куда к началу учебного года родители старались привезти детей. Количество беженцев уже создавало ощутимые трудности в жизни Северной Осетии, особенно ее столицы. С. Хетагуров, глава правительства Северной Осетии, предложил беженцам селиться не во Владикавказе, а в сельских местностях и в тех районах республики, где имелись рабочие места на предприятиях и в совхозах.

* * *

Политический кризис, начавшийся в сентябре 1991 года в Тбилиси, усугубил положение в Южной Осетии. Противоборствующие стороны – звиадистское правительство и оппозиция – призывали объединяться для борьбы с врагами-осетинами. 26 сентября в Тбилиси вооруженным спецназом был разогнан митинг оппозиции, требовавшей отставки президента. Были погибшие. Врач Гия Абесадзе совершил акт саможжения, пытаясь примирить противостоящих друг другу грузин. Национальная гвардия, отказавшаяся подчиняться З. Гамсахурдиа, во главе с Тенгизом Китовани заняла здание телерадиодепартамента. Конфликт вызвали последние указы президента о реорганизации Национальной гвардии, создании совета национальной безопасности и введении ЧП в Тбилиси без утверждения этих указов парламентом. Это была узурпация власти.

22 декабря начался штурм Дома правительства силами оппозиции во главе с Т. Сигуа и Т. Китовани. «Самое чудовищное, что стреляли по невинным людям, женщинам, юношам и детям, стреляли в дни поста, перед Новым годом, Рождеством», – сообщало грузинское агентство СЕИС. Сторонники З. Гамсахурдиа призвали к неповиновению. С 22 декабря по 6 января в ходе конфликта в Тбилиси погибли по меньшей мере 107 человек. Список погибших был опубликован.

Свергнувший Звиада Гамсахурдиа Военный совет, и прежде всего Джаба Иоселиани, освободили Тореза Кулумбегова из заключения и обратились к руководству Южной Осетии с просьбой прекратить противостояние и приехать в

Тбилиси для переговоров. Но в Южной Осетии продолжалась война, и встречаться с представителями нового режима никто не собирался. Глава Временного правительства Тенгиз Сигуа заявил, что это сторонники экс-президента возобновили обстрелы Цхинвала и сел, стремясь тем самым сорвать мирные переговоры с осетинской стороной.

Касаясь вопроса дальнейшей судьбы экс-президента, глава Временного правительства Тенгиз Сигуа отметил, что, по-видимому, тот «не будет привлечен к суду, так как бывший президент – психически ненормальный человек. Об этом свидетельствуют соответствующие документы, а также свидетельства врачей». Однако прокуратура Грузии все же возбудила против Гамсахурдиа уголовное дело по обвинению в разжигании межнациональной розни, хищении государственного имущества в особо крупных размерах и т. д.

Звиад Гамсахурдиа бежал в Армению (не пешком ли через Ахалкалаки?) и нашел временный приют у Левона Тер-Петросяна, который послал ему приглашение. Оппозиция армянского президента была недовольна тем, что Тер-Петросян пригласил в страну тирана. Но президент считал, что таким образом можно прекратить братоубийственную войну в Грузии и стабилизировать ситуацию во всем Закавказье. З. Гамсахурдиа получил не политическое убежище, а только «приют». Из Армении экс-президент отправился в Сухум, а оттуда ночью на машине добрался до Зугдиди. На следующий же день он провел митинг в городе и призвал своих сторонников к походу на Тбилиси. И объявил о начале гражданской войны.

Эдуард Шеварднадзе, оставшийся не у дел после ухода из МИД России, приветствовал «демократическую революцию» в Грузии и заявил, что имеет огромное желание принять участие в создании демократической Грузии.

«В каком качестве я буду этим заниматься – пусть решат те, кто возглавляет там сейчас демократическое движение». Это был аванс для новоявленных «демократов», который означал, что скоро весь мир сможет думать о них так же, как всемирно признанный «демократ» Шеварднадзе.

А в Южной Осетии 19 января 1992 года был проведен всенародный референдум. 99 % населения проголосовали за независимость и вхождение в состав России. Ожидать от новых властей Грузии миролюбивого поведения после этого было наивно. Национальная гвардия пока была занята своими проблемами в Западной Грузии, но у бандформирований на местах проведенный референдум вызвал еще большее ожесточение. Город наполнился слухами, что грузинские банды собираются захватить Рокский тоннель, чтобы отрезать Южную Осетию от помощи Северной и сделать все население заложниками. Ранее тоннель охранялся российскими войсками, а в последнее время оставался

без охраны. Поэтому слухи выглядели правдоподобными. К счастью, «вражеские спецчасти» оказались боевой группой из поселка Квайса, которая и взяла тоннель под охрану.

В то же время в разгар боев в январе 1992 года жители соседних районов Грузии имели возможность приобретать в Цхинвале продукты, которые были здесь значительно дешевле, чем в Грузии. Конечно, это говорило о гораздо меньших масштабах национальной нетерпимости у осетин, но также было свидетельством того, что в городе появились спекулянты, которые за посредническую услугу брали определенный процент. Но и при этом цены были все же в 2–3 раза ниже, чем в Гори и Тбилиси. Вывоз грузинами продуктов из осажденного города достиг таких масштабов, что на границе с Грузией был организован таможенный досмотр. Таким образом за несколько дней были пресечены попытки вывоза из города более 100 кг сыра, 300 кг мяса, фасоли, картофеля и даже продуктов из гуманитарной помощи. Население требовало жестоко наказывать спекулянтов, называя их «предателями родины» в условиях экономической блокады Южной Осетии со стороны Грузии.

Слухи слухами, но сведения о возможности поддержки Южной Осетии Конфедерацией горских народов Кавказа были достоверными. Это не входило ни в планы Грузии, ни в планы Москвы, поэтому операцию по блокированию Рокского тоннеля могли провести спецчасти ЗакВО, чтобы исключить возможность масштабной вооруженной помощи южанам. С появлением, как и ожидалось, в Грузии Э. Шеварднадзе заметно изменилось поведение российской стороны на территории конфликта. 25 апреля внутренние войска покинули турбазу «Осетия» и вообще Южную Осетию. Ушли ночью, тайно. Большое количество оружия, списываемого в воинских частях, передавалось грузинской стороне. Война вступила в самую кровопролитную фазу. Бандитские формирования сменились отрядами Национальной гвардии.

Поток беженцев по Зарской дороге еще больше усилился. Но после событий 20 мая движение по «Дороге жизни» замерло.

20 мая 1992 года в 11.45 в результате варварского нападения грузинских вооруженных групп на транспортную колонну на трассе Цхинвал – Зар – Дзау было совершено зверское убийство мирных граждан – беженцев: женщин, детей, стариков, направлявшихся в Северную Осетию. 33 человека были в упор расстреляны прямо в машинах. Кровавое преступление совершила, по имеющейся у следственных органов информации, грузинская диверсионная группа из села Кехви.

«С Зарской горы хлынули потоки осетинской крови на Чреба (старое название Цхинвала. – И. К.). Соседи-людоеды поголовно истребили наших усталых беженцев. Больничная площадь заалела окровавленными телами. Все уголки Чреба огласили причитания... Плачьте, родные, у осетин мертвому почет воздают слезами!» – такие были выступления, плач-хъараг, на траурном

митинге по погибшим на Зарской дороге. Он отразил состояние безмерного горя и ужаса, в котором находились люди в эти дни и на юге, и на севере Осетии.

Были убиты:

1. Лалиев Игко Падоевич – 1919.
2. Кокоев Моска Алексеевич – 1925.
3. Джioева Вардо Григорьевна – 1925.
4. Алборов Заур Васильевич – 1928.
5. Остаев Георгий Бибоевич – 1929.
6. Кумартиов Сослан Давидович – 1933.
7. Джioев Георгий Алексеевич – 1933.
8. Кочиева Назират Сарбеговна – 1936.
9. Битиев Владимир Ектиевич – 1936.
10. Гаглоев Василий Георгиевич – 1939.
11. Цебоев Георгий Харитонович – 1942.
12. Алборова-Кочиева Ирина Ильинична – 1947.
13. Джioева-Бестаева Земфира Вазноевна – 1947.
14. Качмазов Виталий Сергеевич – 1949.
15. Кабисов Виктор Димитриевич – 1949.
16. Чибилов Руслан Анатольевич – 1950.
17. Цебоева Наталья Георгиевна – 1950.
18. Гассиева Хадизат Захаровна – 1951.
19. Дзеранова Евгения Васильевна – 1951.
20. Сиукаева Земфира Викторовна – 1953.
21. Чочиев Ермак Елиозович – 1957.
22. Джioев Андрей Маликоевич – 1960.
23. Кокоева Светлана Зауровна – 1962.
24. Тедеев Маирбек Рубенович – 1962.
25. Джioев Станислав Иванович – 1962.
26. Гаглоева Ирина Гавриловна – 1963.
27. Каиров Сергей Таймуразович – 1963.
28. Кочиева Валентина Романовна – 1964.
29. Бязров Альберт Иванович – 1967.
30. Кокоев Леонид Ильич – 1971.
31. Бязырова Людмила Матвеевна – 1972.
32. Кабисов Батрадз Хазбиевич – 01.09.1981.
33. Кокоев Василий Александрович.

История № 6. Смерть на «Дороге жизни»

«Утро 20 мая ничего из ряда вон выходящего не предвещало. Обычная для блокадного города картина: мгновенно раскупающийся хлеб в магазинах, парни с оружием, беженцы в ожидании любого транспорта. Серое, ветреное, ничем не примечательное утро. И только говорят, что накануне плакала икона Богородицы в храме... Бесаева Арина Тенгизовна, 23 года:

– Погрузились в кузов грузовой машины, крытый брезентом. Нас было много, сорок, может быть, пятьдесят человек. Ехали стоя, поскольку сесть было невозможно из-за тесноты. Чуть дальше села Зар машина остановилась, и мы ждали, пока рассосется пробка. Поехали. Стали подниматься все выше в гору. Был туман, сквозь брезент, конечно, ничего не было видно, да и в голову бы никому не пришло выглядывать, нет ли на дороге грузинских боевиков. Все ведь до этого дня были уверены, что это наша дорога и она совершенно безопасна. Автоматные очереди ударили одновременно с двух сторон и, кажется, спереди тоже. Я подумала, что раз машина стоит, значит, водитель, наверное, убит. Прежде чем я успела это сообразить, на меня начали падать окровавленные люди. Никто не кричал, просто не успевали. В какое-то мгновение я подумала, что я, наверное, уже мертва, и не могла вспомнить, куда я ранена. Лежала под трупами и соображала. По звукам стрельбы я определила, что стрелявших было много, наверное, больше 20 человек. Обстрел продолжался минут десять, затем сразу стало очень тихо. Где-то слева плакала девочка, женский голос приглушенно умолял ее замолчать. Снаружи сильный мужской голос крикнул по-грузински: „А ну выходите!“ – и пустил еще одну очередь по машине. Затем кто-то крикнул: „Быстрее, уходим!“ – и я услышала звуки быстро удалявшихся шагов. Под трупами завозились раненые. Мы стали потихоньку выползать из машины. Я увидела мужчину, убежавшего в сторону от грузовика. Он был в сапогах, с автоматом на плече, из-под камуфлированной куртки был виден белый свитер. Плиева Марина Борисовна, Наниева Любовь Владимировна:

– Парень, который вытаскивал нас из-под трупов, был совершенно цел, даже не поцарапан, это просто чудо какое-то. Он вытащил своего младшего брата, помог спуститься нам, и мы быстро пошли, вернее, побежали прочь от страшной машины. Страх подгонял нас, мы не чувствовали своих ран. А с грузовика еще спустился, почти вывалился мужчина. Невозможно было разглядеть, куда он ранен, он был весь в крови. Сделал шаг, сразу упал и больше не поднимался. Мы пробежали мимо простреленного „Виллиса“, к которому привалился совсем молодой парень, раненный в живот. Он крикнул нам, чтобы мы прислали кого-нибудь на помощь, потому что в машине были еще живые. Видимо, на этот крик он потратил все оставшиеся силы и упал ничком. Господи, кажется, в машине плакал ребенок!

Гаглоев Емзар Иосифович, 21 год:

– Я увидел их за несколько секунд до начала стрельбы. В камуфляже, с автоматами наперевес. Конечно, я решил, что это наши, раз они стояли так открыто. Первая очередь ударила по нашему „Виллису“ спереди. Ира погибла мгновенно. Я успел кинуть Астемирчика на пол, и в ту же секунду несколько автоматов прошили машину с боков. Мои раны – в живот и плечо – не были смертельны. Я держал ребенка, прижимая его всем телом к полу. Астик не плакал, а кричал, заглушая стрельбу, что ему холодно, что ужасно мерзнут ноги, что он хочет к маме и еще всякую чепуху. У меня не было сил зажать ему рот, и пока он кричал, автоматы били и били в машину. Вдруг Астемир замолчал, сразу стихла стрельба, я потерял сознание. Очнулся от того, что ребенок теребил меня за волосы и что-то говорил. Из его бормотания я понял, что он согрелся, что ноги теперь совсем теплые и что мама, наверное, умерла. А сквозь штанишки сочилась и текла по ножкам теплая кровь. Пока я пытался выбраться из машины, он ползал по окровавленным пассажирам, слушал их хрипы, прикладывая ухо, и время от времени сообщал мне: дядя Жора жив, он дышит, а дядя Вася уже умер. Несколько раз попросил меня не умирать, не оставлять его одного.

Наконец я вывалился из машины и, цепляясь за двери, привстал. Надо было доползти до „бардачка“ – кажется, дядя что-то говорил о гранате, которую прихватил с собой. Я добирался туда целую тысячу лет, несколько раз теряя сознание.

Придя в себя, я услышал шум подъезжавшей машины, она ехала со стороны Джавы, я поднял руку, крикнул: „Помогите!“ Машина остановилась, сидевшие в ней двое мужчин переговаривались по-осетински и нерешительно поглядывали на меня. Астик плакал. Я показывал рукой на „Виллис“ и объяснял, что там есть живые, что их надо спасти. Наверное, я все же был очень похож на труп, потому что тут произошло нечто совершенно непонятное: машина развернулась и быстро уехала обратно в сторону Джавы. Я смотрел ей вслед, и цифры номера прыгали у меня в глазах. Серая „Волга“ старого образца. Лучше бы я умер. В следующий раз я очнулся от шума БТРа и испугался, что грузины вернулись. Ребята подбежали ко мне, подняли на руки и понесли. Родные лица, родная осетинская речь. С чувством безопасности пришли безразличие, усталость и отвращение. Я думал о том, что больше не хочу жить» («Вестник Южной Осетии», № 7, 1992 г.).

* * *

10 июня 1992 года А. Галазов и С. Хетагуров встретились в Казбеги с Э. Шеварднадзе и Т. Китовани, ставшим его министром обороны. А. Галазов связывал с Шеварднадзе определенные надежды по «разрешению конфликта», как теперь принято было называть войну. Расстрел беженцев 20 мая

Э. Шеварднадзе расценил как «войну против собственного народа, желание во что бы то ни стало развязать массовое кровопролитие, чтобы на гребне хаоса и анархии утвердить антинародный фашистский режим». В заявлении от имени Госсовета его председатель утверждал, что он не приемлет чуждый грузинскому народу фашизм, что грузинский народ смочет со своего имени это черное пятно. Немногим позже, выступая на многотысячном митинге в г. Гори, Э. Шеварднадзе признал, что «Грузия была не права в отношении осетин», и от имени всего грузинского народа попросил прощения у осетин за пролитую кровь и причиненные страдания. Среди прочих решений, принятых на встрече в Казбеги, было и решение о том, чтобы «разработать комплекс мер по возвращению беженцев в места постоянного проживания до наступления холодов».

В тот же день, во время переговоров с грузинской стороной, во Владикавказе было совершено нападение на воинские склады в с. Михайловском, захвачены 12 самоходных орудий на вокзале г. Владикавказа. В это же время беженцами было совершено нападение на военный городок с целью захвата жилого дома, предназначенного для военнослужащих. Был арестован председатель Совмина Южной Осетии О. Тезиев, в багажнике машины которого было найдено несколько автоматов и боеприпасы с разграбленного воинского склада. Он, правда, был освобожден в тот же день. После событий 10 июня ситуация в Южной Осетии стала еще больше накаляться. В войне открыто принимали участие добровольцы из Северной Осетии во главе с Бибо Дзущевым. Формировались новые отряды добровольцев, которые требовали у властей оружие. Общественное напряжение в Северной Осетии с каждым днем нарастало и, учитывая ингушский фактор, грозило перерасти в борьбу осетинского народа на два фронта.

В середине июня А. Галазов попросил Б. Ельцина лично принять участие в разрешении югоосетинской проблемы. Ельцин назначил встречу в Дагомысе на 24 июня. Соглашение, подписанное Ельциным и Шеварднадзе и завизированное Кулумбековым и Галазовым, сейчас называют Дагомысским. На самом деле оно было подписано в Сочи, в резиденции Ельцина. Дагомыс был отменен из-за информации о возможном теракте. Подписанным «Соглашением о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» предусматривалось создание Смешанной контрольной комиссии. Стороны договорились приступить к переговорам по экономическому восстановлению районов, находящихся в зоне конфликта, и созданию условий для возвращения беженцев. 14 июля 1992 года в Южную Осетию вошли миротворческие силы.

Кровопролитие было остановлено. И хотя будущее оставалось абсолютно неясным, жить в Южной Осетии уже было можно, и беженцы постепенно стали возвращаться. Миграционным службам на Севере и на Юге предстояло определить, кто уедет домой, а кто останется навсегда, и учитывать, что в перспективе беженцы из Грузии станут гражданами Северной Осетии.

Подводились итоги войны, существенно изменившей демографическую картину в Южной Осетии и в Грузии. По данным переписи населения СССР 1989 года, в Грузии проживало 164 тысячи осетин. Из них в Южной Осетии – 65,2 тысячи, остальные 98,8 тысячи осетин проживали во внутренних районах Грузии. Уже к 1993 году эта последняя цифра уменьшилась почти вдвое – до 45 700 человек, а к 2002 году осетин в Грузии осталось 38 тысяч.

Таким образом, 61,5 % осетинского населения собственно Грузии были изгнаны. В последующем очень многие из оставшихся также вынуждены были уезжать за ее пределы.

Больше всего осетин проживало в Тбилиси – 33 138 человек, количество которых к 1993 году сократилось до 16 тысяч человек, то есть было изгнано 52 %, и в Гори – 8222, к 1993 году их стало 2800 человек – 66 %.

В Карельском районе в 1989 году проживали 7802 осетина. На 1993 год их осталось только 1200 человек, то есть всего 18 %.

К сожалению, мы не располагаем данными о количестве изгнанных из Горийского района. Этот район, как и Карельский, «лидирует» по масштабам наиболее жестоких убийств осетин. В начале конфликта осетины проживали в 97 селах Горийского района. Точные сведения о количестве изгнанных осетин по каждому селу собрать не удалось, но считаем, что имеющиеся данные по некоторым селам достаточно ясно отражают картину тех дней. Для большего удобства мы сгруппировали села по сельсоветам – тогдашним местным администрациям:

1. Бошурский с/с: села Ипнара, Тхинала, Габтиантубани – изгнаны все 38 семей (119 чел.). Села Ормоци и Гаантианиубани – 25 семей (54 чел.).

2. Сакаврийский с/с: села Сакаври, Цителцкаро, Пицеси, Дидтави, Лули, Земо Ахалсопели, Надарбазеви, Гулхандиси, Пели – 166 семей (526 чел.). Все села полностью опустели.

3. Мгебрианский с/с: села Мгебриани, Сахорце, Тами, Окнени, Оди, Патара Чареби, Борцвана, Титнари, Чангаха, Диди Цери – 63 семьи (194 чел.).

4. Квахврельский с/с: села Авлеви, Велети, Урнеули – 38 семей (140 чел.).

5. Скрийский с/с: село Кокеби – 80 семей (180 чел.).

6. Атенский с/с: села Ведрети, Дре, Хандиси, Икнеби – 25 семей (90 чел.).

7. Зегдулетский с/с: село Зегдулет – 13 семей (64 чел.).

Всего только из приведенных 33 сел изгнаны 1248 человек.

Ниже приводятся данные по Боржомскому, Карельскому и Тетрицкаройскому районам, в которых произведен подсчет количества

изгнанных семей. Гуджаретское ущелье, населенное исключительно осетинами, жившими в девяти больших селах, опустело полностью.

Район	Количество изгнанных
Всего: Боржомский район	564 семьи / 2451 чел.
г. Боржоми	41 семья / 203 чел.
п. Бакуриани	205 семей / 992 чел.
Гуджаретское ущелье	225 семей / 820 чел.
с. Митарби	102 семьи / 460 чел.
Всего: Карельский район и Карели	1977 семей
г. Карели	200 семей
п. Агара	177 семей
Тетрицарский район	882 семьи

В отличие от Гуджаретского ущелья, опустевшего в один день, Боржоми и Бакуриани жители покидали постепенно, в зависимости от интенсивности притеснений. Иногда только после потери членов семьи.

Джигкаева-Мамиева Кето из Бакуриани, живет в Заводском поселке во Владикавказе: «Я не хотела бежать. Жили мы с сыном очень тихо, никому не мешали, я думала, бандиты не вспомнят о моей семье. Одна дочь была замужем за грузином в Западной Грузии, вторая – за осетином, жила в Ахалцихе. 16 мая 1991 года я поехала вместе с сыном к дочери в Ахалцихе и осталась на месяц, вроде там было спокойней. Пришли как-то грузины и сказали: к вам приходят осетины, собирают оружие и отправляют в Цхинвал! Они посчитали, что четыре осетина вместе – это уже антигрузинское собрание. Дочери и зятя, Анзора, тогда не было дома. Нас избили, особенно моего мальчика, отняли все, что было ценного. Сына забрали с собой и пошли искать Анзора. В этот момент пришли мои внуки из садика, и я задержалась с ними, пока искала соседку, чтобы поручить ей детей, потом побежала босиком за отъехавшей машиной. Они приехали к дому сестры Анзора, вывели его оттуда. Их обоих, Анзора и моего сына Давида, посадили в машину и увезли в лес. Я не знала, что делать, куда бежать, и позвонила в милицию, у кого мне было просить помощи? Пропали мои дети. Их расстреляли. Ночью сына бросили в реку, а зятя повесили мертвого.

Анзора мы нашли сами, а сына нашел рыбак-грузин через две недели. После похорон мы с дочерью уехали в Северную Осетию, жили в гостинице „Дарьял“, потом в общежитии и, наконец, получили домик в Заводском. Хочу забрать теперь и вторую дочь с детьми из Западной Грузии. Муж у нее умер. Кто их защитит, если что? Кто их знает, этих грузин?!»

Разделение беженцев по районам Грузии, из которых они прибыли в Северную Осетию, к сожалению, было сделано Миграционной службой РСО – Алания только в 1997 году, когда картина уже не соответствовала первоначальному положению: многие беженцы смогли приобрести жилье, получили гражданство. Тем не менее можно сделать вывод о том, какой район являлся наиболее неблагоприятным для проживания там осетин в тот период.

Справка Миграционной службы Северной Осетии о количестве беженцев из внутренних районов Грузии, Южной Осетии и Абхазии, зарегистрированных на 01.05.1997

№	Наименование района и населенного пункта	Кол-во человек	Кол-во семей
1	г. Тбилиси	7291	2545
2	Горийский район, г. Гори	5830	1734
3	Карельский район, г. Карели	4515	1407
4	Боржомский район, г. Боржоми	1582	522
5	г. Рустави	1579	477
6	Ахметский район, г. Ахмета	1458	428
7	Лагодехский район, г. Лагодехи	1136	372
8	Каспский район, г. Каспи	1053	332
9	Хашурский район, г. Хашури	1025	308
10	Тетрицарский район	475	154
11	Мцхетский район, г. Мцхета	413	126
12	Дшветский район, г. Дшвети	309	91
13	Гардабанский район	282	84
14	Кварельский район, г. Кварели	271	80

№	Наименование района и населенного пункта	Кол-во человек	Кол-во семей
15	Телавский район, г. Телави	219	68
16	Болнисский район, г. Болниси	211	64
17	Гуджаанский район, г. Гуджаани	188	64
18	Цителцарский район	167	45
19	г. Кутаиси	94	34
20	Ахалцхский район, г. Ахалцхе	30	9
21	Марнеульский район, г. Марнеули	16	7
22	Казбегский район	13	4
23	г. Поти	9	4
24	г. Батуми	5	3
25	Зugdидский район, г. Зугдиди	2	1
Итого по внутренним районам Грузии		28 176	9082
Абхазия		236	93
Южная Осетия		914	335

Из таблицы видно, что лидирует по количеству изгнанных осетин столица «демократической» Грузии – Тбилиси. Затем следуют Горийский и Карельский районы. Конечно, учет осложняется тем, что огромное количество беженцев самостоятельно распределялись по родственникам как в Северной Осетии, так и в Южной.

Всего в Южной Осетии в период 1991–1992 годов зарегистрировались более 15 000 беженцев и вынужденных переселенцев, покинувших места прежнего проживания в результате грузино-осетинского конфликта. Из них 10 148 человек прибыли из районов Южной Осетии, остальные же являются беженцами из внутренних районов Грузии.

Кроме того, по данным Южной Осетии, более 35 тысяч жителей сел Южной Осетии выехали в период боевых действий в РСО – Аланию, Россию. Однако далеко не всех ставили на учет: существовала даже негласная договоренность югоосетинского руководства с правительством Северной Осетии не регистрировать беженцев из Южной Осетии. Это объяснялось опасениями, что беженцы закрепятся в Северной Осетии надолго, и, кроме того, власти, конечно, рассчитывали на то, что смогут в короткое время отстроить с помощью советского руководства разрушенные и сожженные дома, покинутые жителями.

В Южной Осетии также менялась демографическая ситуация. С установлением мира миграция не прекратилась, просто покидавшие республику теперь были не беженцами, а мигрантами. Что касается беженцев, они тоже, естественно, старались как-то устроиться. Многие из них смогли приобрести жилье в городе, искали работу, пробовали заняться челночной торговлей, что стало самой популярной стратегией выживания в послевоенных условиях. Югоосетинские села в прошлом со смешанным населением теперь стали чисто грузинскими, собственно, они и образовали так называемый «анклав».

В смысле стабильности уровня населения Южная Осетия никогда не была особенно благополучной. Отток трудоспособного населения в поисках лучшей жизни наблюдался здесь и до войны. Тогда эта беспорядочная миграция никого

не волновала, но с введением в обиход таких понятий, как «таможня», «граница» и т. д., количество передвижений возросло и приобрело односторонний характер. По официальным данным, в 1990–1993 годах из республики официально выписались 5349 человек. Тех же, кто уезжал, не выписавшись, но с намерением наладить жизнь в другом месте, было гораздо больше. Процент именно таких неучтенных мигрантов, выехавших в суматохе войны и где-то потом устроившихся, наиболее высок.

«Считалось предательством покидать Южную Осетию во время боевых действий. Казалось, главное – пережить войну, а там мы отстроимся, постепенно вернемся к мирной жизни и, может, даже начнем процветать. Но когда кончились бои, все оказалось не так просто, и, переждав напряженную полосу затишья, люди оказались перед вопросом: как быть дальше? Жизнь на некоторое время как бы потеряла смысл, который во время боев заключался в том, чтобы защищать родину. И вот этой самой родине уже оказались не нужны умеющие стрелять руки. Разбитой родине нужны были строители, готовые работать так же бескорыстно, как и жертвовать жизнью, поскольку платить было нечем, кроме как пустыми гильзами да неистребимым запахом дыма пожарищ.

Вынужденный мигрант, отказавшийся получить статус беженца, Р. А., педагог, выехал с семьей в Россию: „Страшно не хотелось уезжать. Сначала я думал: поеду, подзаработаю и вернусь. Но шла война, двое моих малышей уже кашляли от долгого пребывания в подвале, деньги давно кончились и негде было взять. Школа, в которой я работал, осталась в грузинской зоне, в городе для меня работы не нашлось. Оружия у меня не было, да и если бы даже было, моя сильная близорукость делала меня бесполезным на этой войне. Я уехал в Россию, в провинцию, устроился неплохо – здесь нехватка педагогических кадров, квартиру обещают. Когда еще я вернусь домой, да и вернусь ли?“

В наиболее неблагоприятный первый послевоенный год в Южной Осетии наблюдалась сильная утечка кадров – медицинских, специалистов разного профиля и т. д. Вот официальные данные Комитета по социальной защите правительства РЮО: в июне 1993 года, через год после окончания войны, в республике насчитывалось 6 тысяч безработных, кроме того, 4 тысячи человек фактически не работали, хотя трудовых соглашений не расторгли и числились рабочими неработающих предприятий. Еще 9 тысяч – на полном государственном обеспечении, это беженцы» (Газета «Ард», № 3, июнь, 1993 г.).

Рост уровня миграции объяснялся не только безработицей и экономическими проблемами. Неопределенность политического будущего Южной Осетии, отсутствие перспектив, специфический послевоенный рост преступности – вот сильнейшие факторы, побуждающие людей уезжать.

Имеющиеся законы не гарантировали безопасность бизнеса, поскольку не выполнялись. Оставшееся на руках у вчерашних защитников республики большое количество личного, нигде не учтенного оружия в условиях безработицы и слабости властей неизбежно приводило к вооруженным «разборкам». Часть молодых людей и отцов семейств уезжали в Северную Осетию, в другие российские регионы – на заработки. Большое количество семей оказались временно неполными.

Неожиданно в сентябре 1993 года война напомнила о себе страшным событием: рядом с селом Ередви была обнаружена братская могила 12 осетин, взятых в заложники грузинскими бандитами в марте 1991 года и похороненных заживо.

История № 7. Пропавшие без вести

Тедеева Зарина Викторовна, председатель благотворительного фонда «Память» Комитета семей погибших, без вести пропавших и раненых: «Прапорщик Ушанг Гиголаев, служивший в саперной части в Цхинвале, 18 марта 1991 года нанял военный „Урал“, собираясь в Черу проведать родителей. К нему собрались попутчики, сели в машину. Гиголаев, двое русских военнослужащих и шофер были вооружены. Машина направилась мимо Ередви через Ксуис в Черу. В Ередви стоял грузинский пикет, но их не остановили. В Дменисе и Сатикаре с машины сошли тамошние жители. Те, кто собирался поехать обратно в город, должны были ждать машину после ее возвращения из Черы. У села Дменис стояло много народу, велись тревожные разговоры о том, что происходило в эти два дня. „Разве можно сейчас ехать через Ередви!“ – говорили люди пассажирам. Накануне четверо грузин, ехавших на бензовозе, были убиты, причем они были сожжены, в том числе некий Миндиашвили Мераб по кличке Виро (по грузински – „ишак“. – И. К.), отличавшийся особой жестокостью и зверствами: это он добил учителя Дмитрия Кочиева, которого, избитого, с переломом позвоночника, „скорая“ везла из Курта. Он застрелил его прямо в машине, а его 15-летнего сына, ехавшего с отцом в больницу, заставил глотать осколки выбитого стекла. Бандиты рвались отомстить за своего Виро, ехать было опасно. Но мужчины вернулись в машину, боясь показаться трусами. В машине было 25 человек. У села Ередви, там, где есть переход через мост в сторону с. Берула, поперек дороги стоял трактор. Машина не успела отъехать назад, к ней подскочили грузинские бандиты, сорвали тент, ворвались в кузов и, избивая железными прутьями всех подряд, скинули их на землю. Ивану Догузову, который крикнул русским: „Стреляйте! Стреляйте!“, нанесли смертельный удар, он скончался сразу. Через некоторое время женщин с детьми зашвырнули обратно в кузов и отпустили машину. Оставшихся мужчин продолжали избивать. Машина приехала на турбазу, где стояли внутренние войска. Спасшиеся женщины в истерике требовали помощи задержанным

мужчинам, но военные отказались что-либо предпринимать. Из мужчин спаслись водитель, двое русских и Гиголаев, сидевшие в кабине. Они даже не пытались стрелять. Никаких срочных мер по спасению задержанных не было принято. Лишь программа „Время“ вечером того же дня сообщила, что в Ередви были задержаны 12 осетин и уведены в неизвестном направлении. В сообщениях об этом случае подчеркивалось, что люди были задержаны в рейсовом автобусе – чтобы отвести недовольство от военных, которые не приняли мер по недопущению расправы над людьми. Пленных возили по грузинским селам и кричали: „Эй, кто хочет осетинской крови?“ Но люди закрывали двери и окна. В Мегврекиси их отвезли в штаб, потом вернули обратно и повезли к отцу того самого Виро, но он не захотел принимать участия в убийстве, сказав, что не знает, кто убил его сына. И тогда их отвезли обратно в Ередви, сбросили в яму, засыпали ее и разровняли трактором. На второй день, 19 марта, скончался от инфаркта Дмитрий Гагиев, отец братьев Гиви и Таймураза, попавших к грузинам в числе тех двенадцати. Родственники вели поиски, как могли, находили пути для розысков по тюрьмам всей Грузии, получив информацию, что в числе бандитов были бывшие уголовники. Поиски вела и следственная группа прокуратуры СССР. Захоронение нашли 26 сентября 1993 года. В первый день были найдены останки пяти человек. Место другого общего захоронения было указано грузином, жителем Ередви, который издали наблюдал за происходящим. Когда останки уже увозили, он незаметно быстро спустился вниз и обозначил место общей могилы камнями. Там и были найдены останки других семи человек 28 сентября. У всех убитых были сломаны ребра, у некоторых – позвоночники, тела были полуобожжены, там же в яме нашли оплавившуюся канистру из-под бензина. Руки и ноги убитых были связаны проволокой».

Список погибших:

1. Джанаев Ибрагим Абдулович – 1965.
2. Гобозов Омар Давидович – 1958.
3. Техов Махар Мелитонович – 1965.
4. Техов Чермен Каргоевич – 1972.
5. Техов Адам Виссарионович – 1924.
6. Гиголаев Мурат Захарович – 1965.
7. Гиголаев Ибрагим Кузьмич – 1964.
8. Гиголаев Альберт Согратович – 1963.
9. Гагиев Гиви Дмитриевич – 1968.
10. Гагиев Таймураз Дмитриевич – 1957.
11. Догузов Важа Георгиевич – 1952.
12. Догузов Иван Михайлович – 1958.

Причастность осетин к убийству группы головореза Виро так и не была доказана. Но ередвские заложники были не единственными жертвами мести за его смерть. Помимо особо жестоких убийств, о которых мы уже говорили, в ходу у грузинских бандитов были не присущие христианам ритуальные убийства, принесение осетин в жертву на могилах убитых грузин. В годовщину смерти Мераба Миндиашвили, того самого Виро, 14 марта 1992 года, грузины захватили Багаева Зураба Петровича, 1970 года рождения, жителя села Хает Дзауского района. Это село во время землетрясения 29 апреля 1992 года полностью исчезло под огромным оползнем. Зураб Багаев – один из двух спасшихся жителей села, он был в Цхинвале в это время. 14 марта он шел к своим родственникам, проживающим близ Красной Церкви в Цхинвале, расположенной недалеко от въезда в с. Тамарашени. В ночной мгле его захватила группа грузин из Тамарашени. Есть сведения, что Зураб Багаев был ритуально убит на могиле Виро.

Маргиев Саркис Чагаевич, житель села Меджврисхеви, был также ритуально убит на кладбище в с. Бершует на могилах грузин, погибших во время нападения на с. Цинагар.

* * *

По мере того как налаживалась жизнь в Южной Осетии, беженцы, чьи дома сохранились, стали возвращаться. Пройдя самые страшные испытания, они научились выживать в любых условиях. В настоящее время на учете в Министерстве по особым делам РЮО, занимающемся вопросами беженцев, состоят 4,5 тысячи беженцев и вынужденных переселенцев. В шести коллективных центрах проживания беженцев в Цхинвале – в бывшем СПТУ-131, турбазе «Осетия», общежитиях учебных заведений – находится 210 семей, это 560 человек.

В Северной Осетии на сегодняшний день на учете в Управлении по делам миграции осталось 306 беженцев из Южной Осетии.

Остальные, согласно закону РФ о беженцах, приобретая гражданство и получая паспорт, снимаются с учета и относятся уже к категории вынужденно перемещенных лиц (ВПЛ). Оставшиеся 306 – это категория людей, возможно, одиноких, слабых, не сумевших найти выход из положения, из тех, которые не рассчитывают на собственные силы и продолжают ждать помощи от государства. Возможно, им некуда вернуться, а может быть, они уже сделали выбор, где им жить дальше.

Что касается беженцев из внутренних районов Грузии, проблема их возвращения не обуславливалась их желанием или нежеланием. Огромное количество факторов препятствовало стремлению этих людей вернуться на родину. Прежде всего, никто не гарантировал им теплый прием, ведь их изгнал не Звиад Гамсахурдиа лично, разделивший с ними теперь участь беженца, а соседи-грузины. Как жить с ними дальше рядом? Защитит ли их от новых

погромов и резни грузинское государство? Во-вторых, вернуться, собственно, было некуда – большая часть домов или квартир были уже заняты грузинскими семьями, получившими право оформлять это жилье как собственное. У многих жилья больше не было физически – их дома сожгли или разрушили, растащив по частям. В-третьих, это была другая Грузия, не та, советская, в которой они жили раньше. Нищета, безработица, отсутствие элементарных человеческих условий и социальных прав – таков был портрет новой Грузии, где такой категории людей, как вернувшиеся беженцы, начинать жизнь с нуля было бессмысленно. Как бы сильно ни тянуло их домой, они не могли вернуться. «Там же враги!» – так отвечали все, кому мы задали вопрос: «Вернетесь ли вы, если вам создадут все условия?» Проводить специальный социологический опрос даже не было необходимости. Эти люди потеряли свою родину.

История № 8. Трудная дорога к дому

Мирзабек Хубаев, 45 лет, из Гуджаретского ущелья, живет во Владикавказе. Подчеркнул, что не беженец: «Иногда я думаю, когда я перестану ездить туда? Когда люди перестают ходить на кладбище? – когда привыкают к потере, когда обретают новых близких или покой и счастье с теми, кто остался рядом. Когда моя родина станет для меня лишь кладбищем очень далеких предков, могилы которых могут не вызывать боль своей неухоженностью и стертými именами? Когда будет трудно вспомнить, кто лежит под этим камнем? А если и вспомнишь, не защежит сердце, не навернутся слезы, и ты прикоснешься к теплomu камню спокойно, как положил бы цветы на могилу неизвестного солдата чужой страны.

Я лишился права открыто приезжать на свою родину, в село Цинубан Гуджаретского ущелья Боржомского района, с апреля 1991 года. К тому времени уже определенно было ясно, что надо уезжать: все чаще стали подниматься сюда, наверх, грузины – хозяева страны, для которой внезапно мы все вместе стали никем, инородным телом на этой земле, куда неизвестно зачем и неведомо когда предки моих предков переселились жить, держать скот и молиться дзуарам, которых здесь довольно много. Что стало теперь с нашими дзуарами, мимо которых редко кто прошел бы без поклона и трепетного „Табу!“?

В тот день в апреле 1991 года прибывших грузинских „патриотов“ было особенно много. Они приехали на грузовиках и „уазиках“, изложили свое требование – три дня на выметание с грузинской земли и теперь ждали истечения срока ультиматума. Они развлекались, постреливали из автоматов, хохотали над разбегавшимся от страха скотом, отбирали себе и грузили в машины все, что понравится: постели из чистой шерсти, сыр, топленое масло в кадках, скот и живность. „Хозяева“ куражились, пьянея от безнаказанности.

Первыми, не раздумывая и не прихватив с собой ничего, кроме какой-то

одежды, снялись с места и ушли пешком на юг к армянской границе семьи, в которых были маленькие дети и особенно девочки-подростки – их переодевали в мужскую одежду и прятали как могли. Остальные метались между деревьями, судорожно пытаясь раздобыть машину, чтобы спасти хоть что-нибудь и не уходить с пустыми руками куда-то в неизвестность, где нас никто не ждал.

Младшая моя сестра уже с прошлого года была в Северной Осетии, собираясь поступить в техникум на учебу. Средняя сестра жила со своей семьей в Цхинвале, где шла война, и о судьбе ее ничего не было известно. Но мой брат, инвалид с детства, без костылей передвигаться не мог. И речи не могло быть о том, чтобы моя семья ушла пешком. Мы с отцом добрались до Цагвери, где у нас были грузинские родственники наших родственников, пытались договориться оставить у них какой-нибудь домашний скарб и достать машину за какие угодно деньги. Скота у нас было много, пожалуй, больше всех в селе, и мы пытались пристроить его где-нибудь на время.

Тем временем дома, не дожидаясь погрома, мать взяла сверток с деньгами и через задний двор убежала в сторону леса, где лежал грязный раскисший снег и в небольшом овраге по оголившейся земле уже ползла крапива. Мать упала в овраг, в крапиву, и лежала, ни жива ни мертва, замирая при автоматных очередях, бивших в сторону леса, – грузины заметили убегавшую женщину, но преследовать не стали, а только с хохотом постреляли в спину. Брат остался в доме один, беспомощный и спокойный, готовый к любому решению.

„Встань!“ – крикнул один из „хозяев“, но, увидев костыли, осекся и, обернувшись, выпустил, кажется, весь магазин в большой календарь с изображением Уастырджи и портрет Коста, висевшие на стене. Мать пролежала в крапиве еще некоторое время, но, услышав выстрелы в доме, бросила свой сверток и, спотыкаясь, бежала к сыну, не слыша соседку, кричавшую ей, что грузины ушли. На следующий день в Гуджаретском ущелье не было уже ни одного жителя.

В первый раз я вернулся сюда в тот же год, когда еще шла война в Южной Осетии. Я пришел пешком, добравшись на машине лишь до середины пути. У меня были с собой шерстяное одеяло, хлеб и консервы. Никакого плана действий у меня не было, я просто хотел домой. Сойдя с автобуса, я пересек армянскую границу, на попутках добрался до озера Табацкури и пошел оттуда пешком в сторону Гуджарети. Шел я долго и по мере приближения отходил от дороги все дальше, поднимаясь выше в лес. У меня не было оружия, кроме небольшого охотничьего ножа, который вряд ли понадобился бы мне при самозащите, но в лесу сгодился. Вечером я уже видел свой дом сверху, из леса. В сумерках крыша казалась целой, и я понадеялся, что моя двустволка, спрятанная на чердаке, может быть, еще цела. Где-то лаяли псы и блеяли овцы, где-то мычали коровы и покрикивали пастухи. Скоро наступила кромешная гуджаретская ночь, и все звуки затихли. Я осторожно, ощупью по знакомой тропке спустился вниз и перешагнул через сорванную с петель калитку,

валявшуюся на земле. Большая тень длинными прыжками бросилась в мою сторону. Я схватился за нож, но уже в следующую секунду узнал свою собаку – старый Цеба был жив и жил в доме все это время. Он визжал и прыгал вокруг меня, истревав на мне от радости всю одежду. Я положил ему свой хлеб и пошел осматривать дом.

Двустволки на чердаке не было, не было, собственно, и чердака – крыша была почти полностью разобрана и держалась просто чудом на нескольких балках, стекла во всем доме были сняты, а наверху, на втором этаже, были даже вынуты рамы, которые я стругал и ставил собственными руками. Исчезла мебель, люстра была выдрана из потолка.

Я вспомнил, что проголодался, и спустился в подвал. Здесь были все полки сняты, вообще все деревянное куда-то делось. Я подобрал с пола несколько уцелевших банок с вареньем и поднялся в дом спать. Все это время я не позволял себе думать, что веду себя странно, и внушал себе мысль, что я дома, что это стены, в которых я вырос и жил в тепле и уюте. А все, что здесь произошло, было в какой-то другой жизни и меня не касается. Я выпил воды из крана, с которого был сорван вентиль. Вода затопила двор, образовав небольшие озера. Никаких постельных принадлежностей я не нашел и, постелив кое-что из оставшейся одежды, лег на пол. Собака легла рядом, положив морду мне на колени. Проснулся я от шума стада, которое прогнали вверх по дороге два человека, по всей видимости, отец и сын. Я выждал момент, когда собака убежала к стаду, в котором я узнал нашу корову, и ушел через задний двор, прячась, пробираясь к лесу. Я забрался в густой лес, непроходимый для скота, в Кердзен, куда ходили охотники на медведя. Здесь я закопал в ямку свои банки с вареньем, еще плохо понимая, что делаю, и ушел к мелкой речушке, стекавшей вниз, ловить рыбу. Форели было так много, что я просто хватал ее руками, как в детстве, потом развел в чаще костер и позавтракал, как простой гуджаретский охотник, вспоминая свои мечты об этом завтраке там, во Владикавказе.

Так я прожил здесь десять дней – днем спал или скитался по лесу, собирая ягоды и лесные груши, удирал от медведя, ловил рыбу, ночью спускался в село, до которого было километров восемь, и бродил по дворам со своей собакой. Однажды утром, поднимаясь в свое убежище, я шел параллельно со стадом, которое гнали вверх на пастбище. Пастух был мальчик с одной собакой, стадо было большое, и оно разбежалось, рассыпавшись по склону. Я не выдержал искушения, прыгнул, схватил овечку, отставшую от стада, за задние ноги и, согнув ей шею, уволок в кусты. Пока я ее резал и свеживал, пастушок со стадом удалились достаточно далеко. Я промыл мясо в ручье, настругал веток и пожарил шашлык.

Кажется, я мог бы прожить здесь еще несколько лет, если бы все время было лето и не было необходимости прятаться. Но, уезжая, я никому, кроме младшей сестры, ничего не сказал. И потом я уже знал, что вернусь сюда еще раз. В последний раз я спустился в свой дом, положил мясо и оставшиеся

сухари собаке и, поклонившись Лагты Дзуару – покровителю мужчин, ушел пешком к Табацкури и оттуда уже открыто – к армянской границе.

Приехав в пансионат „Редант“, где теперь жили мои родители и брат, я положил на стол пакет с форелью. Мать молчала и полными слез глазами смотрела на мои ноги – по цвету засохшей глины на ботинках она поняла, что я был дома. „Ты не привез немного земли?“ – спросила она. „Нет, – сказал я, – везти немного было бессмысленно, а скрыть все Гуджаретское ущелье мне не удалось“.

С тех пор я езжу туда каждый год. Собаки своей я уже не нашел, а в селе появились какие-то постоянные жители, поселившиеся в уцелевших домах. Иногда я брал с собой кого-нибудь из друзей или двоюродных братьев, но больше ездил один. Однажды даже через Тбилиси – Боржоми и оттуда на электричке до Бакуриани, шарахаясь от людей и изображая глухонемого – грузинского я не знал совсем, ну просто совершенно ни слова.

Мой бывший сосед, беженец Хазби Джигкаев, решил по моему примеру навестить свой дом в Цинубане. Он приехал по моему маршруту через армянскую границу, добрался до села и, увидев развалины своего разобранного по частям дома, повернул, не останавливаясь, обратно. Сил хватило лишь на то, чтобы добраться до „Реданта“ – он умер, поднимаясь по лестнице.

В этом году я взял с собой свою младшую сестру Ульяну с мужем и ребенком. Мы приехали туда уже открыто, на машине с грузинским номером. Полусгнившая дверь дома была привязана веревкой к скобе. Ножа у меня не было, я прожег веревку зажигалкой и толкнул дверь. Зажигалка упала в навоз. В доме, от которого остался лишь первый этаж, ставший хлевом для скота, были целы еще обрывки наших старых обоев на стенах. Ржавый кран во дворе заглох. В потрясающей грязи среди навоза к двум старым сливовым деревьям был привязан гамак. Где-то дымил костер. В селе теперь жили люди – в зданиях школы и магазина, которые сохранились лучше. Мы поднялись на кладбище, прибрали, как могли, заброшенные могилы. Одного надгробия не было. Несколько человек из села ходили за нами по пятам, все время стояли рядом, без конца здоровались и что-то спрашивали. Мы ничего им не отвечали. Наконец, по размытой, куда-то исчезнувшей дороге мы поднялись в Лагты Дзуар. Прибрали там и достали свечи. Я стал искать зажигалку и вспомнил, что уронил ее. Стоявшие рядом грузины стали быстро шарить по карманам, затем двое из них, не сговариваясь, рванули бегом вниз, в село, и, запыхавшись, через несколько минут вернулись со спичками. Я зажег свечи. „О Святой Лагты Дзуар! Пусть те, кто исковеркал нам жизнь, будут преданы в твои руки! И да будет на все твоя воля!“

– Мирзабек, – тихо сказал Толик, мой зять, – здесь нельзя проклинать.

– Это молитва! – ответил я.

Надо было уезжать. Выезжая из села, мы остановились у источника, возле

которого на тысячелетней давности камнях сидели грузины. Сестра подошла набрать воды. Один из пастухов указал на верхний родник поодаль, откуда шла серная вода, и на ломаном русском сказал, что она не годится для питья. Он говорил это нам! Но мы молчали и, пока набирали воду и умывались, слушали их разговор.

– Они вернутся, как ты думаешь?

– Должно быть. Сейчас Шеварднадзе разрешил им вернуться.

– А где они будут жить? Не настроит же он им новых домов?

– Да им и в Северной Осетии жить негде, северяне не хотят их больше кормить.

Разговор пастухов перевела мне сестра, когда машина была уже на спуске по разбитой дороге, над которой стояли одинокие деревья почти полностью вырубленного придорожного ельника.

Я смотрел назад, в село, в свою прошлую жизнь. В той прежней жизни скоро наступят долгие сумерки, с пастбища вниз потянутся стада, зазвенят бидоны, залают собаки, заплачут дети, польется молоко. Косари соберутся у источника, смывая с лица соль и пыль. Смеясь, придут невесты за водой. Жизнь как будто убежала отсюда вместе с нами. Я смотрел назад – моя родина была похожа на ребенка, размазавшего слезы по грязному лицу и уже выплакавшего свое огромное детское горе. „Господи, – подумал я, – когда же я перестану ездить сюда?“» («Айдан-Зеркало», № 4–5, октябрь 1997 г.).

Потерявшие родину люди пережили настолько сильный удар, что его трудно назвать деликатным словом «стресс». Судьба изгнанника стоила многим жизни, пережитые испытания обернулись многочисленными болезнями, в основном сердечно-сосудистыми и онкологическими, гипертонией, туберкулезом, в результате которых в первые пять лет после изгнания скончалось огромное количество беженцев. Статистика таких смертей не ведется, хотя собрать данные по отдельному району, например, по Гуджаретскому ущелью, оказалось возможным. Несмотря на то что наши данные собирались в месте компактного расселения беженцев из Боржомского района – в Заводском поселке г. Владикавказа, все же возможно, что приводимые сведения неполные, поскольку некоторые из беженцев еще до получения от государства сборных деревянных домиков в поселке успели устроиться в других местах. Надо сказать, что таких не очень много.

Итак, по нашим далеко не полным данным, из Гуджаретского ущелья и села Митарби Боржомского района было изгнано 327 семей (около 1280 человек), из которых в первые несколько лет после депортации умерли от различных болезней 211 человек, то есть 17 %.

Данные о смертности среди беженцев Гуджаретского ущелья Боржомского района за первые 5 лет изгнания

Населенный пункт	Изгнано семей	Количество умерших (человек)
с. Цинубан	21	17
с. Цитенисопели	37	19
с. Гуджарет	48	35
с. Одет	20	12
с. Гинтур	20	16
с. Айдаров	11	12
с. Гердисувани	38	22
с. Вардевани	13	8
с. Мачарцали	12	5
с. Митарби	102	65
Итого	327	211

Примечание: четыре человека из этого списка погибли во время теракта на Центральном рынке во Владикавказе в 1999 году; двое совершили самоубийство.

Есть данные о том, что из 17 беженцев из села Цолд Ленингорского района в короткое время после изгнания от разных болезней скончались 12 мужчин – все Маргиевы. Такие же высокие показатели смертности характерны и для беженцев из других сел.

В большой семье Федора и Нателы Тадтаевых в с. Кинциси Карельского района Грузии было шесть сыновей и три дочери. Старший сын Вася приехал из Гагры, узнав о начавшихся беспорядках. Его схватили дома уже через час и отвели в штаб в Карели. Другой сын, Юра, забрал младших детей и убежал в лес. Ворвавшиеся в дом грузины убили Федора Тадтаева. Васю расстреляли в лесу в Горийском районе. Две недели Натела с детьми скрывалась в лесу, на снегу, без воды и еды. Дети замерзли, истощились и заболели. Через два года один из детей, Бесик, так и не выздоровев, умер.

Болатаева Марго Максимовна из с. Цицагианткари Горийского района, ныне живет в поселке Заводском г. Владикавказа. Она рассказала о том, что в этом селе убили ее родственников – мужа и жену Болатаевых Зарбега и Любу. Их обоих расстреляли в доме. Сыновья, которым с самого начала приходилось прятаться в лесах, уже к тому времени бежали в Россию, один из них вернулся похоронить родителей и уехал обратно. Другой сын через некоторое время умер от туберкулеза во Владикавказе, не оправившись от перенесенных потрясений и простуд после пребывания в лесах.

Есть ли способ возместить эти потери, входит ли в проект закона о реституции, разрабатываемого сейчас грузинским руководством, возмещение такого рода ущерба, неизвестно. Да и чем это можно возместить?

* * *

Опасения по поводу обострения отношений с ингушами в Северной Осетии оправдались. Молниеносная война за Пригородный район в октябре-ноябре 1992 года привела к появлению новых беженцев – ингушей и осетин. По окончании конфликта началось осуществление федеральной программы по возвращению беженцев-ингушей, которая предусматривала и гарантии безопасности, и компенсацию потерянного жилья и имущества. Процесс затянулся. Часть домов в ингушских населенных пунктах к началу

осуществления этой программы оказались занятыми беженцами из внутренних районов Грузии. По их собственному признанию, они чувствовали себя неуверенно, понимая, что хозяева рано или поздно вернутся. Даже не пытались подремонтировать дома, кроме тех, о которых точно было известно, что их хозяева приобрели другое жилье в Ингушетии.

Туриева Циури, из с. Корет Ахметского района, Кахетия: «Когда в Цхинвале началась война, я работала в клубе, а муж – в совхозе. С грузинами жили хорошо, нас пока никто не трогал, но страх не оставлял после того, как убили сына наших близких родственников – Коста Тедеты. В том же 1991 году убили сына Кокоевых в Корете, я забыла его имя. Как мы могли остаться? Бросили большой двухэтажный дом, забрали кое-что с собой и приехали сюда. Говорят, после нашего отъезда там начался настоящий террор. Деньги у нас быстро кончились, а работы не было. Сначала жили в общежитии, потом нашли пустой ингушский дом. Я крепче была, чем мой муж, женщина все же выносливей. У мужа началась депрессия, сердце болело, он умер 5 лет назад. Я трудилась, собирала и продавала черемшу, не гнушалась никакой работой. Дети выросли. Старший мой сын – учитель, младший – в армии, дочь – художница. Дом – не отказной. Это так называется, то есть рано или поздно хозяин вернется, он не отказался от своего дома. Если бы не это, мы бы хоть ремонт сделали, крыша течет. Власти каждый день нас обманывают, обещают субсидии, и мы верим, не хотим жить в чужом доме. Если даже мы останемся на улице, в Грузию не вернемся. Месяц назад я поехала в Корет, слышала, что их государство покупает в Кахетии дома для аджарцев, которые пострадали от наводнения. Купили им двухэтажные дома по 4 тысячи долларов. Но наш дом, за которым присматривали родственники, не продан. А ездить туда трудно. Я и по-грузински плохо говорю. В Корете все говорят хорошо, но я училась в Лагодехи в осетинской школе. Визу я не брала, получила вкладыш на границе, по Зарской дороге добрались как-то до грузинского ТЭКа у Цхинвала, но грузины не пропустили нас. Потом через Авневи и Руис мы кое-как пробрались в Грузию. Все так ездят. В Корете оказалось очень много грузин, все осетины продали дома, осталось несколько человек. Я пустила в дом аджарцев, у них не было денег, но мне они показались порядочными. Пусть хотя бы присматривают за домом, может, потом выкупят его».

Субсидии от государства, о которых говорила беженка, упоминались многими беженцами в Северной Осетии, но приводились разные суммы: от 15 до 400 тысяч рублей. Кто-то получил настоящее жилье, кто-то просто участок с вагончиком в чистом поле. Ясно, что весь массив беженцев в Северной Осетии был разделен на группы и категории, в зависимости от которых и оказывалась помощь государством для их обустройства и адаптации. Ситуацию проясняет Д. Кулумбегов, зам. руководителя Управления по делам миграции МВД РСО – Алания: «В тот начальный период и до 2000 года основной формой оказания помощи в обустройстве было выделение беспроцентной возвратной ссуды. Ее

размер в 1993 году составлял 300 тысяч рублей теми, неденоминированными деньгами. Затем на отдельных этапах она составляла 3, 4, 5, 6 млн. рублей, так сказать, „старыми“ деньгами. В 1998 году эта сумма уже составляла до 14,5 тысячи рублей „новыми“ деньгами, а к 2000 году – по 9 тысяч рублей на одного члена семьи. До 2000 года, пока существовала эта форма помощи, ею воспользовались около 2 тысяч семей. Однако не все они смогли обустроиться на эти деньги, цены на жилье были гораздо выше, и они оказались в труднейшем положении, так как по существующему законодательству не могли рассчитывать на повторную государственную поддержку. Ссуды были выгодны в какой-то степени тем, кто мог к ним добавить свои средства.

Разница в размерах ссуд и субсидий объясняется тем, что с течением времени меняются законы, меняется ситуация к лучшему в стране, растут возможности государства и меняются формы оказания помощи вынужденным переселенцам, они становятся действеннее и эффективнее. На сегодняшний день по российскому законодательству за счет средств федерального бюджета существует два вида государственной помощи в обустройстве. Это выплата вынужденным переселенцам безвозмездных субсидий на строительство и приобретение жилья, и второе – это приобретение для них квартир на вторичном рынке жилья.

Помимо этих видов помощи вынужденным переселенцам может быть оказана помощь со стороны органов власти субъектов РФ, международных гуманитарных организаций и т. д.

Те суммы, о которых говорят вынужденные переселенцы, – 15 тысяч, 110 тысяч – это помощь, оказываемая правительством РСО – Алания исходя из его возможностей на тот момент. Лица, получившие в 1999–2000 годах по 15 тысяч рублей, – это беженцы и вынужденно переселенные лица, которые проживали длительное время в санаториях „Осетия“ и „Редант“. Когда решался вопрос их отселения, этим семьям безвозмездно были выделены земельные участки на территории Пригородного района в селе Ир, которое они сами выбрали. В соответствии с генпланом застройки поселка сюда были проведены магистральные линии газопровода, водоснабжения, проложены дороги по основным улицам. Поэтому, конечно, 15 тысяч рублей – сумма небольшая, но с учетом того, что объекты инженерной инфраструктуры были построены за счет государства, многие начали здесь обустраиваться, а 44 наиболее нуждающихся семей, отселенных из санаториев „Осетия“ и „Редант“, получили здесь коттеджи, 10 семьям были выделены стройматериалы.

По 110 тысяч рублей в 2002 и 2003 годах выплачивалось семьям вынужденных мигрантов, которые проживали в аварийных и приспособленных помещениях, где их дальнейшее проживание было невозможно. Размеры помощи были от 61 до 110 тысяч рублей в зависимости от состава семьи. Этой помощью воспользовались 758 семей. Так что размеры оказываемой помощи меняются параллельно с изменениями в нормативно-правовой базе по

жилищному обустройству вынужденных переселенцев и с учетом существующих возможностей. В будущем размеры помощи могут возрасти, и те, кто сегодня ее получает, снова окажутся в проигрыше по сравнению с предыдущими. Хотя надо учитывать и цены на жилье, которые выросли за эти годы существенно.

На сегодняшний день на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий в местных администрациях, проще говоря, в очереди на получение жилья стоит около 4200 семей, и еще около 3 тысяч по сегодняшний день по разным причинам не смогли встать в очередь. Все вместе это более 21 тысячи человек. Между тем в год, при нынешнем уровне финансирования, разными видами помощи на обустройство мы можем охватывать в среднем не более 100 семей. То есть только на обустройство уже состоящих в очереди нужно не менее 40 лет. Это недопустимо. В тяжелейших условиях, без крыши над головой вырастает целое поколение.

Надо сказать и о программах международной помощи вынужденным переселенцам в Северной Осетии. Основным координатором оказания гуманитарной помощи вынужденным мигрантам в республике является Представительство УВКБ ООН на Северном Кавказе. Кроме того, в регионе действуют офисы Датского совета по беженцам, Швейцарского управления по развитию и сотрудничеству в РФ. В начале 1990-х годов их деятельность ограничивалась в основном гуманитарной помощью продуктами питания, вещами домашнего обихода, медикаментами и т. д. За последние четыре года в рамках трехсторонних соглашений между правительством РСО – Алания, Представительством УВКБ ООН и Управлением по делам миграции реализуются программы строительства жилья для наиболее нуждающейся категории беженцев и вынужденных переселенцев из Грузии. За этот период для их компактного расселения в Пригородном, Кировском и Правобережном районах республики построено 240 домов. Параллельно с домами построены и объекты инфраструктуры, в результате чего поселки обеспечены газом, водой, электроэнергией, проложены дороги».

Эти люди, у которых есть наконец не просто крыша над головой, но собственные дома с собственным адресом в стране, гражданами которой они стали, счастливы. Их не пугают трудности после всего, что они перенесли. Постепенно они строятся и пытаются вернуться к той привычной жизни, что столетиями вели их предки на территории Грузии – держат скот и молятся Богу. Единственное, что омрачает их настроение, так это сознание того, сколько времени потеряно зря за время проживания в пансионатах и общежитиях. Эти 10 лет, прожитые под ярлыком «беженец» – самые горькие и пустые годы жизни. Они упорно сажают деревья – сосны и грецкие орехи, чтобы все вокруг также начиналось с начала, как их новая жизнь. Деревья почему-то не растут, климат здесь другой. Он не всем подошел. За эти годы у многих стал развиваться артрит, другие заболевания суставов и позвоночника.

«Да, эта проблема существует, – говорит Д. Кулумбегов. – Действительно, многие с трудом переносят особенности климата Северной Осетии, но куда от этого деться? Идеальным способом решения проблемы этой категории мигрантов было бы их обустройство на территории РЮО, если бы была возможность создания для них там условий проживания. Без решения этой проблемы и стабилизации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта желающих обустроиться в Южной Осетии найти будет трудно. Кстати, в ходе отселения беженцев из санаториев „Осетия“ и „Редант“ им был предложен вариант переселения в Южную Осетию, и 36 семей изъявили желание вернуться туда. Им была предложена помощь в размере 50 тыс. рублей на каждую семью, но не все они там закрепились. По моему мнению, работать в этом направлении надо, и любому желающему поселиться в Южной Осетии надо оказывать поддержку.

Точно так же нельзя забывать и о тех осетинах, которые еще проживают в Лагодехском и Ахметском районах Грузии и желают переселиться в Южную Осетию, где у них родные корни. Их предки заселили Кахетию в не таком уж далеком прошлом. Конечно, грузинской стороне не нравится такая постановка вопроса, поскольку таким образом увеличивается доля осетинского населения Южной Осетии, но ведь и нам не по душе, что наши соотечественники подвергаются там притеснениям и живут под постоянным страхом, а органы власти Грузии не гарантируют им безопасность и нормальные условия жизни. Надо поднимать эту проблему в ходе переговорного процесса в рамках СКК, привлекать к этой проблеме внимание международных организаций – участников переговорного процесса и добиваться организованного переселения желающих в Южную Осетию, пока они не разделили тяжелую участь десятков тысяч беженцев, покинувших 15 лет назад внутренние районы Грузии. Принципы соблюдения прав человека и обеспечения гарантий безопасности личности должны быть выше любого рода узконациональных интересов».

Осетины сейчас компактно проживают в двух больших районах Кахетии – в Ахметском и Лагодехском, а также в Телавском.

Земля фруктов и виноградарства, отличный от других районов Грузии уклад жизни – именно это отразилось на том, что уезжали отсюда очень нехотя, некоторые терпели еще много лет после окончания войны в Южной Осетии. Те, кто смог уехать вовремя, успев продать дома, сейчас устроены благополучно, лучше, чем многие другие беженцы из Грузии. Родственных связей в Южной Осетии у кахетинских осетин больше, чем в Северной. Но уезжать, не боясь остаться на улице, становится все трудней – жилья в Кахетии много, дома не продаются, даже за те, что «продались» 2–3 года назад, хозяева еще не получили денег, да и вряд ли получат, а жаловаться на должников в местные

судебные органы бесполезно. Положение кахетинских осетин беспросветно. Осетинские школы в Ахметском и Лагодехском районах закрыты. В единственной сохранившейся школе в с. Пона Лагодехского района директор – грузин. Детей очень мало, поскольку население в Пона и окрестных селах сокращается на глазах. Учебники, которые в советское время привозили для них из Юго-Осетинской автономной области, настолько истрепались, что, как призналась одна учительница, каждый год приходится прошивать страницы книг заново и проглаживать их утюгом.

Земельные участки осетин в несколько раз меньше, чем у крестьян-грузин. 600 гектаров коллективной земли, ранее принадлежавшей осетинскому населению, были перепроданы местными властями азербайджанцам. Обрабатывать же отдельно небольшие участки очень дорого, поскольку нужно нанимать трактор, покупать топливо для него и т. д.

В селах в основном остались пожилые люди, которые ждут, когда продадутся их дома и за ними приедут их взрослые дети, уехавшие в Северную Осетию. Лишенные возможности получать помощь от детей, старики живут очень плохо. Часто они не хотят понимать, как изменились порядки, и отправляются на последние гроши на Север, к детям. И становятся жертвой визового режима, который не воспринимают разумом бывших советских граждан. Многих из них близкие забирают, не дождавшись продажи домов. В селах огромное количество пустующего жилья, пройдет совсем немного времени, и их начнут занимать грузинские семьи: зачем тратить на это деньги? Положение осложняется еще и тем, что многие села Ахметского района находятся в Панкисском ущелье, где осетинское население становится жертвой притеснений не только грузин, но еще и чеченцев-кистинцев.

Нартикоева Зинаида Ражденовна из с. Квемо-Халацани Ахметского района живет в селении Тарском Пригородного района Северной Осетии: «На той стороне реки Алазани, в с. Шуа-Халацани жили кистинцы. Нас разделяла река. Жили кистинцы обособленно, не очень общались с другими людьми. Пастбища у нас были отдельные, друг другу мы не мешали. Школа в селе начальная, грузинская, хотя наше Халацани – чисто осетинское село. Больше 100 дворов было, сейчас там 4–5 семей осталось. Потом начались все эти беспорядки, но мы не смогли уехать, муж мой болел, потом его парализовало, куда нам было ехать? Дети учились в России. Решили терпеть, жили тихо, пытались продать дом. Вроде как беда прошла мимо, какой им интерес было мучить парализованного? Ну, воровали скотину, то грузины, то кистинцы устраивали в селе драки со стрельбой, грубили, не пускали в автобус, вот и все. Другим было еще хуже. Но мужу нужно было серьезное лечение, сын приехал, сначала забрал к себе отца, а я еще пожила в доме одна, но потом тоже сбежала. Не думала, что смогу уехать оттуда, не люблю я здесь. Мои жили все вместе у родственников в Тарском, потом, после ингушской войны, рядом с ними оказался пустой дом. Они туда и заселились. Я приехала к ним в 1996 году.

Хозяин-ингуш от дома отказался, построил себе новый где-то в Первомайском, но мы так и не смогли оформить его на себя. Муж умер здесь. Свой дом в Халацани стараюсь не вспоминать. После моего отъезда он пустовал, потом в него вселились чеченцы – 15 человек. Говорят – тоже беженцы».

Все последнее время, начиная с конца 1990-х годов, кахетинские осетины делают попытки перебраться в Южную Осетию. Убедившись, что им не продать свои дома («грузины говорят, что все равно все им останется»), они пытались договориться о каком-нибудь жилье, куда смогли бы перебраться хотя бы с минимальным количеством домашнего имущества. Народ они работающий, вести хозяйство умеют, только бы поддержать их на первых порах. Это становилось уже тенденцией для кахетинцев – стремление уезжать не на Север, а на Юг Осетии. Жители осетинских сел Лагодехского и Ахметского районов Грузии приезжали делегациями, по несколько человек от каждого села, привозили обращения с подписями к президентам – сначала к Л. Чибирову, затем к Э. Кокойты. Решать вопрос надо было на государственном уровне. К тому же, в последние годы в Панкисском ущелье грузинские власти приобретают жилье для аджарцев, пострадавших в последние несколько лет от наводнений, решая тем самым не только финансовый вопрос их обустройства, ведь дома осетин здесь – самое дешевое жилье, но в перспективе и демографический вопрос в пользу грузинского элемента, чего так упорно добивались З. Гамсахурдиа и его команда. Реально процесс переселения кахетинских осетин начался в сентябре 2004 года, сразу после окончания боевых действий, а одна семья из Тбилиси перебралась даже в самый разгар боевых действий. Государство нашло средства на их переселение в Южную Осетию, где для них были приобретены небольшие дома. За этот период переселилось около 40 семей. Взрослые сыновья из некоторых семей уже служат в армии в Южной Осетии. Кахетинцев расселили в основном в Цхинвальском районе – в селах Цунар, Зар, Рустав и в поселке Дзау. Из переселившихся только единицы смогли продать свои дома, причем не дороже чем за 500 долларов.

По данным всегрузинской переписи 2002 года, в Кахетии в настоящее время проживают 6109 осетин.

В мире широко известны случаи, когда беженцы из элемента бремени для экономики государства и потенциального источника социальной напряженности превращались в активных строителей экономики новой для них страны. Так в конце концов получилось в Германии послевоенного периода, которую захлестнула волна иммигрантов, так все время происходит в США, где привыкли ценить возможность использовать иммигрантов как позитивную созидательную силу. Для Южной Осетии, которая испытывает демографические проблемы в связи с сокращением населения за годы войны и после нее, приток соотечественников – фактор положительный, учитывая их трудолюбие и желание заниматься именно сельским хозяйством, приоритетным направлением развития экономики Южной Осетии.

Часть II. Возвращение

Через несколько лет после окончания военных действий в Южной Осетии в рамках начавшегося грузино-осетинского переговорного процесса стало возможным говорить о намерениях и конкретных возможностях сторон решить вопрос беженцев и вынужденно перемещенных лиц, почти всю тяжесть проблем которых взяла на себя Северная Осетия. Прежде всего речь зашла о возможности организовать их возвращение в места прежнего проживания. В феврале 1997 года Смешанная контрольная комиссия по урегулированию грузино-осетинского конфликта утвердила «Порядок добровольного возвращения беженцев и вынужденно перемещенных лиц в результате грузино-осетинского конфликта в места их прежнего постоянного проживания». В сентябре того же года в рамках СКК был создан Специальный комитет (ad hoc) по содействию добровольному возвращению беженцев и вынужденно перемещенных лиц в места их прежнего проживания. Комитет координировал деятельность всех структур, занимавшихся практической работой по возвращению беженцев.

А в ноябре 1997 года президенты Л. Чибиров и Э. Шеварднадзе встретились в поселке Дзау Южной Осетии.

В итоговом документе Дзауской встречи было отмечено, что «приоритетными направлениями в урегулировании грузино-осетинских отношений остаются окончательное политическое урегулирование конфликта и добровольное, безопасное возвращение беженцев и вынужденно перемещенных лиц». В порыве благих намерений президенты объявили следующий, 1998 год «годом возвращения беженцев», может быть, для того, чтобы подтолкнуть самих себя к более решительным действиям или подчеркнуть плодотворность встречи. Ясно лишь, что такое заявление только приподняло верхний слой всего пласта задач, которые требовалось решить для возвращения беженцев. В любом случае эта работа никак не укладывалась в рамки одного года, даже при всем желании грузинской стороны способствовать возвращению осетинских семей.

Реально же возвращение беженцев во внутренние районы Грузии было маловероятно как в тот период, так и в ближайшей перспективе. Большинство беженцев, не обязательно из соображений иждивенчества, предпочли выбрать постоянным местом жительства Северную Осетию, где могли получить земельные участки для жилищного строительства. Они уже рассматривались как потенциальные граждане Северной Осетии. За прошедшие годы пребывания на территории Северной Осетии многие из них успешно интегрировались в ее экономическую и политическую жизнь. Большинство устроились на работу, многие заняты челночной торговлей, пенсионеры получают российские пенсии, дети учатся в школах и высших учебных заведениях и т. д. Начать жизнь заново в прежних местах проживания решатся немногие, несмотря на то, что у многих из беженцев отсутствуют элементарные жилищные условия.

Особенно трогательны объяснения именно самых неустроенных людей,

почему они не хотят вернуться в Грузию. Возможно потому, что и там, в Грузии, в благополучное советское время эта категория людей оставалась за чертой бедности по тем или иным причинам, и они не чувствовали себя счастливыми там, на родине.

История № 9. Там, где твой дом...

Кисиева Натела из Тбилиси, живет в селе Тарское Пригородного района: «Родилась я в с. Ламискана, в Каспском районе, жила в интернате, сиротой была. Выросла, уехала в Тбилиси, вышла замуж. Он тоже был детдомовским, никого у нас не было, все начали с нуля. Работали мы оба на Трикотажной фабрике, жили в комнате общежития, где в одном коридоре было 18 семей. Мы проработали там 35 лет, все это время быть в очереди на жилье. Все обошли нас, даже те, что позже нас пришли работать на фабрику, а наша очередь как раз подошла в 1991 году. Тогда меня и выгнали, назвали это сокращением рабочих, но сокращали почему-то только осетин. Еще постоянно проводили собрания и выступали против осетин, а нас заставляли обязательно присутствовать. Или собирали осетин в автобусы и заставляли ехать в Цхинвал на митинги, но мы всегда прятались в таких случаях. Стало трудно жить, нас оскорбляли, называли голодранцами, не упустили случая показать, что презирают нас. Жизнь так смешалась, что нам все равно было не дожидаться своей квартиры. Нам с мужем, в общем, было привычно жить по чужим углам, но сыну было 16 лет тогда, он учился в училище, я так хотела, чтобы хотя бы он вылез из шкуры бедняка. А потом уже было просто опасно там оставаться, мы боялись за сына. Я подумала, родина – там, где твой дом. Наверное, нет нам места на этой земле. Будь она проклята, эта родина. Ни за какие золотые горы я бы туда не вернулась, теплого слова не могу вспомнить ни от кого, особенно за последние два года.

Мы уехали из Тбилиси во Владикавказ, пришли в штаб по беженцам, откуда нас и направили в эту школу. Дали нам здесь одну комнату. Муж вскоре умер, а сын одно время работал на стройке, но теперь все время болеет – сердце его беспокоит. Не работает, жить негде, жениться нет возможности. Мы живем на мою пенсию в 1 тысячу рублей. Пока он чувствовал себя лучше, несколько лет я уговаривала его жениться, а я бы перешла ночевать в котельную при школе, там только хлам внутри нужно выбросить, а так что ж – крыша не течет, и то хорошо. Но ему уже все равно».

«Комната», о которой говорит беженка в этом рассказе, представляла собой угол за перегородкой в одном из залов бывшей школы. Здесь несколько таких перегородок, за которыми – сломанные судьбы и полное отсутствие надежды получить обещанные субсидии от принявшего их государства, их очередь на эту помощь упорно не наступает.

Значительная часть вынужденных переселенцев, те, что живут примерно в таких же условиях, не способны самостоятельно выкарабкаться и по-прежнему ждут помощи от государства, не особо рассчитывая на свои силы.

Елбакиева Лали из г. Гори живет в общежитии завода «Победит»: «Работала я в магазине, по-грузински говорю прекрасно, ладила с грузинами, много подруг у меня было, я думала, что, может быть, меня не тронут, и вела себя тихо. Но в Гори очень жестоко расправлялись со всеми осетинами, независимо от того, как они себя вели. Был там их главарь Шмаги, это было имя или кличка, не знаю. Он обходил все учреждения лично и требовал, чтобы руководители выгоняли всех осетин. Директор сказал мне, чтобы я уходила, пока что-нибудь не случилось. Пришлось нам с мужем и детьми уехать в Северную Осетию, нас поселили в общежитии. Дети взрослые, разъехались. Муж умер через 10 лет. Я переселилась к родителям в это общежитие, в котором отец получил комнату, работая на заводе. Я больна, мне трудно одной. Мне сделали операцию и внесли инфекцию, начался перитонит, сделали повторную операцию, удалили все, что могли. Я стала инвалидом. Из-за вторичной операции я пропустила срок регистрации, опоздала на месяц. За это меня сняли с учета в местной администрации, лишили права получить когда-нибудь субсидию или жилье. Я подала иск в суд, был судебный процесс, но суд оправдал администрацию. Я же не по своей вине пропустила регистрацию!»

Лиц такой категории, не способных трудоустроиться, среди вынужденных мигрантов из Южной Осетии и внутренних районов Грузии довольно много. Так, в период с января по октябрь 2000 г. 127 семей (371 чел.) были отнесены Министерством труда и социального развития РСО – Алания к категории социально незащищенных. Им оказывается единовременная социальная помощь в размере 3000 руб. (около 107 долларов США на тот период времени). К тому же из активного трудоспособного возраста уже вышел примерно каждый пятый из прибывших. Эта категория людей определенно не подходит для того, чтобы заниматься их возвращением на прежнее место проживания, но если бы в рамках закона о реституции им была выплачена компенсация за утраченное имущество, моральный ущерб и т. д., они смогли бы и сейчас устроиться гораздо лучше.

Мотив, побуждающий некоторых беженцев вернуться в свой прежний дом, сейчас, при нынешнем социально-экономическом положении в Грузии, может быть только один: желание вернуть себе статус полноценного члена общества, обретя собственную, пусть даже не самую прочную, крышу над головой.

Часто такому решению способствует обида, сложившаяся за многие годы

обездоленной жизни. Обида на новое для них общество, милосердное и родственное, но которое, приняв и оказав помощь, все же не позволило раствориться беженцам в своей среде, четко очертив границы запретного круга. Многие исследователи применяют для описания этого момента, имеющего место в отношениях беженцев с местным населением, термин «культурная дистанция». Общность, к которой принадлежат беженцы и перемещенные лица, хоть и относится к тому же этносу, все же сформировалась в отрыве от нее, что и отразилось в разнице мировоззрений и менталитета. Дистанцию еще увеличило то, что вынужденных переселенцев, в том числе прибывших из сельских районов, с самого начала старались расселить как можно быстрее и использовали для этого тот жилой фонд, что был под рукой. Так сельские жители и оказались поселенными в общежитиях и санаториях, расположенных в непосредственной близости или в черте города Владикавказа, что еще и способствовало развитию конфликта между городскими и сельскими жителями. Конечно, нельзя обвинять в этом Миграционную службу, учитывая сложные условия приема беженцев и отсутствие четких представлений о том, на какой период времени обрушилась эта волна беженцев на Северную Осетию. Конечно, допустив сослагательное наклонение применительно к истории, если бы ситуация позволяла, целесообразней было бы выходцев из высокогорных районов поселить в горных районах Северной Осетии, разгрузив при этом г. Владикавказ и снизив социальное напряжение. Эту работу не поздно вести и сейчас, что параллельно позволит освоить пустующие горные районы республики.

Еще один способ снятия существующей напряженности в отношении мигрантов – создание для них компактных поселений, где им легче будет проходить сообща процесс адаптации к новому образу жизни. Такие поселения уже есть в Северной Осетии. Например, силами Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Миграционной службы Северной Осетии только в селении Комсомольское построено 86 домов, где проживают более 400 беженцев.

Остро ощущая самые незначительные проявления своей отверженности, одни стремятся любыми способами принять окраску среды и слиться с ней, другие впадают в депрессию. Многие беженцы признаются, что по мере возможности стараются скрывать свой социальный статус и нынешнее место проживания. Особенно это касается тех, кто живет в коллективных центрах и всевозможных приспособленных помещениях, таких как вышеописанная школа. Обида на свою отверженность коренным сообществом может вызывать и более активные чувства протеста и проявляться в форме различных преступлений – краж и хулиганства. Такое положение, конечно, не входит в интересы государства, которое стремится всеми возможными способами решать эту проблему, например, способствуя процессу возвращения беженцев, хотя и не очень успешно.

Даже те, кто оставил в Грузии основательные дома и все свое благосостояние, несмотря на ностальгию по прежней нормальной жизни, не спешат заявить о своей готовности вернуться домой. Есть огромное количество факторов, мешающих им принять такое решение. Один из этих факторов был сформулирован осетинской стороной в переговорном процессе: Грузия должна дать политико-правовую оценку произошедшим событиям в годы вооруженной агрессии и в предшествовавший им период антиосетинской кампании, признать факт геноцида осетинского народа. Люди не могут возвратиться туда, например, где были зверски убиты их родные и близкие.

Люди должны возвращаться туда, где они могут верить в свой завтрашний день. Правовая основа возвращения беженцев должна содержать решение и моральной стороны вопроса. На первый взгляд, может показаться несущественным требование к Грузии признать и осудить совершенные злодеяния, но для беженцев, испытавших на себе последствия национализма, это особенно важно – если возвращаться домой, то следует предварительно очистить в нем атмосферу и выяснить отношения с теми, кто причастен к тысячам личных трагедий этих людей. Формальное раскаяние государства, лишившего права на нормальную жизнь более 100 тысяч своих бывших жителей, должно проявиться не только в форме реституции и компенсации утраченного имущества, но и в признании факта совершенного против осетинского народа геноцида. Несмотря на многократные обещания, закон о реституции по сегодняшний день не принят Грузией. Уровень демократического мышления в современной Грузии пока еще очень далек от понимания того, насколько такое признание важно для самой Грузии, прошедшей в своей истории фазу национализма и фашизма, правда, не до конца. Впрочем, и работа над законом о реституции пока еще не приняла каких-то определенных очертаний.

11 июня 1997 г. президент Южной Осетии Л. Чибиров издал Указ «О первоочередных мерах по содействию процессу возвращения беженцев и вынужденных переселенцев в Республику Южная Осетия», в котором перечислены конкретные меры, призванные заинтересовать беженцев в возвращении в места прежнего постоянного проживания. По данным Миграционной службы Северной Осетии, на 1 января 1998 г. в республике оставалось 28,5 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев (более 12 тыс. семей) из внутренних районов Грузии и около 1 тыс. человек из Южной Осетии. В это же время было прекращено финансирование Федеральной миграционной службой РСО – Алания содержания беженцев в центрах их временного проживания (таких центров на конец 1997 г. в Северной Осетии было 39). Однако массового возвращения осетин ни во внутренние районы Грузии, ни в Южную Осетию практически не происходило. Невзирая на усилия руководства Северной Осетии и Южной Осетии, а также международных организаций, в частности УВКБ ООН и Норвежского совета по беженцам (N110),

разработавших программу обустройства возвращающихся в Южную Осетию и Грузию беженцев (на реализацию этой программы УВКБ ООН было выделено 2 млн. долларов США), попытки вернуть беженцев-осетин в места своего прежнего постоянного проживания оставались малорезультативными. Случай с осетинскими беженцами не был исключением из общего международного опыта, согласно которому даже после нормализации ситуации в постконфликтный период доля «невозвращенцев» намного превосходит процент вернувшихся в места своего прежнего постоянного проживания, тем более если принимающее общество этнически родственно лицам, ищущим убежище.

Не имели результата предложения, с которыми УВКБ ООН обращалось к сторонам совместно проводить разъяснительную работу с беженцами из Грузии, проживающими на территории Северной Осетии, по возвращению их в места прежнего проживания. Очевидно, что решение этого вопроса все же в большей степени упирается в принятие и задействование Грузией закона о реституции имущества, который восстановит осетин в правах на утраченную собственность. К тому же с беженцами нужно проводить не только пропагандистскую работу по необходимости вернуться домой, им нужна консультативная юридическая помощь для разъяснения их прав и специфики законодательства по вопросу возвращения им имущества. А каждый случай возможного возвращения следует рассматривать индивидуально, в комплексе всех особенных проблем для каждой отдельной семьи.

Процесс возвращения протекал значительно медленнее, чем рассчитывали международные организации, занимавшиеся этим вопросом. Так, с середины июня 1997 г. – времени начала активных попыток добровольной репатриации беженцев-осетин – по 1 сентября 2001 г. в места прежнего постоянного проживания вернулся 1331 чел. (402 семьи). При этом количество лиц, вернувшихся в Южную Осетию, составило 1138 чел. (341 семья), а во внутренние районы Грузии – 193 чел. (61 семья). **Однако по данным осетинской стороны, из них в Грузии закрепилось 4 семьи, остальные были вынуждены вернуться в РСО – Аланию.**

Таким образом, число вернувшихся в Грузию и тех, кто не пожелал ехать обратно в Грузию и обосновался на постоянное жительство в Южной Осетии, незначительно по сравнению с общим количеством беженцев, находящихся в РСО – Алания.

Вялотекущий процесс возвращения можно уже считать затухающим. Вынужденно переселенные лица стараются принимать российское гражданство и интегрироваться в североосетинское общество.

Выселение беженцев из аварийных общежитий, турбаз, санаториев («Осетия», «Редант», «Кармадон») и других приспособленных помещений еще больше активизирует процесс принятия мигрантами гражданства Российской Федерации.

А поскольку процесс этот необратим, все же необходимо делать упор не на репатриацию, а на разработку программы, которая была бы ориентирована на скорейшую социально-экономическую и психологическую адаптацию и интеграцию беженцев в социальное пространство принявшего их общества. Для этого прежде всего необходимо трудоустройство, способствующее удовлетворению их потребности в самореализации. Сейчас, как известно, значительная часть мигрантов из Грузии занята в сфере «непрестижных» видов работ, таких как торговля, извоз и т. д., то есть работ, которыми местное население занимается неохотно. И хотя таким образом переселенцы заняли эту пустовавшую нишу, «не перейдя дорогу» местному населению, сам факт концентрации мигрантов в этих сферах не прибавляет уважения к отраслям деятельности, ставшим специфическими – мигрантскими.

Миссия УВКБ ООН в Грузии. Объем работы с 1997 по 2003 год*

Выполняемые работы:	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	Итого
Оказана помощь беженцам	69	209	50	13	35	17	39		432
в восстановлении жилья	358	124	221	74	20	32	104		933
Вынужденным переселенцам									
Особо бедным семьям		15	21	12	5				53
ИТОГО	427	348	292	99	60	49	143		1418
В том числе									
Блочные дома	4	60	103	58	34	20	60	65	404
Деревянные дома	76								76
Строит. мат. на инд. дома	346	290	189	42	26	29	83	109	1114
Взамен дерев. домов				20					20
Возвращены УВКБ ООН из РСО-А в РЮО (семьи)	69	191	40	13	31	17	28	11	400
Спонтанно вернувшиеся из РСО-А в РЮО (семьи)		18	10		4		11		43
ИТОГО	69	209	50	13	35	17	39		443
Возвращены УВКБ ООН из РСО – Аланьи в Грузию (семьи)	4	19	32	10	1				66
Спонтанно вернувшиеся в Грузию (семьи)		4	8	2					14
ИТОГО	4	23	40	12	1				80

*В 1997 году Миссия УВКБ ООН в Грузии открыла свой офис в Цхинвале. Сотрудничество властей Южной Осетии по репатриации беженцев протекает наиболее плодотворно именно с этой организацией. Приводимая таблица отражает объем работы, выполненной этой организацией в Южной Осетии.

УВКБ ООН работает в партнерстве с другими международными организациями, которые часто выступали как подрядчики в строительных проектах УВКБ ООН.

Большую работу выполнял и Норвежский совет по беженцам (N110), начавший свою деятельность в Южной Осетии также с 1997 года. В объем работы N110 входили такие мероприятия, как раздача детской одежды, снабжение дровами, строительство Молодежного центра, бани, проведение семинаров по обучению в школах правам человека, организационное обеспечение проектов по конфликтологии, программа проектов поддержки малого бизнеса, программы занятости для женщин, распределение затем произведенной продукции по другим семьям и категориям населения, лечебным учреждениям, ремонт коллективных центров проживания беженцев и т. д.

За период с 1997 года по настоящее время органами по вопросам миграции РЮО (Госкомитетом по делам национальностей и миграции, а ныне – Министерством по особым делам), УВКБ ООН, N110 и другими международными организациями оказана помощь в восстановлении сожженного и разрушенного жилья 1658 семьям беженцев и ВПЛ, в том числе: 443 семьям

беженцев, 1162 семьям ВПЛ, 53 семьям погибших из категории особо необеспеченных. 452 семьям построены блочные дома, 1206 семьям розданы стандартные наборы стройматериалов. Комитет по делам миграции отметил при этом, что помощь оказывается международными организациями исходя из состава семьи на момент изгнания, не учитывается то, что многие семьи увеличились.

Еще одно новое поселение образовалось в селе Тбет Цхинвальского района. Управление Верховного комиссара по беженцам ООН построило здесь коттеджи для беженцев. Махар Гассиев, руководитель Комитета по делам миграции РЮО, рассказал, что УВКБ ООН начало строить эти дома в 1997 году. «Здесь не такая большая программа, как, например, в Косово, где в строящихся домах ставят все, от телефона и до раковины. Но здесь другая цель – пока вернуть людей в места прежнего проживания, а потом, когда они вернуться, проживут там уже месяца три, можно будет говорить о капитальных домах, о полном возмещении. Их задача была строго определенной. Даже электричество провела другая организация».

Элизбар Тедеев и Венера Маргиева, супруги из г. Телави, живут в коттедже, построенном для них УВКБ ООН в с. Тбет. Элизбар рассказывает: «Четыре года назад нам дали эти домики. Дом небольшой, но нас только двое. Есть крыша над головой, вот пристроили еще одно помещение, обрабатываем большой участок земли, поставили ульи, занимаемся пчеловодством. По правде говоря, эти дома не для нашего климата – стены толщиной в 20 см не для Кавказа. Зимой в них холодно и сыро. А утеплить их, отделать кирпичом или блоками для меня дорого.

Оставаться в Грузии после 1990 года уже было опасно. Собрали нас, осетин, и сказали: „Пойдите и скажите в Южной Осетии, что вам не нужна автономия, и чтобы тоннель закрыли“. Стали нам угрожать. В общем, стало ясно, что нас не оставят в покое. Я хорошо работал, и жили мы неплохо. Хотели продать свой дом, купить жилье во Владикавказе и потом обменять его на Цхинвал. Долго пытались уговорить кого-нибудь на обмен во Владикавказе, готовы были отдать и дом в Кахетии, в с. Аргохе, и квартиру в Телави. Но все бежали из Грузии, на Севере не нашлось ни одного самого нищего грузина, кто захотел бы ехать в Грузию. Все равно мы решили не оставаться в Северной Осетии и приехали сюда.

В нашем доме в Аргохе сейчас никто не живет. Село было большое, 250 домов, это только осетины, там грузин никогда не было, сейчас осталось около 80 домов, очень много пустующих. В Ахметском районе было 15 осетинских сел. Кому нужно столько домов? К тому же они никак не продавались, грузины считали, что дома все равно достанутся им даром. Мать, которая жила в Аргохе, не захотела уезжать, не хотела оставлять своих покойников на кладбище, и вскоре умерла. Это было в разгар войны, мы не смогли туда приехать, неделю соседи ждали нас, а потом брат, который жил в горах, добрался туда и

похоронил ее. Мать Венеры также умерла в одиночестве в Лагодехи.

Осетин из Кахетии всячески пытались выжить. Если осетинка привозила сыр или овощи на рынок, у нее отбирали – мол, это на нашей земле выросло. Также притесняли азербайджанцев – не продавали им „грузинский хлеб“. Азербайджанцы покупали много хлеба, на большие семьи, а грузин бесило, что у них много детей. Когда в Телави узнали, что я собираюсь уехать, местные кистинцы несколько раз меня попросили не уезжать, я считался как бы авторитетным, и многие осетины на меня смотрели. Они говорили, что если я уеду, за мной потянутся и другие осетины, а там придет очередь и кистинцев, когда грузины закончат выселять осетин.

Дом в Аргохе был каменный, бельэтаж. Фрукты в саду стоили дороже, чем сам дом. В саду было 20 персиковых деревьев четырех сортов, четыре вида инжира, орешник, корольков целая роща, иногда до марта оставались плоды на дереве, не успевали их собрать. Хозяйство было большое.

В Цхинвале я разыскал грузинскую семью и пришел к ним договориться об обмене. Они отказались, рассчитывая, что скоро все успокоится. Мы остались на улице. Я сказал, что не пойду ни к кому квартирантом и попрошайкой, это было ниже моего достоинства – имея столько жилья, быть беженцем. Но пришлось терпеть, жили временно в чужом доме, потом четыре года назад нам дали этот домик».

До 1999 года УВКБ ООН активно занималось вопросами возвращения беженцев и восстановлением их домов в зоне грузино-осетинского конфликта. По требованию грузинского руководства УВКБ изменило свою программу деятельности и с этого года переключилось на возвращение осетинских беженцев в районы Грузии. Хотя, согласно Дагомысскому соглашению, внутренние районы Грузии не входят в зону грузино-осетинского конфликта, и восстановлением домов беженцев в них должны заниматься не международные организации, а местные органы власти.

Постепенно совместный Спецкомитет (ad hoc) СКК стал принимать заявления чисто декларативного характера. Возвращение же беженцев в Южную Осетию стало проходить в основном благодаря активным действиям югоосетинской стороны СКК и руководства республики. Осетинской частью Спецкомитета за весь период с 1997 года по 2000-й в Знаурский район возвращено при помощи международных организаций более 400 грузинских семей, это около 70 % от общего количества лиц грузинской национальности, покинувших район во время грузино-осетинского конфликта. В самом Цхинвале вернули свои дома и квартиры более 50 грузинских семей. Им была оказана помощь со стороны местных администраций и международных организаций. В большинстве случаев грузинские беженцы не могут вернуться потому, что в их домах живут беженцы-осетины, которым не возвращают или не восстанавливают их сожженные дома.

Проблема заключалась еще и в несоответствии данных сторон о количестве

грузинских беженцев. По установленному «Порядку возвращения...» грузинская сторона в 1999 году переслала списки грузин, покинувших Южную Осетию. Количество их превышало 6 тыс. человек, по данным председателя Комитета по делам миграции РЮО Б. Чочиева, республику покинуло не более 5 тысяч грузин, часть которых покинула Южную Осетию за несколько дней до начала агрессии. Согласно последним данным грузинского Министерства по делам и расселению беженцев, официально в Грузии и за ее пределами зарегистрированы 280 тысяч беженцев из Абхазии и около 20 тысяч беженцев из Южной Осетии, тогда как по переписи 1989 года в Южной Осетии всего проживало 28 тысяч грузин. Получается слишком натянутая цифра, учитывая, что все грузинское население в Цхинвальском, Знаурском и Ленингорском районах по-прежнему живет в своих домах. В 1997 году грузинская сторона называет цифру 5–6 тысяч беженцев-грузин, которые живут в Горийском районе. Как показала поименная проверка 5800 включенных в списки грузинских «беженцев», проведенная Комитетом по делам миграции, около 30 % из них никогда не проживали в Цхинвале, а многие числятся в списках по нескольку раз. На запросы, пересланные комитетом грузинской стороне на возвращение осетинских беженцев, ответы приходили не всегда, и к тому же часто без конкретного содержания. В них лишь указывалось, что домовладения заявителей заняты другими (конечно, грузинскими) квартиросъемщиками. В ответ на такое положение осетинские беженцы потребовали, чтобы осетинская сторона не рассматривала заявления грузин на возвращение до тех пор, пока не будут решены жилищные проблемы осетин в Грузии. Торможению процесса возвращения способствовали и заявления грузинских политиков, периодически звучавшие в СМИ. К примеру, И. Мачавариани, полномочный представитель президента Грузии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, заявил: «Пока в регионе действуют законы самопровозглашенной РЮО, процесс возвращения туда грузинских беженцев не начнется». Таким образом, грузинская сторона пытается максимально политизировать этот процесс.

Принимающая сторона несет ответственность за безопасность тех, кто возвращается обратно, поэтому югоосетинская сторона предупреждала, что без согласования с ней нельзя допускать случаев возвращения грузинских беженцев. Но такие случаи были. В марте 1999 года в с. Калет Знаурского района была возвращена семья Гоголадзе Георгия без согласования с осетинской стороной. Его сыновья, по имеющейся у Комитета по делам миграции РЮО информации, принимали активное участие в военных действиях против своих односельчан-осетин. Восстановленный при помощи международных организаций дом Г. Гоголадзе был впоследствии поврежден неизвестными лицами. Далее, не вняв предупреждениям, также без согласования была возвращена семья Гоголадзе Акакия, чьи сыновья тоже участвовали в боевых действиях. Произошла трагедия. При невыясненных обстоятельствах он был убит. То есть лица, на которых согласно «Порядку...» не распространяется защита при возвращении,

не должны без согласования самостоятельно принимать решение о возвращении. На каком-то этапе парламент РЮО даже принял постановление, согласно которому возвращенцы обязаны указывать в анкетах, что будут уважать и соблюдать конституцию и законы страны возвращения. Что касается возвращения осетинских беженцев, то в течение 1997 года только четыре семьи были одобрены грузинской стороной на возвращение в районы Грузии, остальные 34 семьи были репатриированы силами УВКБ ООН без санкции грузинской стороны, а на 198 анкет, пересланных в Грузию через североосетинское отделение УВКБ ООН два года назад, не получено ни одного подтверждения. Югоосетинский офис УВКБ ООН переслал в Грузию 87 заявлений на возвращение из Южной Осетии, но ответы получил на 62, в которых в основном указывается, что «квартира оформлена в административном порядке на другую (разумеется, грузинскую) семью» или же «дело передано в суд».

Тот факт, что количество беженцев в Северной Осетии в начале войны и на данном этапе разнится, не говорит о том, что они возвращаются в Грузию. На самом деле они приняли гражданство РФ, снялись с учета или же выехали за пределы РСО – Алания. Спонтанное возвращение в принципе не могло иметь места, поскольку беженцам не было смысла отказываться от предлагаемой помощи международных организаций.

В большинстве случаев граждане Грузии занимают квартиры и дома осетин, успевают их оформить и ни при каких условиях не собираются возвращать.

В таких случаях грузинская сторона отказывается ущемлять их права. Так получилось с вопросом возвращения квартиры в г. Гори беженке Гиголаевой Б. И., которая после того, как потеряла всякую надежду, нотариально доверила ведение своего дела в разных инстанциях представителю грузинской части СКК Д. Мачабели. Последняя, столкнувшись с проблемами «грузинских демократов», требовавших юридического и морального оправдания тех грузин, которые занимают осетинские квартиры, отказалась от намерений, вернув доверенность обратно.

Грузинская часть СКК беспомощно разводила руками, решив, что, видимо, требуется какая-то более высокая инстанция, от которой бы исходили ходатайства. Юго-осетинская сторона СКК, согласившись, пересылала письма с ходатайствами на возвращение жилья за подписью высокопоставленных должностных лиц, а также от имени командования Смешанных сил по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта:

Чигоев Л. М. – письмо от СКК на возвращение в Ленингори. Анкета переслана в 1998 году. Лишен права пользования жильем, в квартире

«официально» проживает М. Канчелашвили. Вопрос рассматривался в судебных органах Грузии. Ответа нет, несмотря на то, что письмо было направлено также от имени командования ССПМ;

Бестаева А.М. – Тбилиси, анкета переслана в 1998 г. Лишена жилья на основании фиктивного договора об отчуждении квартиры. В настоящее время там проживает ее сосед по подъезду;

Валишвили Г. С. – с. Цвери. Анкета переслана в 1998 г. В доме проживает Цабодзе Г., не являющийся ни беженцем, ни пострадавшим.

Не помог даже самый высокий уровень – президентов Шеварднадзе и Чибирова. К примеру, вопрос возвращения квартиры беженке Л. Санакоевой решался именно на этом уровне и не был решен. Объясняется это торможением процесса на местах или же никак не объясняется. В таких условиях осетинская сторона была вынуждена ходатайствовать перед судебными органами о передаче квартир покинувших Южную Осетию грузин беженцам-осетинам из Грузии.

По данным УВКБ ООН, из Северной Осетии в Южную и собственно в Грузию вернулись только 1734 человека (513 семей). Что за этими цифрами – не всегда ясно. Осталась ли вернувшаяся семья в Грузии, или ее спугнули трудности – эти факты после того, как сделан отчет о переселении, не всегда изучаются.

В отчете Международной группы по предотвращению кризисов (International Crisis Group) за 2004 год приводится свидетельство грузинского инженера, который был занят на работах по восстановлению домов для возвращающихся беженцев и перемещенных лиц. В беседе с МГПК он назвал данные о возвращенцах сильно преувеличенными, поскольку, по его словам, очень немногие семьи возвращаются насовсем – большинство продают свои заново отстроенные дома. «Мы не добились результатов, на которые рассчитывали», – сказал он.

За период с 2000 по 2004 годы процесс возвращения не осуществлялся практически ни в одном направлении. МГПК признала, что «международное сообщество на практике оказывает мало давления на правительство Грузии для того, чтобы оно активней решало проблемы восстановления прав беженцев и ВПЛ. Доноры, кроме УВКБ и НСБ, не проявили особого желания поддержать усилия по возвращению».

В 2004 году Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН) по отношению к осетинам из Грузии пришло к выводу, что «преобладающее большинство перемещенных лиц остаются перемещенными... и многие из них, если не большинство, не желают возвращаться в места своего прежнего проживания».

В правительстве Северной Осетии, между тем, признали, что беженцы продолжают представлять для них большую проблему. «Помощь, которую мы получали от Российского государства, недостаточна для удовлетворения их

потребностей. Чем дольше мы будем откладывать решение этого вопроса, тем больше возрастает опасность», – сказали они. Северная Осетия поддержала попытки принятия в Грузии закона о реституции и создания комиссии по имущественным вопросам. Представители югоосетинских общественных организаций и парламента на встрече со своими грузинскими коллегами в Любляне в 2004 году также согласились, что восстановление имущественных прав и возвращение беженцев – один из немногих вопросов, в разрешении которого они реально могли бы участвовать в настоящее время.

* * *

В международном праве и практике право лиц, перемещенных вследствие войны, возвратиться в свои дома стало ключевым компонентом установления мира после конфликта. Право на добровольную репатриацию закреплено в нескольких основополагающих международных договорах. К примеру, в 1997 году Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД) отмечал, что «после возвращения в свои первоначальные дома все беженцы и перемещенные лица имеют право на возвращение имущества, которого они лишились во время конфликта, и получение компенсации за имущество, которое невозможно вернуть».

Вступая в Совет Европы, Грузия в 1999 году обязалась «принять необходимые законодательные меры в двухгодичный срок после вхождения в СЕ и административные меры – в трехгодичный срок после вхождения в СЕ, чтобы обеспечить восстановление имущественных и арендных прав или выплату компенсаций за имущество, потерянное людьми, вынужденными покинуть свои дома во время конфликтов в 1990–1994 годах». Отпущенные для выполнения этих обязательств пять лет ничем не ознаменовались, и Парламентская ассамблея СЕ (ПАСЕ) установила для Грузии предельный срок – до сентября 2005 года «для установления правовых рамок по восстановлению имущественных и арендных прав или выдачи компенсации за утраченное имущество». Грузия уже присоединилась к Конвенции о защите прав человека и фундаментальных свобод, а также к Протоколу № 12 об общих принципах недискриминации. Однако для обеспечения достаточной защиты национальных меньшинств она должна ратифицировать и приступить к исполнению Рамочной Конвенции Совета Европы по защите национальных меньшинств.

Рамочная Конвенция, вступившая в силу 1 февраля 1998 года, является одним из самых всеобъемлющих договоров по защите прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Стороны, подписавшие конвенцию, обязываются обеспечить полное и фактическое равенство представителей национальных меньшинств во всех сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни, а также условия, позволяющие им сохранять и развивать свою культуру и самобытность.

Столь высокие материи показались утомительными новому «розовому»

грузинскому руководству, которое решило, что быстрее, а главное привычнее, будет решить вопрос по принципу «Победителей не судят», и летом 2004 года Грузия уже в третий раз наступила на грабли вооруженной агрессии против Южной Осетии.

Встретившись в апреле 2004 года с Главой миссии УВКБ ООН в Грузии, руководитель осетинской части СКК Борис Чочиев акцентировал внимание Навида Хусейна на многочисленных угрозах нового руководства Грузии «решить вопрос Южной Осетии силовым путем» и задал вопрос: не повторятся ли в Южной Осетии события, произошедшие в Гальском районе Абхазии, где в результате повторных боевых действий в течение считанных дней были сожжены дома, построенные для грузин УВКБ ООН.

Решение грузинского руководства в отношении Южной Осетии созрело быстро после победоносных майских событий в единственной сохранившейся в Грузии автономии – Аджарии:

31 мая 2004 года в зону грузино-осетинского конфликта были введены подразделения грузинской регулярной армии, подготовленные инструкторами НАТО, и дополнительные силы спецназа МВД Грузии под видом защиты постов фискальных органов от посягательств российских миротворцев во главе с командующим ими генералом С. Набздоровым.

«Розовые революционеры», только что пережившие экстаз захвата государственной власти, верили, что степень народной поддержки президента Южной Осетии Э. Кокойты не настолько высока, люди легко перейдут на сторону Тбилиси, и решили повторить аджарский успех в Южной Осетии. Под предлогом борьбы с контрабандой был закрыт Эргнетский рынок, расположенный на границе между РЮО и Грузией и игравший серьезную стабилизирующую роль в отношениях сторон.

Рынок появился в середине 90-х годов как центр оптовой торговли товарами, которые завозились из России по территории Южной Осетии. В условиях низкого уровня экономического развития в Южной Осетии и весьма высоких цен на потребительские товары и продовольствие в Грузии, торговля на Эргнетском рынке служила источником средств к существованию для огромного количества семей, как осетинских, так и грузинских. Здесь происходило общение и налаживание контактов простых людей.

Но разрушение этого общего с Грузией экономического пространства вызвало еще большую интеграцию югоосетинской экономики в североосетинскую.

Борьба с контрабандой сопровождалась так называемым гуманитарным штурмом, в ходе которого грузинское руководство вдруг стало проявлять

агрессивную заботу о населении Южной Осетии: сначала появились грузовые машины с минеральными удобрениями, которыми частные владельцы земельных участков никогда не пользовались, к тому же посевной сезон давно прошел. Затем осетинским пенсионерам, получавшим российские пенсии в 50–70 долларов, стали предлагаться грузинские пенсии в 14 лари (7 долларов). Были организованы безуспешные кампании по вывозу детей из Южной Осетии на курорты Грузии. После организованного вывоза большей части грузинского населения из зоны конфликта начались и вооруженные действия. Проведенный в июле 2004 в Цхинвале опрос общественного мнения показал, что 98,8 % населения были против восстановления грузинского суверенитета, 96 % поддерживали президента Э. Кокойты и 78 % лично взяли бы в руки оружие в случае необходимости. Эти данные приводит МГПК в своем отчете в апреле 2005 года. Экономическая блокада и агрессивные действия грузинской стороны только сплотили осетинское население Южной Осетии, которое два с половиной летних месяца отражало намного превосходившие его силы противника.

19 августа 2004 года грузинские войска были выведены с территории Южной Осетии. У Грузии не было сил на затяжную войну, в которую угрожало перерасти вооруженное противостояние. Это грозило еще и серьезным осложнением отношений Грузии с Россией, чьими гражданами к тому времени уже являлось почти все население Южной Осетии, а также потерей большей части международной поддержки.

Короткая война не обошлась без беженцев. Показательным в этом случае является село Мамита Цхинвальского района, жители которого вторично подверглись изгнанию и насилию, их жилища разрушению, а имущество разграблению грузинскими бандформированиями и жителями соседних грузинских сел. Вновь они, как раньше многие другие, нашли убежище в г. Цхинвале. История села трагична.

Именно Мамитыкау, как свидетельствуют очевидцы тех лет, было сожжено первым при геноциде 20-х годов.

В 1991 году история повторилась в точности – оно снова было сожжено одним из первых, поскольку со всех сторон окружено грузинскими селами. После установления мира в Южной Осетии вновь поселиться в Мамитыкау его жители, обосновавшиеся в Цхинвале, все же не решались и бывали здесь наездами весной и летом, чтобы обработать участки, потом собрать урожай. Зимой село, где осталось девять домов Мамиевых и Габараевых, пустовало. Во время новой агрессии Грузии против Южной Осетии летом 2004 года село Мамитыкау было вновь опустошено. Дома были разобраны грузинами, уносить из домов было нечего. Село опустело, от домов остались одни стены. В этом году в Мамитыкау его бывшие жители не приехали даже собирать урожай в

садах.

Значительная часть жителей осетинских сел Дменис, Сарабук, Прис, которые на всем протяжении летних месяцев интенсивно обстреливались, также были вынуждены покинуть свои дома, многие из которых были разрушены частично или полностью. В Министерстве по особым делам осенью 2004 года, уже после того, как закончилось летнее вооруженное противостояние, было зарегистрировано 62 семьи из Кахетии, Панкисского ущелья, других районов и городов Грузии, вынужденные оставить свои дома в результате нового рецидива национализма в регионах Грузии.

Но все же организованная оборона позволила избежать появления новой волны беженцев. Уезжать из Южной Осетии теперь было не так сложно, как в первую войну. Результатом 15 лет войны, блокады, неопределенности стало то, что по крайней мере один человек из каждой югоосетинской семьи теперь живет в Северной Осетии. Но главное в том, что в Южной Осетии теперь постоянно чувствовали поддержку России.

С послевоенной осени 2004 года при усиленном давлении международных организаций и европейских структур на Грузию начинаются ее попытки реанимировать работу по принятию закона о реституции имущества.

Еще в 1999 году неправительственная организация «Ассоциация молодых юристов Грузии» (АМЮГ) подготовила первый законопроект о реституции, который не соответствовал требованиям СЕ и ОБСЕ. Однако в августе 2004 года министр юстиции Грузии представил новый законопроект, основанный в целом на прежнем тексте АМЮГ.

Законопроект 2004 года гарантировал беженцам и ВПЛ право возвращения в свои дома, получение имущества, утраченного во время конфликта, компенсацию имущества, которое невозможно вернуть, а также безопасность. Предусматривалось создание и комиссии по обеспечению жильем и рассмотрению претензий на имущество. Однако офис народного защитника Грузии больше внимания уделял общему закону по восстановлению прав всех граждан, подвергшихся дискриминации в период правления Гамсахурдиа, а не подготовке проекта закона о реституции. То есть был предложен проект закона, общего для всех пострадавших в Абхазии и в Южной Осетии, тогда как нужны отдельные законы по обоим случаям.

Рекомендации международных организаций отразились в так называемых мирных инициативах М. Саакашвили в Страсбурге в январе 2005 года. Причем в «инициативах» по Южной Осетии подчеркнуто, что закон будет принят только после достижения «конституционного соглашения», то есть когда решение по статусу Южной Осетии будет окончательно принято. Таким образом, грузинские власти не учли предупреждений международных организаций о том, что, если вопрос возвращения беженцев в Грузию подменится попытками решения территориальных проблем, Грузия получит еще одно военное противостояние.

Позиция осетинской стороны – не обсуждать вопрос статуса Южной Осетии, который давно уже определен, – хорошо известна и заявлена уже на всех уровнях. Акцентирование внимания грузинского президента на этом вопросе говорит только о том, что его «инициативы» не продиктованы серьезными намерениями по урегулированию отношений с осетинами. А щедрые обещания компенсировать всем беженцам потерянное имущество не подкреплены реальными возможностями Грузии.

У нынешней Грузии нет и институциональных возможностей, чтобы справиться с массовым возвращением беженцев.

Министерство по гражданской интеграции, являющееся в Грузии единственной государственной структурой, которая должна заниматься возвращением беженцев, не имеет средств для удовлетворения даже тех немногих имеющихся у нее заявлений о добровольном возвращении беженцев и ВПЛ в Грузию. 8 апреля 2005 года, когда парламент Грузии принял решение увеличить бюджетные расходы на 245 млн. долларов, министерству по гражданской интеграции не было выделено дополнительных сумм, в то время как министерство обороны получило 96 млн. долларов в дополнение к 76 млн. долларов, уже выделенных ему из бюджета 2005 г.

Зента Бестаева, недавняя беженка из осетинского села Прис, поработавшая некоторое время в миссиях международных организаций в Северной Осетии, стала вдруг министром по гражданской интеграции Грузии. Она получила это приглашение президента Саакашвили, очевидно, в рамках того же «гуманитарного штурма», и вскоре приняла самое деятельное участие в показательной репатриации, такой же показушной, как и все инициативы Саакашвили.

Данные о количестве беженцев, все еще заинтересованных в возвращении, разноречивы. По информации З. Бестаевой, ее министерство получило за последние месяцы более 50 заявлений осетинских семей, заявивших о желании вернуться на прежнее место проживания. Однако 99 % опрошенных в 2002 году партнером УВКБ по осуществлению программ в РСО – Алании заявили, что не намерены когда-либо возвращаться в Грузию.

К семьям, собравшимся вернуться в Грузию, остальные беженцы отнеслись с определенной неприязнью. Но все же причины для решения вернуться после всего перенесенного были. В августе 2004 года М. Саакашвили подписал указ о выделении 197 тысяч долларов в помощь 25 осетинским семьям, согласившимся вернуться в довоенные места своего проживания. Организация переселения была возложена на Зенту Бестаеву по программе УВКБ ООН. Речь идет не о добровольно собиравшихся вернуться, а о тех, кто, поддавшись многочисленным обещаниям и посулам, согласился «попробовать, а в случае

чего – отказаться».

Почему УВКБ ООН и грузинское правительство выбрали именно с. Митарби Боржомского района для программы возвращения осетин? Село находится поодаль от других сел Гуджаретского ущелья, поближе к г. Боржоми. Здесь, в отличие от других сел, почти все говорят по-грузински, легче адаптируются, в селе было много смешанных семей. Все это облегчало принятие решения, несмотря на то, что именно в Митарби было совершено несколько жестоких убийств осетин во время их изгнания из Грузии в 1991 году.

Диаконова-Маргиева Замира Чаисовна из с. Б. Митарби Боржомского района сейчас живет в поселке для беженцев Заводском в пригороде Владикавказа. «Село Большое Митарби осетинское, в нем только невестки были грузинки. А вот в Малом Митарби были грузинские семьи. У нас была большая семья – мы с мужем, тремя детьми и свекровью. Когда все началось, мы дочерей отправили сразу кого куда, боялись за них. Младшую дочь я отправила с соседкой в Северную Осетию, причем даже не знала, куда и где ее потом искать. В селе Михайловском у нас жили дальние родственники, но я не знала ни адреса, ни где это Михайловское. Но даже это было не страшно, мне лишь бы отправить ее подальше от Митарби. Муж и сын уехали раньше в Северную Осетию, увезли кое-что из имущества, но куда устроились, я еще не знала. Я осталась с больной, парализованной свекровью. В апреле пришли к нам в село грузины, увели весь скот – пять коров и лошадь, пока меня не было дома. Вернувшись, я поплакала и решила пойти их искать. Подумала, что надо идти в грузинское село Кимот. Там всегда жили осетины, но постепенно огрузинились. Пришла я туда, когда уже ночь была, нашла хлев, где грузины держали весь отобранный у осетин скот. Увидела там только что родившихся телят, мертвых. Своих животных я не нашла, а чужих не стала брать. Пошла дальше в другое село, Мзетамзе, и вдруг нашла там свою лошадь. Вернее, это она меня увидела и стала рваться ко мне, она была привязана в поле. Я отвязала ее и быстро-быстро повела, не веря, что мне так повезло. Грузины увидели меня, отобрали лошадь. Я еще постояла, посмотрела и ушла. Лошадь было особенно жалко, больше, чем коров. Красивая была, умная.

Вернулась домой ни с чем. Двери застала сломанными, все перевернуто, а свекровь лежала на полу – пока меня не было, грузины приходили еще раз, скинули больную старуху на пол, говорит, оружие под кроватью искали. Уложила я ее обратно и побежала к соседке, договариваться о бегстве. Туда к нам ворвались вернувшиеся опять грузины, отняли паспорт у соседки, требовали сберкнижку. И смех и грех – соседка, чтобы избежать разбоя, говорит им с гордостью: „Вы знаете, мой племянник тоже грузинский экстремист!“, но ее только обматерили и пошли все крушить и ломать. Меня хотели забрать с собой, и тогда я, на всякий случай, сказала, что моя фамилия – Диаконашвили, понадеявшись на это „швили“. И мне повезло, кто-то из их приятелей оказался Диаконашвили. Меня оставили. У нас почти все были с фамилиями на „швили“,

и грузинский мы хорошо знали, но разве это нам помогло?

Митарби ближе других сел расположено к Боржоми, сюда чаще наведывались грузины. В общей сложности 43 „КамАЗа“ добра вывезли из села. Мы с той соседкой нашли машину, заплатили вдвоем все, что у нас оставалось. Свекровь не хотела ехать, стеснялась – больная, лежащая. Ее пришлось оставить у старика-брата в Боржоми, а через два месяца они увезли ее в Ставрополь к родственникам, там она и умерла.

Не хочу ли я вернуться обратно? После всего этого?! В прошлом году к нам часто приезжала Зента Бестаева, министр по беженцам Грузии, долго уговаривала нас вернуться. Все же уговорила Плиевых и Кумаритовых. Всего четыре семьи. В их домах жили грузины, поэтому они сохранились. Дома им отремонтировали. Дали им по одной корове, пять кур, посуду, мебель, даже зубные щетки. Но все они вернулись обратно сюда».

В августе 2004 года в Митарби вернулись первые пять семей из запланированных 25. Возвращение оставшихся двадцати ожидалось в сентябре, но было отложено. При этом З. Бестаева утверждала, что желающих вернуться в Грузию много, но их удерживает отсутствие жилья и инфраструктуры. На самом деле случай с Митарби показателен в том смысле, что для вернувшихся туда были созданы тепличные по сравнению с другими условия. Но этот опыт показал несостоятельность попыток решить проблему репатриации в отрыве от других составляющих этого процесса. Основой для решения вернуться должны стать не уговоры З. Бестаевой, а реституция и полная компенсация потерянной собственности. После чего беженец должен сам принять решение, как ему быть дальше.

История № 10. Почему я вернулся?

Кумаритов Ибрагим Ильич из с. Б. Митарби. Вернулся в Грузию по президентской программе, но приехал обратно в Северную Осетию. Сейчас живет в поселке Ирыкау близ Владикавказа. Почему он согласился вернуться?

«Грузинским языком владею прекрасно. У меня много родственников-грузин, невестка – грузинка. Две мои дочери замужем за грузинами в Митарби. Вся моя большая семья – я, жена, мать, два сына, невестка и внучка – жили вместе в Митарби. Все работали в совхозе. У нас был большой деревянный дом, большой огород. Закупили стройматериалы, собирались строить новый дом, побольше. Хозяйство было тоже немалое: 11 голов крупного рогатого скота, 25 – мелкого, много птицы, свиней. Машина была – „ГАЗ-69“. Жили в достатке, продавали на базаре сыр, шерсть и всякую живность. Когда жить с грузинами стало невозможно даже мне, несмотря на близкую грузинскую родню, другим тем более там нельзя было оставаться. Я ничего не успел вывезти, все разграбили, растащили. Уехали мы ни с чем, даже документы потерял.

Приехав сюда, я сразу понял, что долго мне не протянуть. Дело не в том,

что жили по турбазам да чужим углам. У меня астма. Самое подходящее для меня место на всей земле – мое родное село Митарби, где я дышал и чувствовал себя человеком. А здешний воздух не для меня, как я выдержал столько лет? Я согласился вернуться туда, чтобы вдохнуть еще раз нашего воздуха. Честно говоря, я думал заодно получить обратно свой дом и оформить его на дочь, а потом приехать обратно сюда, да и умереть здесь.

Зента Бестаева повезла нас в Митарби, а там нас уже ждал М. Саакашвили с толпой журналистов, сказал речь. В моем доме жил какой-то грузин, его сразу выпроводили, отремонтировали все сверху донизу. Я сразу получил паспорт и грузинское гражданство, как исключение, по указу Саакашвили. Обещали дать и денег – 5 тыс. долларов, но дали 4 тыс. лари (около 2 тыс. долларов. – И. К.), и то через месяц. Дали самую необходимую мебель, корову с теленком. В селе в это время даже свет бьет, чему местные жители-грузины очень удивлялись. Я был рад тому, что могу дышать, там я был совершенно здоров. Какая была атмосфера? Вроде все хорошо, но не знаешь, когда это прекратится, и все время ждешь неприятностей. Оформить дом мне не удалось, я пытался даже продать его и остался там до декабря. Свет, кстати, очень скоро перестали давать, дорог зимой совсем нет. Жить там сейчас очень трудно. Я вернулся обратно, оставив в доме родственницу. Перезимовал здесь, а теперь опять эта духота началась, и мне снова захотелось туда – отдохнуть от своей болезни и проведать дом. Но паспорт у меня пропал еще в 1991 году. В прошлом году я пересекал границу с удостоверением беженца, теперь его отобрали, а с грузинским паспортом меня уже не пропустят через границу. Получить российский паспорт мне пока не удалось. Я не знаю, удастся ли мне еще поехать когда-нибудь. Сейчас все вместе живем здесь, в этом домике: я, моя 92-летняя мать, мой неженатый сын и моя сестра.

Кто еще вернулся в Митарби? Я лучше не буду называть их. Нас и так называют предателями. Там сейчас одна семья. Они повезли детей на лето отдохнуть и скоро вернуться. Детям пора в школу, да и тяжело там теперь, все какое-то чужое».

Кстати, Ибрагим Кумаритов справедливо подчеркнул, что «потерял не одну корову», то есть возмещенный ущерб был неравноценен тому имуществу, которое потеряли беженцы. Каждый из них, не задумываясь, с крестьянской точностью может перечислить до мелочей все, чего лишился.

Джигкаева-Плиева Любовь Джамболовна из с. Гуджарет Боржомского района рассказывает о потерянном имуществе: «Большой кирпичный дом, четыре комнаты по 25 кв. м. Грузины потом сняли жезь с крыши и покрыли ее шифером. Летом в нем живут грузины, зимой дом пустует. В хозяйстве было четыре коровы, 35 овец, четыре свиньи, 12 поросят, куры, гуси – около 100 штук, несушки. Один раз в неделю ездила в Боржом на рынок, продавала сыр

по 3 рубля за кг (осетинки продавали дешевле, чем другие), кур, поросят, телят. Каждую весну продавала по 12–13 ягнят. Сено заготовливали сами, сначала для колхоза, потом уже для себя. У некоторых были машины – „УАЗы“, „Москвичи“. Если здоровье позволяло, люди трудились и жили хорошо. Жила в одном доме с двумя сыновьями, невесткой и тремя внуками-школьниками.

Сначала в селе закрыли среднюю школу, где учились на осетинском и русском. В сентябре 1990 года дети в школу уже не пошли, учителя разъехались. Было всего две школы – в Гвердисубани и Гуджарети. Некоторые повезли детей во Владикавказ, устроили их у родственников, они там ходили в школу. Другие просто не учились. Мои тоже уехали и увезли детей. Я осталась присматривать за домом. В апреле грузины начали приезжать в село. Первый раз пришли пять человек, вошли в дом, наставили автомат. Потребовали деньги, оружие, оскорбляли, кричали. Я потом сразу поехала в п. Цагвери искать себе попутчика, вернулась только утром и смотрю: грузины затолкали в машину местных осетин, погрузили кое-какой скарб и повезли в Цагвери, там высадили, сказали, чтобы убирались. Я с тремя женщинами села в поезд в Боржоми и уехала в Тбилиси, оттуда во Владикавказ. Жила в пансионате „Редант“ пять лет, с тех пор живу здесь, комнату получила невестка, которая устроилась на завод. Жили впятером, потом получили вторую комнату».

Люба жалуется, что не может привыкнуть к общежитию: грязно, тесно, шумно и убого. Моральные страдания сильнее физических. Три старших брата Любы погибли на фронте в Великую Отечественную. «За что?» – спрашивает она. Грузинского не знает совсем: училась в школе по-осетински. Ей повезло: это был последний выпуск на осетинском, потом все осетинские школы в Грузии перевели на грузинский язык, и дети, не зная даже алфавита, получали фиктивное среднее образование. Вернется ли, если создадут условия? «Господи, нет, конечно! Как возвращаться к врагам?»

Отказ беженцев возвращаться имеет конкретное объяснение: между положением беженцев среди своих и положением бесправных нищих среди чужих они выбрали первое, поскольку статус беженца преодолим. Жизнь можно начать и с нуля при поддержке близких людей. А вот что ждет там, откуда их изгнали всего 14 лет назад:

• **отсутствие гражданства:** они уже не граждане этой страны, большинство из них получили российское гражданство. Конституция же Грузии (статья 12.2) не допускает двойного гражданства, и только президент правомочен своим указом предоставить грузинское гражданство в особых случаях. Он предоставил его 25 семьям, согласившимся вернуться в Митарби. Но у других желающих вернуться таких гарантий нет. Они не могут получить гражданство автоматически, если покинули страну до декабря 1991 года. Жителям Северной Осетии очень трудно получить свои юридические документы, оставшиеся в Грузии (паспорта, свидетельства о рождении, о браке, трудовые книжки), чтобы подать заявления на получение гражданства перед

возвращением. В проекте закона о реституции 2000 года говорится о возможности восстановить права беженцев на получение гражданства, то есть вынужденные переселенцы, проживающие в Северной Осетии, должны получить разрешение на двойное гражданство. Но в законопроекте 2004 года об этих правах уже не упоминается;

• **отсутствие перспективы получить работу:** уровень безработицы в Грузии очень высок. Осетинам найти работу, не зная грузинского языка, будет нелегко. К тому же, именно национальность часто была основанием для их увольнения с работы. В условиях сильнейшей конкуренции за рабочие места осетины, конечно, окажутся в проигрышном положении даже на самых непрестижных видах работы – скажем, уличной торговли;

• **отсутствие гарантий безопасности:** это один из основных мотивов отказа. Многие беженцы объясняют свой отказ возвращаться тем, что они и раньше не были полноправными жителями Грузии, что позволило действительно полноправным выгнать их из страны. Они уверены, что их ждет полная незащищенность грузинским правосудием в случае рецидива агрессивного национализма в Грузии. Осетины – малая нация, которую инстинкт самосохранения научил необходимости жить компактно. А после событий в Южной Осетии летом 2004 года недоверие к грузинской стороне усилилось;

• **отсутствие возможности получения образования на родном или русском языке:** дети беженцев, выросшие в Северной Осетии, не знают грузинского языка и не смогут учиться в грузинских школах. Даже те осетины, что остались в Грузии в момент изгнания основного осетинского населения и которые идентифицируют себя именно как осетины, еще не полностью ассимилировавшись с грузинами, ориентированы в перспективе на Северную Осетию и Россию. Так, жители п. Бакуриани Боржомского района в ответ на предложение осетинских журналистов, приехавших к ним из Цхинвала в 1997 году, привезти им учебники осетинского языка, смущаясь, попросили «привезти лучше учебники русского, поскольку рано или поздно придется уезжать в Россию и детям понадобится знание русского языка, а осетинский как-нибудь выучат сами». Ассимиляция осетинского населения идет полным ходом в Кахетии и в других районах Грузии, где еще остались компактные поселения осетин;

• **отсутствие права на возврат жилья:** речь в основном идет о муниципальных квартирах, поскольку право на частное жилье сохраняется, и, если дом не разрушен или сожжен, владелец в идеальном варианте может его вернуть. Отнимать у осетин муниципальные квартиры по закону властям было очень трудно, однако можно было воспользоваться шестимесячным отсутствием хозяев и лишить их прав собственности на прежние квартиры. По закону это следовало делать на основании решения суда после рассмотрения дела, но в большинстве случаев местные власти просто выдавали ордера новым жильцам. Права большого количества людей, перемещенных из Грузии, были

аннулированы именно таким способом. В период между 1991 и 1996 годами только в Горийском районном суде было возбуждено 165 дел с требованием упразднения права аренды недвижимости осетинских семей. В 134 случаях суд вынес решения в пользу исполнительных комитетов, лишив прежних владельцев прав на свои квартиры. При этом тот факт, что люди бегством спасали свои жизни, считалось отсутствием веских причин. Во многих случаях, когда возвратившиеся старались обжаловать подобные решения, суды отказывались признавать грузино-осетинский конфликт достаточной причиной, побудившей людей оставить свои дома. УВКБ ООН признало, что это было дискриминационное применение Жилищного кодекса Грузии 1983 года против осетин, покинувших свои дома.

Гражданский кодекс Грузии, принятый в 1997 году, упразднил Жилищный кодекс 1983 года. Это позволило некоторым осетинам восстановить свои имущественные права. В период между 1998 и 1999 годами в 52 из 59 дел, рассмотренных в районных судах Карели и Гори, были вынесены решения в пользу первоначальных владельцев. Возможно, это произошло в период объявленного «года возвращения». Дальше начался процесс приватизации государственных квартир, в результате которой новые жильцы, выкупив квартиру, приобретенную по новому ордеру, чаще всего перепродавали узаконенное имущество другим людям.

Для того чтобы реституция имущества стала возможной, Грузия должна отменить законы, отказывающие беженцам и ВПЛ в праве вновь обрести утраченное имущество. Впрочем, беженцы, пытавшиеся вернуть свое жилье, утверждают, что именно те суды, в которые им приходится обращаться с исками, в свое время лишали их имущественных прав на основании шестимесячного отсутствия. Конечно, не может быть и речи об объективности этих судов и доверии к ним. Кроме того, беженцы-осетины при подаче заявлений в суды должны платить немалую пошлину, хотя для грузинских беженцев осетинской стороной этот вопрос был решен – их освободили от необходимости ее уплаты. Грузинская сторона ссылается на то, что суды в Грузии независимы и их не могут обязать освободить беженцев от уплаты пошлины при подаче исков в суды.

В 2004 году в законопроект было включено положение, согласно которому компенсации могут получить и те, кто отказывается возвратиться. Но в проекте не указано, может ли беженец вместо возвращения выбрать компенсацию в качестве возмещения ущерба, или она будет выплачиваться в случаях, когда имущество уже невозможно использовать в качестве жилья.

Грузинская сторона не смогла в организованном порядке, через судебные органы вернуть ни одной квартиры. В 1999 году проблему с судами попытались решить даже через неправительственные организации. Представители

«Ассоциации молодых юристов» отобрали пять наиболее легких дел (Бикоевой Сони, Кокоева Руслана, Кочиевой Юли, Джиеова Инала, Гиголаевой Бабуцы) для оказания им юридической помощи. Но через полгода они признались в своем бессилии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обещания Грузии принять закон о реституции пр(должаются с 1999 года. При этом масштаб намерений в условиях катастрофического положения собственной экономики вызывает сомнения в их серьезности. С учетом того, что на протяжении многих лет число вернувшихся в Грузию беженцев оставалось незначительным, грузинской стороне предстоит еще убедить осетин том, что процесс не является очередной пропагандистской акцией. В комментариях УВКБ ООН, Совета Европы, ОБСЕ к имеющимся грузинским законопроектам говорится, что в них не соотносятся возможности государства с его обещаниями компенсаций. За принятие закона о реституции должна последовать целая серия более обширных социальных, экономических и политических мер, направленных на реинтеграцию вернувшихся осетин. Например, по закону они должны быть восстановлены на прежних местах работы, а если это невозможно они должны получить компенсацию за годы изгнания. Это будет возмещением «потерянной прибыли», той, которая была бы на их месте работы, если бы их не изгнал. В понятие реституции должна входить и моральная сторона ущерба.

В 2003 году Евросоюз начал осуществление третьей программы по реабилитации зоны грузино-осетинского конфликта стоимостью в 2,5 млн. евро, предусматривающей помощь и в восстановлении домов, обеспечение вернувшихся беженцев предметами первой необходимости (800 тысяч евро), восстановление базовой инфраструктуры в местах репатриации беженцев (400 тыс. евро) и восстановление базовой инфраструктуры в помощь постоянным жителям (1,3 млн. евро).

Времени на выполнение обязательств перед Советом Европы у Грузии все меньше, а вместо проекта закона о реституции на конференциях и встречах все еще фигурируют «концепции о праве на реституцию». Так было в Брюсселе в июне 2005 года на встрече экспертов сторон, где снова вместо законопроекта было предъявлено намерение о его принятии. Так было в Батуми в июле того же года, где наряду с обещаниями выплатить все, грузинский президент вновь выступил с «агрессивным мирным предложением» Южной Осетии, связав право на реституцию с политическим решением вопроса статуса республики. Что остается делать Грузии, не готовой ни морально, ни финансово осуществить меры по реституции? Мнение осетинской стороны таково: программа, рассчитанная на 10 лет, коснется в полной мере первых 30–50 беженцев, компенсация ущерба которым будет широко разрекламирована для отчета перед европейскими структурами, после чего, сославшись, скажем, на «нежелание осетинской стороны идти на сотрудничество», дело будет спущено на тормозах. Еще больше процессу может помешать новый виток обострения ситуации или

вполне реальная новая вооруженная агрессия. Нужны действенные механизмы, используемые мировым сообществом, для того чтобы принудить Грузию выполнить свои обязательства, и не для отчета перед Советом Европы, а в целях восстановления справедливости по отношению к осетинскому народу.

Справедливость же заключается в том, что 115 из 164 тысяч, то есть 70 % осетин были изгнаны из Грузии. Международное сообщество должно признать, что это факт геноцида, и Грузия должна нести ответственность за потерянные 14 лет жизни, единственной жизни людей, которые считали, что родина там, где твой дом.